

НАСЛЕДНИК

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСАНДРА II

Издание
Новоспасского монастыря
Адрес редакции:
115172, г. Москва,
Крестьянская площадь, д. 10,
редакция журнала «Наследник»
тел./факс (495) 676-69-21
<http://www.naslednik-magazine.ru>
email: naslednik-magazine@yandex.ru

Православный молодежный
журнал «НАСЛЕДНИК»
зарегистрирован в Управлении
Федеральной службы
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере
массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ №ФС77-21508.
Рукописи не возвращаются.
Ответственность за содержание
рекламных объявлений
несет рекламодатель.

Над номером работали:

главный редактор
священник
Максим Первозванский
редакционный совет:
Василий Пичугин,
Артем Ермаков,
Наталья Зырянова
выпускающий редактор
Татьяна Садовникова
редактор сайта
Анастасия Варчева
художественный редактор
Виктория Рыженко
e-mail: naslednik-art@yandex.ru
ответственный секретарь
Зоя Антонова
корреспонденты
Ирина Пшеничникова
Елена Коровина
рисунки
Юлия Юсупова
Вера Юсупова
дизайн
Ирина Журова
Отдел распространения
Сергей Малин
Людмила Шкода
Наталья Степанова
e-mail: naslednik-subscribe@yandex.ru
финансовый директор
Ирина Солянкина

Фото на первой
странице обложки
Виктории Николаевой,
на второй —
Александра Степанова

Сколько живет на свете человек, столько стремится он к славе. Часто в наших головах слава неотделима от понятий «успех», «везение», а иногда и «милость Божия».

Славен тот, кто оставил след. И вообще вы что, считаете склонность к увековечиванию своего имени чем-то нехорошим? Хотели древние герои умереть со славой под стенами Трои или добыть золотое руно, не боялись ради славы вступать в бой даже с богами — вот мы их и помним. Помним Геракла и Гектора, Ахилла и Одиссея. И слава их неподсудна. Победителей не судят. Или все-таки судят? Мы помним и сизифов труд, и танталовы муки. (Кстати, интересно, сколько наших читателей знает, за что были наказаны Сизиф и Тантал.) Да и на примере Ахилла детей лучше не воспитывать. Про славу Каина и Иуды тоже не хочется вспоминать. А многие из тех, кто пытался славы избежать, прославились не меньше Геракла. Нужны примеры? Пожалуйста. Николай Угодник или Александр Матросов. Похоже, действительно слава бывает разная. И еще вопрос: нужно ли к ней стремиться?

Лицемерами назвал в Евангелии Господь ищущих славы: *Не труби перед собою, как делают лицемеры... чтобы прославляли их люди.* Эта слава тщетная (тщеславие). Главное в любом поступке — мотив, цель. Если для себя любимого — одно. Если «жила бы страна родная, а слава тебя найдет» — согласитесь, другое. Настоящая слава приходит, как и настоящая любовь, если не «она для меня, а я для нее».

Ах, какая же тогда выходит идиллия! Сиди, значит, на своем месте. Пропалывай свою грядку. Тяни свою лямку. Служи удобрением для будущих поколений. Сиди и не рыпайся. Но это же не всем подходит. «Ведь я же еще и талантливый», — возразил Карлсон, когда фрекен Бок сказала ему, что на телевидении такого добра хватает без него. Потому многим и хочется стать Суворовым или Путиным. А еще лучше — Абрамовичем или хотя бы Павлюченко. И слава, и деньги.

Вот такая получается антиномия (читай: противоречие). Искать своей славы — поступать против заповеди. Сплошное тщеславие, да и риск вместо признания потомков и современников получить презрение или даже ненависть. Чем ты известнее, тем и ответственность больше. Тем больше зависит от твоего ума или глупости. А также от того, насколько у тебя есть благословение Свыше.

А если все же слава пришла, как жить с ней? Как не приписать себе, такому умному, доброму, сильному и красивому, заслуги по ее достижению? Как привыкнуть к тому, что тебя узнают, общения с тобой ищут, с твоим мнением считаются, хотят быть похожим на тебя? А после того, как ты оступился или тебя оклеветали и все от тебя отвернулись, как не впасть в отчаяние, не обвинить всех, не замкнуться в горделивом превозношении? Наш очередной номер посвящен поискам ответов на эти не самые простые вопросы.

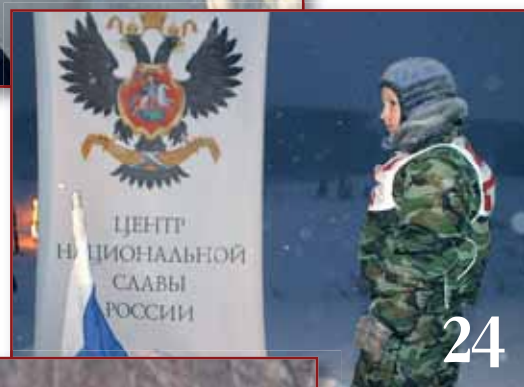
6

12

23

24

30

34

Тема номера: СЛАВА

- 4 КТО ТАКОЙ ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК?
Глас народа
- 6 ОКТАВИАН АВГУСТ И ПРЕЗИДЕНТ
И все-таки год кончается в августе
- 12 РОССИИ БЕЗ СЛАВЫ НЕ БЫВАЕТ
Владимир Махнач
Почему мы славяне и православные
- 18 КОГДА ЕЙ ПОСТАВЯТ ПАМЯТНИК...
Валентин Непомнящий
Царский подарок Арины Родионовны
- 20 РОДНЫЕ ЛИЦА
Нет, не кончилась жизнь в глубинке!
- 23 СЛАВА И ТЩЕСЛАВИЕ
Федор Гиренок
Шесть способов прославиться

АВТОРИТЕТНО

- 24 СЛАВА – ЭТО ПРОЦЕСС
Беседа с президентом
ОАО «Российские железные дороги»,
председателем попечительского совета
Центра национальной славы России
Владимиром Якуниным

ОБРАЗ ЖИЗНИ

- 30 КАЖДЫЙ ДЕНЬ НЕ ПОХОЖ
НА ВЧЕРАШНИЙ
Признания тележурналиста
- 32 Я И ДВОР
Нам пишут. Советовали? Посетил!
- 34 ТКАЧИХА ИЗ СУЗДАЛЯ
Она вышла из древних веков
- 36 ОБ ОДНОМ ГЕРОЕ
Награды за подвиг он не получил
- 39 ПОМИНКИ
Умирать такие будут, а своих не продадут

РОДИНА РОССИЯ

- 44 ЭТО СТРАННОЕ МЕСТО –
КАМЧАТКА
Почему сюда мечтают вернуться
- 52 ГОРОД НА ОКЕАНЕ –
ВОРОТА В ЗАВТРА
Беседа с мэром
Петропавловска-Камчатского
Владиславом Скворцовым
- 56 ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ – ЕПИСКОП
Архиепископ Петропавловский
и Камчатский Игнатий
Подо льдом на подводной лодке

ИСТОРИЯ

- 62 КОМУ БЕССЛАВЬЕ,
А КОМУ – БЕССМЕРТИЕ
Две судьбы
- 68 РАССКАЗЫ О РУССКОМ
ПЕРВЕНСТВЕ
Пушка, в которую стреляли

ЛЮБОВЬ И СЕМЬЯ

- 72 СЛАВА ТРУДУ
ВЫКЛЮЧАЙ МОЗГИ
Если муж ушел в субботу на работу

КУЛЬТ И КУЛЬТУРА

- 78 СЛАВА МОЯ – НЕ ЭФЕМЕРНАЯ
Беседа с киноактером и режиссером
Владимиром Меньшовым
- 84 «В КРУГУ МОИХ ЗНАКОМЫХ
НЕТ ЛЮДЕЙ, ИСПОРЧЕННЫХ
СЛАВОЙ», –
считает народный художник РФ
Василий Нестеренко
- 90 КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ
Мы все увидели другого Джонни Деппа

44

56

62

72

90

78

Юлия, 22 года, ФГУП «Охрана» МВД РФ:

Великие люди – это люди, изменившие ход истории, развернувшие общественную мысль таким образом, что изменилось само устройство государства. К великим людям можно отнести Петра Великого. Другое дело, что гений великих людей может быть обращен как на светлую сторону, так и на темную. И, конечно, для народа большое счастье, когда у него есть гении, стоящие на доброй стороне.

Александр, 22 года, юрист:

По-настоящему великих людей мы часто не замечаем потому, что они скрывают свои подвиги, свою добрую жизнь. Они не обязательно велики в чужих глазах, но они велики перед Богом. Господь сказал в Евангелии: кто хочет быть больше всех, пусть будет всем слугой. Это и определяет великого человека. Есть бабушки, которые целый день мирно делают не покладая рук свою малоприятную домашнюю работу, их никто не благодарит, порой ругают, а у Бога они выше, чем те, кто совершает великие дела. Чтобы стать великим человеком, нужно исполнить слова преподобного Серафима Саровского – стяжать мирный дух. А стяжать его можно, только если всегда поступать по совести, помнить о Боге, иметь терпение, потому что жить по совести не всегда легко. Духовная жизнь должна быть не на показ, не для славы, а сокровенная, наедине с Богом.

Подготовили
Максим ПАРШИН,
Лада ПАНИШЕВА

Кто такие великие люди?

Сергей, 20 лет, студент Ижевского государственного технического университета:

Великие люди – это люди, которые не только совершили что-то большое и грандиозное, но при этом заслужили уважение других людей. Чтобы стать великим, надо прежде всего трудиться.

Александр Петрович,
86 лет:

Великие люди хотят строить и строят самое справедливое социальное общество, то есть социализм. И благодаря им рано или поздно социализм будет процветать на всем Земном шаре. А остальным так называемым великим людям надо еще расти и расти до коммунистов, они в потемках блуждают.

Вадим, 21 год, студент
Тверского государственного университета:

Великие люди – это люди, которые несут какой-то подвиг, занимаются каким-то делом, полностью отдавая ему. В нашем веке это – многодетные мамы, воспитывающие по 8–10 детей.

Елена, 26 лет, крановщица:

Великие люди – те, кто чего-то добился в своей жизни. Это могут быть и самые простые люди. Великим можно быть только в чем-то добром. История говорит, что великих людей много. Но в жизни я великих людей не встречала. Хотя, наверное, моя свекровь – человек великий. Она чего хочет, всего добивается.

Людмила, 23 года, врач-ординатор, студентка Санкт-Петербургской медицинской Педагогической академии:

Великий человек – это тот, кто любит каждого-каждого, встречающегося ему, и это у него получается само собой. Есть люди, находясь рядом с которыми, чувствуешь, что они тебя обнимают всеми фибрами своей души и улыбаются при этом. Любовью называют сейчас все подряд, это слово уже сильно истаскано, но именно оно здесь больше всего подходит. Находясь рядом с такими людьми, хочется просто жить, работать. И так же светиться. По-моему, вот это – настоящее величие. А все остальное: достиг ли он чего-нибудь или нет, каких-то регалий, – это все «медь звенящая и кимвал бряцающий».

Вячеслав, 19 лет, студент Кубанского государственного университета:

Высказывая субъективную точку зрения, считаю, что великие люди – это люди, которые своей деятельностью, быть может, даже себе в убыток, в ущерб своим собственным интересам совершают что-то меценатское. Великий человек не обязательно должен быть известным.

Тамара Ивановна, 70 лет, филолог:

Есть талантливые люди. Им даются свыше особые дары, которыми они должны правильно распорядиться, живя на земле. Когда они отдают свои таланты на пользу другим, становятся великими. Многие и к Богу пришли благодаря книгам великих русских писателей. И теперь идут дальше, к своему величию: из-за зависти, жестокости, с любовью относятся друг к другу, прощают, не таят злобу, стараются жить в добре, несут людям мир.

Павел, 18 лет, студент 2-го курса Тамбовской духовной семинарии:

Великие люди ставят в своей жизни определенную цель, которая становится для них идеалом, и пытаются ее достичь теми средствами, которыми обладают. Иногда на протяжении всей жизни. Такие люди сейчас есть, наш Президент – великий человек.

Карина, 15 лет, школьница:

Великими людьми называют тех, кто сотворил что-то дорогое, ценное для других, кто запомнился в жизни народа: писатели, генералы. А для меня великий человек – мой старший брат. Он много делает хорошего как для себя, так и для окружающих: много трудится и всегда любому человеку поможет. Его все любят, у него много друзей.

Анна, выпускница РГСУ:

Думаю, «великость» проявляется в мелочах – в отношении человека к повседневным передрягам. И стать великим невозможно, не научившись жертвовать собой, своим временем, перспективой легкой жизни. Самое странное то, что этому может научиться каждый, любой может стать великим...

Евгений, 28 лет, физик:

Макарий Великий, Антоний Великий, Василий Великий, Арсений Великий, Пахомий Великий... Их великость – в их смирении, в почитании себя за ничто, в исключительном умалении собственного «я». Через это они вместили в себя Великого Бога. Великие люди будут в этом мире до скончания века.

Когда в России начинается новый год? Ответ «1 января» не совсем правильный. До 1700 года на Руси празднование Нового года совпадало с началом церковного новолетия («лето» — по-славянски «год») и приходилось на 1 сентября старого стиля. И несмотря на то, что Петр I перенес празднование на зиму, для жителей нашей страны новый год по-прежнему начинается в сентябре.

Василий ПИЧУГИН

Октавиан Август и Президент

К началу нового года

Провожая детей в школу первого сентября, мы, сами того не осознавая, празднуем не только и не столько начало нового учебного года, сколько начало года вообще: священное золото осенних листьев, непорочная белизна белых бантов и рубашек, царственное изобилие приносимых в школу цветов — все это создает ощущение одновременно и новогодней, и пасхальной радости, которой причастны буквально все, начиная от малышей самого нежного возраста и заканчивая бабушками и дедушками самых преклонных лет. Начало сентября — это окончание периода всеобщих отпусков, фактическое начало нового трудового года. В сентябре начинают новый сезон Государственная Дума с Советом Федерации. В сентябре начинают новый год модницы, для которых начало осеннего сезона предполагает радикальную смену гардероба. Даже телевидение в сентябре начинает свой годовой цикл новых программ, каким бы далеким от Церкви и ее уставов большинство телеканалов ни было.

А если новый год у нас начинается в сентябре, то итоги мы подводим в августе.

Начиная с августовского путча 1991 года, на территории нашей Родины в последний месяц лета с регулярной частотой происходят сверхважные события: августовский дефолт, гибель подводной лодки «Курск», вторжение боевиков в Дагестан, взрывы домов в Моск-

ве, захват школы в Беслане. В прошлом году — Кондопога. Против наблюдений, как водится, не попрешь, но все-таки почему именно в августе все это происходит? (Напомним: наш август заканчивается 13 сентября по новому стилю.)

Объяснение очень простое. В одной из песен мультфильма «Капитан Врунгель» есть прекрасные слова: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Конечно, мы помним, с одной стороны, что церковный календарь у нас юлианский и им мы обязаны древним римлянам, но, с другой стороны, названия месяцев настолько нам привычны, что проблема их этимологии нас никак не волнует. Но в данном случае без этого никак не обойтись. Так почему же август стал августом?

Октавиан Август, при рождении — Гай Октавий Фурий (23 сентября 63 года до н. э., Рим — 19 августа 14 года, Нола) — римский политический деятель, основатель принципата (с именем Imperator Caesar Augustus, с 16 января 27 года до н. э.), Великий понтифик с 12 года н. э., Отец отечества со 2 года до н. э., ежегодный консул с 31 года до н. э., цензор с 29 года до н. э., внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. Проще — первый римский император, создатель Римской империи.

Восьмой месяц нынешнего календаря назван именем Августа, так как именно в этом месяце и скончался великий римский император, один из официальных создателей Римской империи. Так что месяц август «ничтоже сумняшась»

можно считать имперским. В августе словно сам Первый император проверяет, инспектирует государственные образования нашей планеты. И проверка эта особая.¹

Помню, когда подходила к концу моя служба в армии, в нашу артиллерийскую дивизию нагрянула министерская проверка (нашу часть проверяла не комиссия нашего военного округа, а комиссия из Министерства обороны). Как тогда говорилось, министерская проверка выпадает на любую воинскую часть раз в 15–20 лет. Поэтому большинство солдат никогда и не видело, что это такое. Суть ее проста: тебя проверяют так, как будто началась война. Обычно, когда наша батарея выезжала на стрельбы, то из восьми числившихся по штату машин выезжало пять-шесть, а непосредственно на стрельбах стреляла лишь одна самоходка, которую со всех сторон облепляли

¹ Просьба не относиться к трем предыдущим предложениям серьезно. — Авт.

Для начала зададим вопрос:
а что такое империя?

офицеры (дело понятное — от точности стрельбы зависело количество звездочек на их погонах). За все стрельбы выпускалось порядка пяти-семи снарядов: снаряды дорогие, их надо беречь. Во время министерской проверки, если числится в батарее восемь самоходок, то все они должны выехать, и все должны стрелять, и стрелять столько, сколько нужно. Нужно 30 снарядов — даешь 30, нужно 100 — даешь 100. И никого не волнуют «сверхобъективные» причины, почему сломано столько-то машин и почему в батарее столько-то «раздолбаев» солдат и сержантов, которым просто страшно доверить стрельбу из орудия.

Правила «игры» «министерская проверка» очень простые. Если часть получает двойку, то в течение трех суток меняется все ее командование. Офицеры очень хорошо знали правила игры, поэтому я никогда не забуду, как перед строем выступал наш комбриг и какие блага нам он обещал.

Вот нечто подобное министерским проверкам и устраивает России в последнее время Октавиан Август. «Вы что, великая страна? Снова возвращаете свое былое могущество? Больше не подчиняетесь вашингтонскому обкому? Кричите «Слава России»? Ну щас мы вас проверим!»

С конца 80-х до конца 90-х Россия складывала с себя имперскую ношу. Дескать, ноша тяжелая, а без нее жить будет легче. Этот нехитрый лейтмотив, положенный на тысячи мелодий, сопровождал демонтаж отечественного военно-промышленного комплекса. Последний включал в себя и нашу армию, и нашу промышленность, и наше образование. Так что демонтаж ВПК означал демонтаж по сути всего государства. Суровая правда жизни все поставила на свои места. В мире большой политики уважают только сильных, а слабых бьют, причем бьют очень сильно... И августовские события последних десятилетий как никакие другие доказывали это. Поэтому уже в XXI веке Россия вновь примеривает на себя

Ну что мы забыли на дне самого холодного океана?

имперскую ношу, снова лозунг «Слава России» в большой чести.

Но августовские события показывают нам и достижения нашего государства и нашего народа, и те проблемы, которые требуют кардинального решения. Они действительно одновременно и подводят итоги прошедшего года, и дают ориентиры на вопросы: что год грядущий нам готовит, по плечу ли нам шапка Мономаха?

Для начала зададим вопрос: а что такое империя? По мнению обывателя, это очень сильное государство, у которого очень большая территория. Бытует мнение: любая империя должна совершать экспансию, то есть расширяться. Если ты остановился, ты погиб. Но куда же нам расширяться? Когда-то Жириновский бредил о мытье сапог в Индийском океане. Неужто податься в подобные геополитические эксперименты?

В августе Россия очень красиво и четко обозначила свои цели для экспансии. «Пора вернуться домой», — когда-то пел Гребенщиков. И в августе по юлианскому календарю наш Президент посещает Камчатку. Тем самым дается четкий ответ на бесконечные причитания о том, что Дальний Восток и Сибирь неминуемо попадут к китайцам: мы еще поборемся.

Но если внимание у представителей государственной власти к восточным регионам России в последний период устойчиво, то российский флаг на арктическом шельфе — это одно из самых сильных деяний нашего Отечества за последние годы. На первый взгляд — полный бред. Ну что мы забыли на дне самого холодного океана? Но даже реакция Америки: «Русские на Арктику не имеют никакого права» — доказывает, что наш выстрел был в десятку.

В жизни каждого человека бывает время, когда ему хочется петь о том, в какой замечательной стране он живет. Для таких минут во всем мире есть специальные песни — национальные гимны. Гимн — это не похвальба перед соседями, а бескорыстное восхищение высотой идеалов своего народа.

Представляя подборку русских гимнов за последние четыре столетия, мы хотим особо подчеркнуть, что наши предки не только верили, что живут в великой державе, но и всегда старались приложить свои силы к тому, чтобы величие и слава России никогда не померкли. Наследниками этого величия и славы сегодня становимся мы.

ПОДРОБНЕЕ <http://www.hymn.ru>

Славны были наши деды,
Помнят их и швед, и лях,
И парил орел победы
На Полтавских на полях!
Знамя их полка пленяет
Русский штык наш боевой,
Он и нам напоминает,
Как ходили деды в бой...

Середина XVIII века
Музыка неизвестного композитора
Петровского времени
Слова солдат
Преображенского полка

[http://blackhussars.ucoz.ru/
publ/2-1-0-12](http://blackhussars.ucoz.ru/publ/2-1-0-12)
<http://www.hymn.ru/>

Советуем ПОСЕТИТЬ

КУЛИКОВО ПОЛЕ

627 лет назад на берегах Дона и Непрядвы произошло едва ли не первое совместное выступление разобщенных доселе русских княжеств, когда, по словам Ключевского, «народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и... нашел в себе мужество... искать татарских полчищ в открытой степи». И потому это не только место славы русского оружия, но и особый пример славы русского духа и веры. И плод труда не только святого благоверного князя Дмитрия Донского и других героев битвы, но и не в меньшей степени преподобного Сергия. Именно он своим многолетним трудом вдохнул в почти отчаявшийся русский народ то чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое дало саму возможность свершиться Куликовской победе. И не случайно она пришлась на день празднования Рождества Пресвятой Богородицы.

Что посмотреть

Огромный музей под открытым небом протяженностью около семи километров. Главные точки: Красный холм, где воздвигнут памятник архитектурный ансамбль – храм Сергия Радонежского (архитектор – А. В. Щусев) и монументальная колонна, посвященная Дмитрию Донскому, отреставрированная к последней годовщине; а также село Монастырщина, где на месте захоронения павших воинов воздвигнут храм Рождества Богородицы. Здесь же расположены музей и аллея славы городов-участников битвы.

Как добраться

Граница Куркинского и Кимовского районов Тульской области. 293–300 километров – около четырех часов езды на автомобиле к югу от Москвы по трассе М4 «Дон», либо электричкой с Курского вокзала до Тулы (около пяти часов) и далее 100 километров местным автобусом. И лучше все же ехать летом или ранней осенью.

Подробнее...

www.kulpole.ru
www.kulikovo.narod.ru
www.museum.ru/M603

Ирина Пиеничникова

Флаг на арктическом дне — это заявка: в освоении арктических богатств мы первые; несмотря на наше первенство, мы всех приглашаем к сотрудничеству (у нас самих и денег, и технологий не хватает). Поэтому наша арктическая экспансия дает серьезный импульс и для развития нашей экономики, и для сотрудничества с «различными заинтересованными иностранными организациями».

Причем, что особенно приятно в нашей арктической экспансии, — от нас этого никто не ожидал. Мы впервые, пусть и на небольшом отрезке идеологической войны, вырвали инициативу у наших противников. Любой человек, занимавшийся спортом, знает, как важно захватить инициативу и предпринять действие, которого от тебя никто не ожидает.

Империя должна быть сильной. Эту мысль разделяет подавляющее большинство граждан нашего государства. Поэтому ничего кроме положительных эмоций у населения не вызвали как сообщение о возобновлении полетов наших стратегических бомбардировщиков вдоль наших границ, так и обостренная реакция на это американцев и англичан.

На самом деле, экспансия может быть не только внешней, но и внутренней, идти можно не только вширь, но и вглубь. Империя — это не только пространство во всех его измерениях и его освоение, но и организация на этом пространстве жизни самых разных наро-

дов. Если весь год средства массовой информации в основном радостно рапортовали об относительном спокойствии в Чечне, а значит, и в целом на Кавказе, то августовские теракты в Ингушетии — демонстративное убийство русских, давно проживающих в этом регионе, — лишний раз доказывают: национальный вопрос еще долгое время будет главным в нашем государстве, а уж тем более в новом году.

Для еще одного теракта его устроители выбрали очень символическое место в транспортной системе России, один из главных ее нервов — железную дорогу Москва — Санкт-Петербург. К счастью, обошлось без

жертв и, во-вторых (и это самое поразительное), — без паники. После подрыва поезда пассажиры сумели выбраться из вагонов, оказать помощь пострадавшим.

Империя не может быть без идеи, сверхидеи. Чем сильны американцы? Да тем, что большинство из них свято верит, что Америка и ее граждане являются защитниками свободы и демократии во всем мире. Как бы мы к этому ни относились, эта идея есть и имеет свои корни, безусловно, в американском протестантизме с его безумным стремлением свободно, напрямую, тет-а-тет говорить с Господом. Самое забавное, что уже больше десятилетия мы пытаемся натянуть на себя американскую одежду. Мы тоже кричали о свободе и демократии, радовались, когда нам говорили: «Вери гуд, у вас хорошо получается». Мы приняли самую демократичную Конституцию, и тоже, как американцы, раз в четыре года выбираем Президента. У нас активно внедрялась протестантская этика, чтобы построить вождьденный капитализм. Что русскому хорошо, то немцу смерть. Верно и обратное: что американцу хорошо, то смерть русскому.

Эту аксиому на своем опыте усвоили многие на бескрайних просторах России.

Поэтому наши государственные мужи, задумавшие вернуть лозунг «Слава России», осознали, что без Православия ни к какой сверхидее наше государство выйти не может. Не случайно, что во время правления Путина государство всячески демонстрировало, насколько оно уважительно относится к Русской Православной Церкви, и стремилось заручиться ее поддержкой. Этот дрейф государственной политики оказался настолько заметным, что либералы всех мастей при активной поддержке Запада объединились против обозначившейся тенденции. Настоящие пропагандистские сражения развернулись вокруг вопроса, вводить ли в школы преподавание предмета «Основы православной культуры». Все участники апеллировали в конце концов к Президенту — в нашем государстве все решает Государь. Основные позиции: патриоты — «Ну ты же сам ходишь в храм и знаешь, насколько это важно для России», либералы — «Послушай, у нас же светское государство, и это записано в Конституции, а вместо культуры «эти» принесут Закон Божий».

В последний день августа Путин наконец-то вынес вердикт в этом споре. Подчеркнув свое особое отношение к Церкви, Путин просто повторил аргументы либералов, тем самым дав ясно понять, что никакие основы православной культуры нам не светят, а значит, и об идее нашему государству надо забыть. Но все-таки наш Президент не был бы самим собой, если бы не оставил некоторой недоговоренности, чисто интонационно описав другую возможность. По сути, это президентское послание на новый год, очередной путинский кроссворд... «Вы знаете, как я сам отношусь к Русской Православной Церкви. Но если кто-то считает, что сейчас надо поступить по-другому, иначе, то надо менять Конституцию. Я не считаю, что мы должны сейчас этим заниматься» — цитата из выступления Путина.

Расшифровка: «Слава России» без Православия невозможна, но нам мешает наша Конституция. Пока я не готов ее менять. Потому что мы вместе должны этого захотеть. Ну что ж, осталось только захотеть. ■

Гром победы, раздавайся!
 Веселися, храбрый Росс!
 Звучной славой украшайся.
 Магомета ты потрёс!
 Славься сим, Екатерина!
 Славься, нежная к нам мать!..

1791

Музыка Осипа Козловского
 Слова Гаврилы Державина

<http://www.hymn.ru/>

Коль славен наш Господь в Сионе,
 Не может изъяснить язык.
 Велик Он в небесах на троне,
 В былинах на земле велик.
 Везде, Господь, везде Ты славен,
 В ночи, во дни сияньем равен...

1797

Музыка Дмитрия Бортнянского
 Слова Михаила Хераскова

<http://www.hymn.ru/>

О славе и слове. О славе воинской и Небесной. О том, почему славяне – славяне. О том, почему мы называем себя православными, и многом другом мы беседуем с постоянным автором нашего журнала **МАХНАЧОМ Владимиром Леонидовичем.**

РОССИИ БЕЗ СЛАВЫ НЕ БЫВАЕТ

Беседовал Александр ВАСИЛЬЕВ	
– Владимир Леонидович, что для Вас значит слово «слава»? С чем ассоциируется?	– Слово «слава» ассоциируется у меня, прежде всего, со словом. Затем – со славянами, так как мы славяне и есть. Но также слава не может не вызывать
Имени славян причастны и слово, и слава.	
! две важные ассоциации – с Небесной славой и воинской. Проще всего постичь воинскую славу. Александр Васильевич Суворов – не только великий полководец, но и праведник (кстати, о Суворове никто ни одного дурного слова не сказал и теперь все чаще говорят о возможности его про-славления) – пишет об этом в книге «Наука побеждать»: условия для того, чтобы солдат стал воином, – субординация, экзерция, послушание, дисциплина. Добродетели, которыми пусть не изначально, но может обладать солдат: глазомер, быстрота и натиск. Итог: победа и слава. Это нормально, что воину за ратный подвиг причисляется слава. Впрочем, представление о возвышенности воинской славы неизмеримо древнее А. В. Суворова. Обратимся к «Слову о полку Игореве», где о курских	

дружинниках говорится, что они «ищут себе чести, а князю – славы». Князь – олицетворение города и княжества и, конечно, в какой-то степени дружины, и это означает, что слава общая, она всех обволакивает. Коль славен князь, то славна и его дружина, славна и его земля. Воинская слава безусловно выводит в Небесную славу.

В языческом мире желанной и нормальной кончиной любого воина считалась смерть на поле брани. А у древних германцев просто крайне нежелательно было не погибнуть на поле брани, а умереть от старческой расслабленности.

Христианская Церковь сдержанней к этому относилась, но смерть христианского воина всегда считалась достойной кончиной. Император Павел Петрович даже предложил всех павших воинов причислять к сонму мучеников. Но его отговорили мудрые архиереи, сказав: «Государь, это сделать невозможно. Воинская кончина, конечно, достойна христианина, но мы не знаем, с какими мыслями погиб каждый из воинов».

– Для всех традиционных обществ военные – особое сословие, которое заслуживает славы. И возникает вопрос: со-словие пересекается со «славой» или нет?

– Это абсолютно тот же корень, ибо сословие – та социальная группа, чьи особые права и обязанности фиксируются обычаем и затем законом и обязательно наследуются. Префикс «со» указывает на общее слово и общую славу. Дворянин сословен дворянину, но и крестьянин сословен крестьянину. Не случайно только у нас в языке земледелец назывался христианином. Ведь слово «крестьянин» и произносилось еще в XVI – первой половине XVII века с ударением на последнем слове.

вопочитание». Но в славянском переводе предпочли перевести как «православие» – правильно славящий Господа. Славянам, начиная со святых Солунских братьев Кирилла и Мефодия, хотелось услышать именно славу, а не почитание.

– Вопрос современного человека: «А зачем нам вообще славить Бога? И почему это надо делать правильно?»

– Давайте на секунду задумаемся: Кто такой Бог? Он – Творец неба и земли, всего видимого и невидимого. Он создал для нас прекрасный и удивительный мир. Это ли не повод для восторга и хвалы! А кто такой человек? Творение (по-славянски – тварь). Расстояние, разделяющее нас, бесконечно. Особенно после одного неизвестного происшествия в раю, закончившегося изгнанием. Бог, не желающий нашей гибели, проходит это расстояние. Своей смертью на кресте Бог делает для каждого человека возможным соединение с Ним. В этом суть христианства. Бог стал человеком и умер на кресте, чтобы соединить нас с Собой. Какое чувство должен испытывать человек, верящий в это? Благодарность, признательность, любовь и восхищение. Как лучше всего можно выразить эти чувства? Благодарить и славить Того, Кто совершил для нас это. Он подарил нам вечную жизнь и воскресение. Это ли не должно вызывать хвалу?! Конечно, Сам Бог в славе не нуждается. Но это нужно нам. Нужно, как воздух. Христианин – это не просто homo sapiens (человек разумный), а в первую очередь – человек благодарящий и славящий.

Теперь по поводу того, почему славить Бога надо правильно. Вообще-то все в жизни лучше делать правильно. Но, может быть, не совсем ясно, почему это принципиально важно. Дело в том, что мы славим Бога не только и не столько словами, а в первую очередь делами, жизнью. «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного», – говорит Господь. А дела, как мы понимаем, бывают разные. И славу они могут принести тоже разную. Походы крестоносцев, насильственное окатоличивание, венчание однопо-

лых браков или просто расхождение слова и дела приносили и приносят христианам дурную славу. А через это и Богу. Потому что, говорит апостол Павел, человек преступлением закона бесчестит Бога. Сколько людей отвернулось от Бога из-за дурной славы людей, называющих себя христианами!

Итак, мы называем себя православными, потому что славим Бога и пытаемся делать это правильно. «Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус» (Флп. 3, 12).

**Сам себя человек прославить не может.
Настоящая слава – от Бога.**

– А почему славяне стали славянами?

– Интересно, что к имени славян причастны и слово, и слава. Первоначальное написание – «словене», это было одно из восточнославянских племен. Основателями Новгорода были ильменские словене. Древнее название предков славян – венецы. Академик Б. А. Рыбаков (огромного масштаба ученый) опубликовал вполне правдоподобное предположение: когда мы говорим о славянах, речь, видимо, идет о потомках венец, и слово «словене» означало «слывущие венедами», то есть имеющие славу венец, – надо полагать, по наследству. Эти предки славян оставили следы по всей Европе, на Дунае их имя носит Вена, в Северной Италии – Венеция (при Юлии Цезаре там жили венецы), а на северо-западе Франции – Вандея, то есть земля, где когда-то жили венецы.

Итак, славяне – значит «слывущие венедами и имеющие славу венец». Простое объяснение. Но мы с вами можем увидеть, как это слово приобретает иную огласовку: когда ильменских называли еще «словене», всех вместе взятых уже называли «славяне». Подобно тому как франки – народ свободы, словене – народ славы. Написание «славяне» уже никак не связано с корнем «вене», он отходит на задний план, и остается только лишь «слава».

Заметьте, что это вообще очень доброе слово в русском языке, но имеет массу оттенков (какой славный мальчишка, но он еще ничем не прославлен; славный муж имеет отношение не только к той славе, которой, возможно, он обладает, – к военной славе, а имеет отношение к добродетели: о преподобных отцах писали «муж славен». Славный муж – добродетельный муж).

– Подтверждением Ваших слов служат дошедшие до нас славянские имена. Что Вы о них можете сказать?

– Имена эти изначально – преимущественно княжеские. Это имена-тителы. Часть имен сохранилась, они попали в святцы по мере канонизации, но большое количество имен с корнем «слав» вышло из упо-

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, Царя, Царя храни!..

1833
Музыка Алексея Львова
Слова Василия Жуковского

<http://www.hymn.ru/>

Славься, славься,
наш русский Царь!
Господом данный нам
Царь-Государь!
Да будет бессмертен
твой царский род,
Да им благоденствует
русский народ.
Славься, славься ты, Русь моя,
Славься ты, русская наша земля.
Да будет во веки веков сильна
Любимая наша родная страна...

1836
Музыка Михаила Глинки
Слова Егора Розена

<http://www.partita.ru/docs/concert-020.shtml>
<http://www.hymn.ru/>

Коль славен князь, то славна и его дружина.

– Владимир Леонидович, а почему мы православные?

– Греческий термин «ортодоксия» можно перевести несколькими способами, один из которых совершенно законный – это «православие». Можно перевести, например, вместо «православия» – «правочестие» или «пра-

Советуем ПОЧИТАТЬ

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ
Преподобный Епифаний Премудрый,
Пахомий Логофет, Симон Азарын

...Когда преподобный, закончив свое дело, вышел из огорода, монахи сразу показали его поселянину со словами: «Вот тот, кого ты желал увидеть». Но крестьянин, отвернувшись от блаженного, презрительно рассмеялся и сказал: «Я пришел посмотреть на пророка, а вы мне показываете сироту... Я надеялся увидеть святого мужа Сергия в великой чести, славе и величии, ибо я так слышал о нем. Но у того, на кого вы мне указываете, я не вижу ни чести, ни славы, ни величия, ни красивой и многоценной одежды, ни слуг, которые бы предстояли ему, ни слуг, которые бы немедленно выполняли его приказы, ни множества рабов, которые бы прислуживали и воздавали честь своему господину, — этот человек имеет вид нищего, обездоленного сироты; поэтому я думаю, что он не тот, кого я ищу».

Имя преподобного Сергия Радонежского известно всем православным людям в России. Однако о нем самом мы знаем не так уж много. До сих пор, к примеру, неизвестно, из какого именно ростовского боярского рода он происходит. Неясно описаны самые первые и самые трудные годы его лесного подвижничества. Не найдено даже официального решения о его церковном прославлении. Первое житие святого, составленное его учеником, тоже не содержит всех этих формальных сведений, однако в нем есть нечто более важное — рассказ о том, как человек уже на земле может стать причастным Небесной славы, активно участвовать в человеческой истории, оставить в ней яркий, ни на кого не похожий след и при этом ни разу не наследить.

ПОДРОБНЕЕ...

<http://www.stsl.ru/lib/book2/index.htm>

<http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3933>

<http://portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=140>

Иван Лопатин

требления и не вошло в святцы. У поляков сохранилось (у нас нет) имя Болеслав. Не сохранилось имя Доброслав. Слава — какая-то всеобъемлющая добродетель для славян, поэтому масса чисто славянских имен, попавших в церковный календарь, связана со славой. Это о наших предках многое говорит. Было довольно много имен с корнем «мир». Из них, к сожалению, сохранилось только мое имя — Владимир, но были имена Добромир, Творимир. И это в сочетании с Владиславом, Вячеславом, Всеславом, Станиславом, Ярославом.

В литературе встречается, по-моему, совершенно необоснованное предположение, что «мир» у нас до революции писали неправильно — через «и» десятиричное, а надо было, как сейчас, писать через восьмеричное, потому что это — владеющий миром, властитель или император. Наличие имен Добромир, а тем более Творимир опровергает это.

Все настолько не сомневались в Небесной славе его, что на земле за- были прославить.

Мир — это состояние души. Мне кажется, что здесь происходит встреча двух главных качеств славян. Самая распространенная русская фамилия — не Иванов, а Смирнов — мир, смирный. А вторая по встречаемости фамилия — не Петров и Сидоров, а Соколов. Похоже, что эти две фамилии и отражают два главных качества русского народа — славного (в именах с корнем «слав») и миротворца (в именах с корнем «мир»).

— Владимир Леонидович, а слово «слава» имеет только положительное значение?

— Конечно, нет. Это слово амбивалентно, потому что возможны очень суровые словосочетания — «худая слава», «дурная слава». Хочется еще раз отметить: здесь слава уж совсем отчетливо связана со словом. Слова этого боятся дурные люди, боятся дурной славы, и славы русской, российской дурные люди боятся в еще большей степени.

Но есть, например, такое архаическое понятие — «пресловутый» (преславный, особенно славный). Если мы возьмем тексты XVIII века, то там без всякой иронии будет использовано это слово. В XX веке очень многие слова изменили если не семантику, то оттенок. Если о ком-нибудь говорили «наш пресловутый ученый» даже еще во времена Василия Ключевского, то это означало, что он весьма известный ученый. Но если о ком-нибудь написали «пресловутый» в 50-е годы, например в газете «Правда», сразу было ясно — это враг. «Пресловутый Ален Даллес...»

Сталкиваясь со славой, надо помнить, что небрежное славословие, славословие не в достойный адрес не возвышает славимого и позорит славящего. Обратным откатом неизбежно идет дурная слава. Но и без славы никуда не деться.

— И в то же время человек, который пытается сам построить, сам собрать свою славу, превращается в тще-славного.

— Все просто: сам себя человек прославить не может. Настоящая слава — от Бога. Но тщетной слава может оказаться не только тогда, когда мы пытаемся прославить себя, но и когда заходимся в подхалимаже по отношению к другим людям. То есть когда вдруг мы начинаем захлебываться славословиями в адрес высокопоставленного государственного человека, чьи деяния неоднозначны (может, они и недурны, но неоднозначны), мы впадаем вот в такую ситуацию.

В нашей истории славу пели и изображали скульптурно и другими способами весьма неоднозначному императору Петру I, но она не стала его ореолом. Он знаменит, «пресловущ», но славен ли? В чем-то славен, а в чем-то — совсем наоборот.

Слава управляема Словом (а Слово — имя Божие). И слава преподобного Сергия Радонежского (вернее, отражение его Небесной славы) настолько опередила все славословия, что (многие читатели, может быть, и не знают об этом) он никогда не был канонизован. Да, это единственный наш преподобный отец, акта канонизации которого найти не удалось, потому что все настолько не сомневались в Небесной славе его, что забыли прославить на земле.

— Как Вы считаете, актуально ли понятие «слава» сегодня?

— Сейчас многие считают, что мы идем к восстановлению России, но без славы никуда не деться, потому что России без славы не бывает. Как ни избегали в советское время повторения чего-то дореволюционного: корабли нашего Военно-Морского флота, например, не носили дореволюционных имен по преемству (исключение составляли «Варяг», а в исследовательском флоте — «Витязь» в память очень известного своими экспедициями парового корвета), — тем не менее, прорвалась слава. «Слава» — русский броненосец, героически сражавшийся и героически погибший в Моонзунском сражении, и в честь него после войны появляется головной крейсер, открывший серию новейших по тем временам крейсеров, — «Слава».

Но вот и другой замечательный пример. Во время Великой Отечественной войны был восстановлен орден Славы как наследник знака отличия военного ордена, то есть солдатского Георгия. И ордену Славы дали Георгиевскую ленту! Притом было очень удачно решено назвать орден по-славянски — орденом Славы. Удачно, потому что это попадало в тот настрой славянской души, о котором мы сегодня говорим.

Одно из самых прекрасных знамений нашего времени — это то, что мы сейчас уже не стесняемся возгласить: «Слава России!» Соответственно «слава» и будет написана на наших знаменах. «Слава» пишется даже на иконах в определенных случаях, обычно в сюжетных житийных иконах. То есть возвращение Руси к Православию, возвращение Руси к Слову Божию соприкасается и с тем, что возвращается в нашу жизнь слово «слава».

Союз нерушимый республик
свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей
народов
Единый, могучий Советский
Союз!
Славься, Отечество
наше свободное,
Дружбы народов
надежный оплот!
Знамя советское,
знамя народное
Пусть от победы
к победе ведет!..

1944

Музыка Александра Александрова
Слова Сергея Михалкова
и Эль-Регистана

<http://www.hymn.ru/>

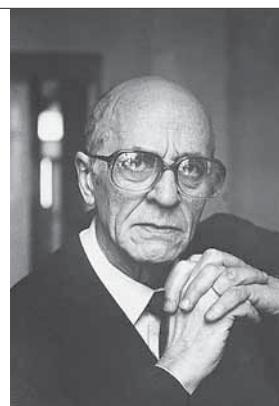
Россия — священная наша держава,
Россия — любимая наша страна.
Могучая воля, великая слава —
Твое достоянье на все времена!
Славься, Отечество
наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная
мудрость народная.
Славься, страна!
Мы гордимся тобой!..

2000

Музыка Александра Александрова
Слова Сергея Михалкова

<http://www.hymn.ru/>

НЕПОМНЯЩИЙ Валентин Семенович
Родился в Ленинграде в 1934 году. Писатель, доктор филологических наук, председатель Пушкинской комиссии Института мировой литературы Российской академии наук. Лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства. Автор книг: «Поэзия и судьба», «Пушкин. Русская картина мира», «Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы», «Лирика Пушкина как духовная биография. Репетиция книги», двухтомник «Пушкин» (Избранные работы 1960–1990 гг.).

Когда ей поставят памятник...

Когда его вышвырнули в двадцать четвертом году из Одессы, оторвав от южного солнца, от моря, от блеска и шума, которые он всегда любил; когда насильственно изъяли его, двадцатипятилетнего, из атмосферы славы, любви, поклонения, дружества, озорства, бесед и споров и надежно упрятали в тишь и глушь, в общество провинциальных дворян, неграмотных мужиков и старухи няньки, – тогда вряд ли кто мог предположить, чем все это обернется, какой царский подарок преподносит ему «жесткая судьба».

Ведь жизнь устроена умнее, чем нам кажется в тяжелые ее моменты: пока мы жалуемся на невезение, негодуем на обстоятельства и людей, дуемся на «судьбу», проклиная все на свете за то, что это «все» идет не так, как было бы нам удобно в данную минуту, – время идет, и мы с удивлением понимаем, что все сделалось именно так, как нам же самим было необходимо; что то, о чем мы в свое время думали как о несчастье, было благом.

Никогда еще до сих пор его гений не разворачивался с такой сказочной силой: «Борис Годунов», центральные – с третьей по шестую – главы «Евгения Онегина», «Граф Нулин», десятки шедевров лирики: «Подражания Корану», «Вакхическая песня», «Роняет лес багряный свой убор...», «Сцена из Фауста», «Зимний вечер», «Песни о Стеньке Разине» – и так далее, и так далее, вплоть до манифеста зрелого Пушкина, «Пророка»... Здесь, в этой ссылке, в деревне, молодой Пушкин стал Пушкиным великим.

После французского воспитания и суесть Петербурга, после роскоши юга и подавляющего величия Кавказа перед ним распахнулись простор и покой, которые на Руси называются – воля. Лишенный свободы, он получил волю. Изгнанный, он оказался на земле отцов. Он вновь узнал и полюбил тихую красоту этой природы, дыхание пространств, колышание лесов, шум ветра в вершинах сосен, святогорские

ярмарки, где он записывал песни и духовные стихи, бродя в странном своем наряде, деревенские хоры и тяжело шаркающие за стеной шаги Арины Родионовны.

В детстве она ласкала и баюкала его; теперь она защитила его от гонения и тоски. Защитила, как могла: рассказами о старине, песнями, сказками, неторопливыми разговорами. Она защитила его своею любовью.

Мы чаще всего говорим о няне Пушкина либо сентиментальными общими словами, либо с точки зрения фольклористической, в связи со сказками и песнями, записанными от нее. Но ведь это так мало и плоско; но ведь он провел с нею бок о бок два года, и каких года; но ведь, не будь ее, он во многом

был бы, может, другим. Кто из творцов культуры скажет, что его жизнь, личность, работу строили только большие события, идеи и тенденции, книги и коллег; кто умолчит о том, с какою силой воздействуют мать и отец, сестра или брат, жена, ребенок, друзья – те, чье влияние так всепронизывающе, что его трудно ухватить и отвести ему место в комментариях?

Приезжали иногда – редко – друзья, бывал Алексей Вульф, в Тригорском жили милые барышни со своей милой матерью. Но друзья уезжали; Вульф был умен и занят, тригорские соседки были чудные – но разве они могли влиять на Пушкина?

А она влияла. Я склонен думать, что это влияние было необычайно значительным, ибо «Родионовна, – как пишет Анненков, – принадлежала к типическим и благороднейшим лицам Русского мира». Не зря она – один из устойчивейших обликов его музыки. Рядом с ней определилось и окрепло слово зрелого Пушкина. Она ввела русскую песню и русскую сказку в его опыт и душу. Когда он еще не умел читать, она питала его творческий дар; и она была его первой слушательницей, когда к нему пришла зрелость. Его русская речь во многом воспитана ею.

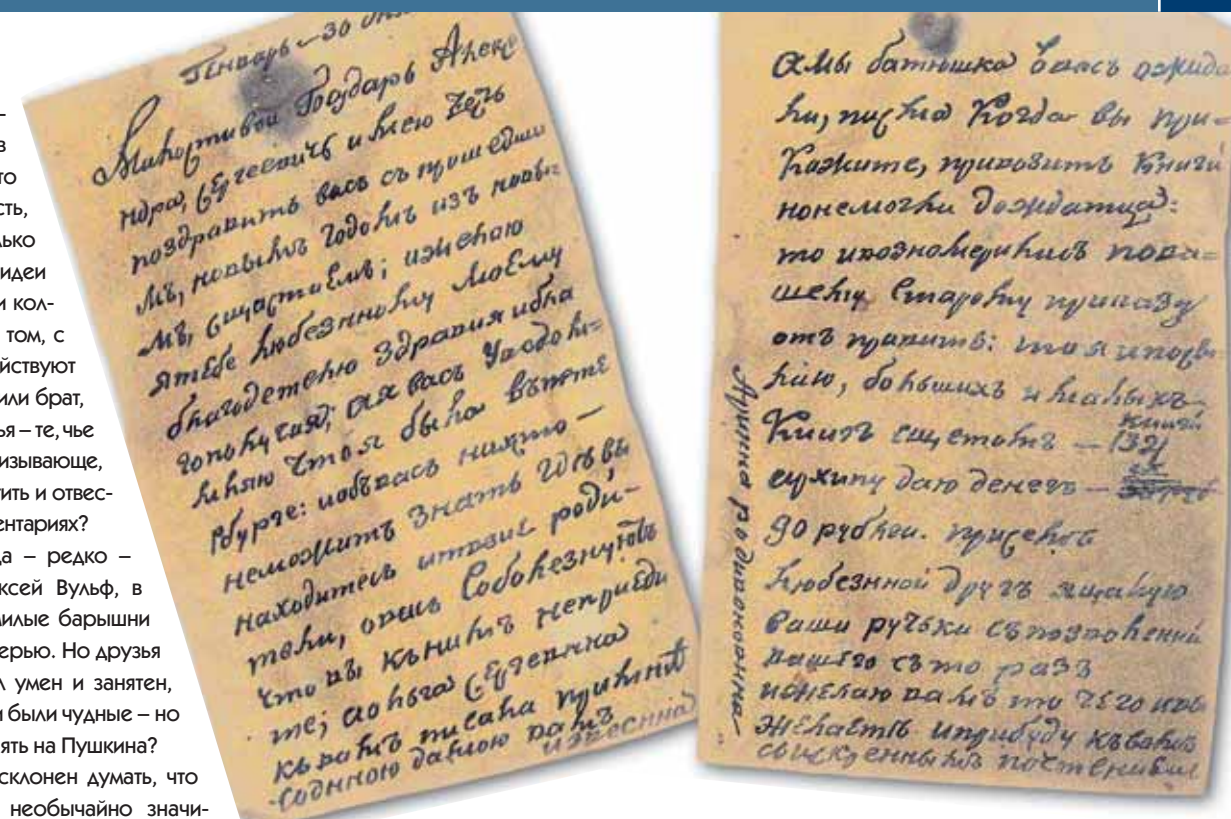
Он не был в семье любимым ребенком. Матери и отцу было не до него, они были заняты собой; и он не посвящал им ни строчки, ему нечего было о них сказать. Няня заменила ему семью. Нет, она не была его кормилицей. Но как материнское молоко, он впитал ее голос и образ, ее язык, нравственные представления и предания «православной старины» – древнюю культуру народа, от имени которого она, не думая о том и не ведая, представляла перед Родоначалником новой русской литературы.

Крепостная, она отказалась от вольной и осталась в семье Пушкиных; она как в воду глядела – это случилось как раз в 1799 году. Она осталась – и помогла ему стать тем, чем он стал для нас.

Величие и безвестность идут, всего на шаг отступая, за Ариной Родионовной. Можно знать очень мало – но невозможно не знать, что был над Пушкиным царь, и что была у Пушкина няня, и что она любила его – не за гений, а просто потому что любила.

Она прожила тихую, незаметную жизнь обыкновенной женщины. Могила ее затеряна. Может быть, стоит над ней безымянный крест, а может, он уже давно сгнил, и могила тихо и незаметно сровнялась с землей.

Когда благодарная Россия поставит ей памятник (а я надеюсь, что это когда-нибудь будет, и надо поставить его не там, где он будет выглядеть экспонатом, а прямо в столице, на той самой магистрали, по кото-

рой и Пушкин, и Татьяна въезжали в Москву, – чтобы няня, со спицами в руках, сидела и тихонько ждала посреди шума современного города, то хорошо бы высечь на пьедестале вместе с его полными бессмертной нежности словами «Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя...» также и ее слова из письма к нему, продиктованного ею за год до смерти, – и тоже бессмертные, потому что это слова любви: «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас... приез-

Невозможно не знать, что был над Пушкиным царь, и что была у Пушкина няня, и что она любила его – не за гений, а просто потому что любила.

жай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю... Я вас буду ожидать и молить Бога, чтобы Он дал нам свидеться... Остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна».

Я думаю, что это когда-нибудь будет; потому что это долг культуры перед обыкновенным человеком, потому что Родионовна стоит у самого начала нашей, еще детской, «народной тропы» к Пушкину, и она же – у начала его «тропы» к народу, к нам; она сказала свое тихое слово в культуре народа, и часть ее души есть в «заветной лире».

НЕПОМНЯЩИЙ Валентин Семенович
Печатается в сокращении по книге «Пушкин». Избранные работы 1960-х – 1990-х гг.
Т. 1. Поэзия и судьба. – М., «Жизнь и мысль», 2001.

Редакция благодарит фотографа Андрея Топунова за помощь в оформлении материала

Милые, добрые... Те, с кем я успел познакомиться и с кем не успел... Сейчас вы далеко, но вот вспоминаю вас и молюсь, чтобы все у вас было хорошо.

Дмитрий ШЕВАРОВ

РОДНЫЕ ЛИЦА

этот разговор, я уже не вернусь к самому главному. А главное в том, что мы живы как народ. Открытие это кому-то может показаться смешным, нелепым, но тот, у кого душа болит, поймет меня. Ведь ни отвоеванная у корейцев и австрийцев зимняя Олимпиада, ни флаг на дне Ледовитого океана, ни самый большой в мире блин, испеченный на масленницу, ни самый большой валенок, скатанный, чтобы попасть в книгу рекордов, ни ослепительные фейерверки по праздникам – ничто это не даст нам ответа на вопрос: а жива ли душа народная?

Когда в космос полетел Юрий Гагарин, весь мир получил ответ на этот вопрос. И ответ был не в том, что тысячи тонн металла подняли человека на недосягаемую прежде высоту. Ответ был не в ракете, а в улыбке Гагарина – такой своей, такой открытой, такой русской. И разбросанные по всему свету русские эмигранты вырезали из советских газет фотоснимки Гагарина, и берегли, и показывали своим детям, и вздыхали с надеждой: жива, жива Русь-матушка. Лицо Гагарина сказало русским людям о Родине все, что им так долго и мучительно не удалось узнать.

Мы сейчас очень похожи на тех эмигрантов. Железный занавес между большими городами и глубинкой страшнее, чем занавес между СССР и Западом, – ведь он рассек нашу страну и сделал нас глухими и слепыми к самим себе. Когда композитора Валерия Гаврилина журналисты пытали, отчего он не едет пожить за границу, тот тихо и твердо говорил: «Мне и на Родине Родины не хватает».

Нас уверяют, что в глубинке жизнь давно закончилась и все, мол, спилили или удавили. И так долго

Эти снимки сделаны минувшим летом на протяжении трех дней в центре Вологды, где проходил фестиваль сельской художественной самодеятельности «Солнцеворот». Снимал я на ходу, для себя, просто на память, чувствуя, что вскоре и эти люди, и их песни, и строгие темно-серебристые купола Софийского собора, и мирные послушливые летние облака над нами – все может показаться прекрасным, но навсегда погасшим сном. И тогда непременно хочется удостовериться, что эти люди, в которых ты сердцем узнал своих сестер и братьев, не приснились тебе; что они и сейчас, разехавшись по России, по домам, живут в трудах праведных, успевая и звездам, и птахе, и хорошей книжке порадоваться, и детей наставить, и Богу свечку поставить.

А поглядев на эти снимки и вспомнив всех по именам, получишь в душе вдруг откуда-то весть, что и о тебе – случайном, минутном знакомом – тоже кто-то помнит добром и терпеливо ждет фотографий, которые ты обещал послать. И, радостно собирая конверт, надписывая адрес далекого села или поселка, ты уже представляешь, как недели через две почтальон застучит в ворота или калитку, и собака затавкает, и кто-то выбежит на крыльцо босиком...

Отправляясь в Вологду, я собирался писать о фольклоре, о том, что еще жива музыкальная, песенная традиция (и я обязательно об этом напишу), но сейчас мне почему-то кажется, что, пустившись в

Железный занавес между большими городами и глубинкой рассек нашу страну и сделал нас глухими и слепыми к самим себе.

нам это внушают, столь убедительно, наглядно, что и не поспоришь. Но, похоже, правы старики: бывает такая правда, которая хуже всякой лжи.

Ровно 120 лет назад Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «Чтобы судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок...»

Посмотрите, сколько достоинства, приветливости, чистоты в этих лицах на снимках! Как свежо в них читается древняя истина: «Светильник телу есть око...»

Удивительно, сколь задумчивы и далеки от беззаботности дети, — видно, горести взрослых и на их плечи ложатся. А в лицах старушек вдруг мелькнет что-то озорное. Страдания, неизбежные за такую долгую жизнь, не пригнули бабушек к земле, не помрачили лика. Глядя на них, яснее, чем в любом историческом романе или фильме, постигаешь и наши XV и XVI века, когда русские люди еще видели друг

Нам есть куда возвращаться. Нас ждет земля, ждут старики, ждут дети.

в друге образ Божий. Какая-то стойкость духовная и неподкупность нравственная во всем облике.

А любясь на девичьи хоромы, как не вспомнить картины Нестерова и вечно милую сердцу тургеневскую Лизу Калитину. Помните: «Изящный ум сказывался в ее прекрасных глазах...» Или вот это: «Когда он смотрел на Лизу, мятущееся сердце его утихло...»

Как хороши деревенские красавицы в сарафанах, бусах, каргопольских рубашках, праздничных расшитых фартуках, с лентами в волосах! Как завистливо, широко распахнув от изумления глаза, оглядывали своих ровесниц юные горожанки и горожане, быть может, именно в тот момент впервые остро чувствуя, что все, во что они одеты, — чужое. И как давят и тело, и душу все эти дешевые и недешевые тряпки, сшитые на скорую руку где-то в далеком Китае или Турции.

Да если бы только одежда была на нас чужая! Куда страшнее незаметное вытеснение из нашей души, памяти, обычаев всего, что отличало нас и давало право называться русскими. В смутах и реформах мы в прямом смысле потеряли свое лицо и, кажется, дошли до того, что смотрим на мир не своими, а чужими глазами.

Но не в первый раз такое с нами, и, верится, вот-вот опомнимся. Нам есть куда возвращаться. Нас ждет земля, ждут старики, ждут дети. И все, кто до нас возделывал и берег эту землю, — они тоже незримо ожидают нашего возвращения из дальнего похода за заморским счастьем. А пока — посмотрим на эти родные лица с радостью долгожданной встречи, и хотя бы себе дадим тихие обеты, которые нельзя не исполнить.

Все люди в мире делятся на две неравные группы. В одну входят те, кто прославлен. В другую — те, кто обойден славой. Но вторые не обязательно завидуют первым.

Слава имеет несколько особенностей. Во-первых, она требует символического капитала. Этот капитал составляют знания, умения, особая одаренность. Но мало быть талантливым и способным. Слава, во-вторых, требует еще и известности. Вот когда весть о чем-то, что выходит за пределы обычного строя жизни, обще-

Ребенок уже в раннем детстве может быть красивым и умным, но до определенного момента ему безразлично, что он красив и умен.

СЛАВА и

Федор ГИРЕНКО

ТЩЕСЛАВИЕ

го порядка бытия, распространяется по всем весям и уголкам страны, тогда и наступает слава, выставляющая чей-то дар на всеобщее обозрение. Если же дар не сопряжен с вестью о себе, он может пропасть в неизвестности.

В славе вечно сталкиваются весть и дар. Поэтому слава всегда двусмысленно двойится. Весть иногда начинает доминировать и вытеснять дар. И тогда слава держится только благодаря известности, а не благодаря дару. А это значит, например, что тебя публикуют не потому, что ты писатель и у тебя есть мысли, а потому что ты известен. Так в результате простой перемены слагаемых славы великой мыслью может прослыть не то, что обдуманно и выстрадано, а то, что напечатано и объявлено великим.

Слава может быть разной. Одно дело — слава Герострата, другое — слава Архимеда. В первом случае известность получил злой дар разрушителя, во втором — гений изобретателя. Мало кто из людей хочет славы любой ценой. Неуютно быть человеком, о котором идет дурная слава.

Впервые о славе во весь голос заговорили гуманисты. Для них она стала самоцелью. Уже Петрарка (XIV век) призывал читателей не переживать о своей бессмертной душе, но беспокоиться о своем бренном

имени. Он видел долг каждого человека в прославлении своего имени в веках.

Поиск славы становится сопряжен с тщеславием. Ведь что такое тщеславие? Это попытка получить славу обманом, без всякого дара. Тщеславие — это чистая претензия, момент, когда твоя известность несравнима с твоими истинными способностями.

Слава — это, конечно, не первая необходимость человека. Можно жить и просто. Без славы. Если речь идет о человеке скромном. Или безразличном к своим способностям. Так ребенок уже в раннем детстве может быть красивым и умным, но до определенного момента ему безразлично, что он красив и умен. Между прочим, именно благодаря такой скромной беспечности до сих пор и развивалась народная культура, неименованное богатство всего народа, сотворенное теми, кто отказался от личной славы ради других.

Замечали ли вы, что отличает марки российских машин от всех других? Кроме того, что они (почти все) пишутся кириллицей?

Волга, Москвич, Жигули, Лада Самара, Таврия, Ока.

Все это — имена наших земель и рек. В названиях наших машин мы прославляем родную землю.

В отличие от машин, названных по имени создателя (Opel, Mercedes, Mazda, Ford и другие), известного гонщика (Chevrolet) или по рекламной концепции («Lexus» значит «люксовый», «Volkswagen» — «народный автомобиль», а «Volvo» в переводе с латыни — «я качусь»).

Анастасия Варчева

О национальной гордости и скромности, крайностях исторической памяти нашего народа, железных дорогах и создателе банковской системы России мы беседуем с президентом ОАО «Российские железные дороги», председателем попечительского совета Фонда святого всехвального апостола Андрея Первозванного и общественного фонда «Центр национальной славы России»

ЯКУНИНЫМ Владимиром Ивановичем.

Беседовала Ирина ПШЕНИЧНИКОВА

СЛАВА – ЭТО ПРОЦЕСС

И в него вовлечен каждый из нас

– Владимир Иванович, как возникла идея создания Центра национальной славы России?

– Изначально возникла идея создать некий виртуальный центр достижений нации. Планировали сделать Интернет-портал, который представлял бы славные страницы нашей истории, людей, внесших значительный вклад в развитие государства. Но со временем оказалось, что первоначальная идея этого виртуального музея переросла себя.

Сейчас Центр национальной славы России – это общественная организация, располагающаяся в Москве и имеющая свои региональные представительства в Санкт-Петербурге, Красноярске, Ростове-на-Дону, сотрудничающая с десятками общественных структур, государственными органами власти, Русской Православной Церковью, представителями других традиционных религий.

Мы исходим из того, что для сохранения целостности государства, духовных и культурных основ жизни нашего общества ключевое значение имеет самоидентификация каждого гражданина России. Поэтому мы реализуем программы, направленные на сохранение исторической памяти, на актуализацию примеров служения государству и обществу.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Центр национальной славы России помогал в организации празднования 625-летия Куликовской битвы. Была отреставрирована колонна памяти Дмитрия Донского на Красном холме

Куликова поля. В дар храму Рождества Пресвятой Богородицы в селе Монастырщина, где, по преданию, были похоронены воины, павшие в сражении на Куликовом поле, мы передали четыре колокола. Также при нашем участии идет восстановление дубравы на том самом месте, где в 1380 году расположился засадный полк, решивший исход Куликовской битвы. На 60 гектарах посажено 40 тысяч деревьев.

Центр принимал участие в организации торжеств в Крыму, посвященных 150-летию завершения героической обороны Севастополя. Мы провели международную конференцию, посвященную причинам и последствиям Крымской войны 1853–1856 годов. Пригласили ведущих специалистов, политиков, деятелей культуры, представителей Поместных Церквей, католиков. Дело в том, что, по мнению ряда ученых, которые основывают свои выводы на архивных документах, досконально изученных только в последнее время, война между Россией и западными державами в союзе с Османской империей велась не только по экономическим и геополитическим соображениям, но и из-за претензий католиков на святые места Палестины.

Центр национальной славы России и Фонд Андрея Первозванного традиционно помогают в восстановлении форпостов Православия – Валаамского и Соловецкого монастырей, Марфо-Мариинской обители милосердия.

– **Зачем вообще нации нужна своя слава? Не лучше ли национальная скромность?**

– Часто еще спрашивают про национальную гордость. Слава и скромность не являются антонимами, в отличие от пары «гордость» и «скромность». Противоположность славе – тщеславие.

Это сейчас люди, молодежь в особенности, считают, что слава – синоним исключительно успеха. А ведь издревле под этим словом понимали, кем ты слынешь среди людей. Говорили: «О нем добрая (или худая) слава ходит». Еще раз скажу, что своими поступками мы зарабатываем добрую или худую славу и себе, и обществу, членами которого мы являемся. Поэтому слава подразумевает и ответственность.

Сейчас много говорится о коррупции. Но ее не изжить сугубо экономическими и юридическими мерами. Важно восстановить в общественном сознании смысл таких понятий, как честь, долг, служение государству и обществу.

– **Слава ведь еще воспринимается как известность, популярность. Молодежь стремится подражать славе поп-музыкантов, киноактеров.**

– В Японии в свое время была группа художников, которые экспериментировали в разных жанрах. Достигнув мастерства и признания, они меняли фамилии и погружались в новые художественные направления, где вновь стремились к совершенству. У нас в России тоже, мы знаем, не было раньше традиции подписывать иконы. Все делалось во славу Божию, во славу Отечества. Существуют настоящие подвижники своего дела и в наше время, которые несмотря ни на что остаются верными своему призванию. Я имею в виду, в первую очередь, врачей, учителей, деятелей культуры.

– **Есть ли связь между понятиями «национальная слава» и «историческая память»?**

– Конечно, есть. Другое дело, что наша страна пережила за последние сто лет массу потрясений и историческая память стала многослойна.

Здесь важно не уйти в крайности – мы не можем с пренебрежением и стеснением относиться к славным событиям отечественной истории, мы не должны приносить значение роли наших предков в тех или иных исторических процессах, но мы также не должны быть подвержены гордыне, которая ведет к появлению чувства превосходства над другими. Мы такие, какие есть. Со всеми нашими достоинствами и недостатками.

– **Одна из программ, реализуемых Центром, называется «Служение Отечеству: события и имена». Чем обусловлен выбор людей, увековечиванием памяти которых вы занимаетесь?**

– Вы знаете, многие, действительно, удивляются, когда узнают, что первой такой фигурой стал немец Александр Штиглиц. У нас были определенные сомнения в правильности нашего выбора. Детальные исследования его жизни показали, что мы в выборе не ошиблись. Александр Штиглиц создавал банковскую систему России. Идеология государственного служения, которой руководствовался барон Штиглиц, отражена в его словах: «Я и отец мой нашли свое состояние в России. Если она окажется несостоятельной, то и я готов потерять вместе с нею свое состояние». Благотворительную деятельность Штиглица Александр II охарак-

теризовал как «подвиг просвещенной благотворительности». Благодаря финансовому участию барона Штиглица завершилось строительство Николаевской железной дороги, были построены Петергофская и Балтийская железные дороги. Александр Штиглиц оказывал материальную помощь учебным, медицинским учреждениям, приютам. На его средства были основаны Центральное рисовальное училище и Музей прикладных искусств. Барон Штиглиц на свои средства построил церковь Святой Троицы в Ивангороде, где

О национальной славе нужно не столько рассказывать, сколько показывать собственным примером, как ее приумножать.

был захоронен после смерти. В советские годы храм был разрушен, поэтому в ходе программы по увековечению памяти Александра Штиглица мы занимались восстановлением этой церкви. Мы установили в Санкт-Петербурге бюст барона Штиглица. Добились восстановления исторического названия Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии (которую он основал). Теперь она носит имя барона Штиглица.

Следующей исторической личностью, попавшей в сферу нашего внимания, стал Федор Алексеевич Голо-

вин. Он был одним из ближайших сподвижников Петра I, государственным канцлером, президентом посольских дел (министром иностранных дел, как бы мы назвали эту должность сейчас), начальником Военно-морского приказа, главой Оружейной, Золотой и Серебряной палат, наместником Сибирским, управляющим Монетным двором, участвовал в создании и редактировании первой русской печатной газеты «Ведомости». По некоторым легендарным свидетельствам, своим основанием Санкт-Петербург обязан именно Ф. А. Головину, по совету которого была реализована идея строительства крупной крепости в устье Невы для того, чтобы прервать сообщение между Лифляндией и Финляндией и разъединить шведские войска в ходе Северной войны.

Уже больше года назад мы начали обсуждать следующую кандидатуру. Пришли к выводу, что привлечения общественного внимания достоин Эндель Пусэп. Он служил в полярной авиации, был испытателем. К апрелю 1942 года совершил 30 ночных бомбардировок военных объектов в глубоком вражеском тылу, в частности в Берлине, Данциге, Кенигсберге. 19 мая

Наша история многослойна. Очень важно преодолеть разломы, уврачевать раны.

1942 года в качестве командира экипажа доставил советскую правительственную делегацию во главе с Молотовым на переговоры в США. Легендарный летчик получил звание Героя Советского Союза, ордена Ленина, Красного Знамени, Суворова, Александра Невского, Отечественной войны, Дружбы народов, Красной Звезды и другие награды.

– Как бы Вы оценили значение железных дорог в современной России, учитывая гигантские расстояния и то, что развиты и авиационный транспорт, и другие средства сообщения? Можно ли утверждать, что РЖД являются элементом укрепления целостности страны?

– Так сказать можно и нужно. ОАО «РЖД» решает не только задачи, стоящие перед любым акционерным обществом, – имею в виду повышение доходов, рентабельности производства, рост капитализации. Железные дороги играют значительную роль в развитии нашего государства. Они объединяют огромную территорию России, стягивают отдаленные регионы нашей страны в одно целое.

ОАО «РЖД» перевозит свыше 1,3 миллиарда пассажиров и 1,3 миллиарда тонн грузов в год. Для большинства жителей нашей страны железная дорога – наиболее доступный способ передвижения на дальние и средние расстояния. Не нужно забывать и об электричках, которыми ежедневно пользуются миллионы россиян.

Железнодорожный транспорт настолько укоренен в нашем сознании, что мы воспринимаем как само собой разумеющееся то, что имеем возможность быстро и относительно недорого путешествовать. В советские времена московские театралы ездили на премьеры в

БДТ на один день. Вечером в пятницу садились в поезд, утром были в Ленинграде, вечером шли в театр, ночью садились в поезд и уже в воскресенье утром были в Москве. Сейчас так любят путешествовать молодые люди. На субботу, воскресенье: москвичи в Питер, питерцы в Москву.

Важно также, что в ОАО «РЖД» работают 1 300 000 сотрудников. Они обеспечены достойным стабильным заработком, медицинским обслуживанием, социальной защитой.

Железные дороги выполняют также важную мобилизационную функцию. Вспомните, одной из причин неудачного исхода Крымской войны было отсутствие необходимой железнодорожной инфраструктуры. Войска, боеприпасы, продукты доставлялись слишком долго. Сейчас мы при необходимости готовы решать стоящие перед государством мобилизационные задачи.

Железные дороги России обладают и высоким транзитным потенциалом. В первую очередь я имею в виду Транссиб, развитием которого мы стремимся заниматься. Миллиардные увеличения доходов возможны в перспективе, если провести необходимую модернизацию железнодорожной инфраструктуры.

Вне всякого сомнения, железные дороги, люди, на них работающие, вносят значительный вклад в укрепление нашего государства и содействуют приумножению национальной славы России.

– Вы способствовали объединению двух ветвей Русской Православной Церкви. Почему Вы посчитали важным принимать участие в этом процессе?

– Я уже сказал, что наша история многослойна. В ней были трагедии и раскола общества, и гражданской войны. Очень важно спустя годы преодолеть эти разломы, уврачевать раны.

Объединение двух ветвей Русской Православной Церкви – это не только церковное событие. Это примирение расколотого в 1917 году российского общества.

Считаю очень важным, что Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы России внесли свой вклад в это историческое событие. Мы выступили

инициаторами и организаторами принесения мощей преподобномучениц Великой княгини Елизаветы Федоровны и инокини Варвары, находящихся в Иерусалиме в храме, принадлежащем Зарубежной Церкви. Семимесячный крестный ход по городам России, Белоруссии, Латвии, Литвы, Киргизии, Казахстана, Азербайджана стал первым совместным проектом Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей. Десять миллионов человек поклонились святыне.

– Занимается ли Центр национальной славы России молодежью? Ведь это, возможно, будущая слава нашего Отечества.

– Вне всякого сомнения. Во-первых, хочу отметить, что значительная часть сотрудников центра – молодые люди. Во-вторых, у нас есть большая программа «Поколение – 2050». В ее рамках мы провели международные молодежные форумы на Байкале и Алтае, юношеские лагеря в Ленинградской области, труднические экспедиции на Соловки, кадетские смотры, юношеские чтения памяти Достоевского, конкурсы сочинений и эссе «Поколение в поиске России», студенческие конференции и даже концерт рок-группы «Алиса».

В августе мы организовали отдых в Словакии 60 детей, переживших страшную трагедию в Беслане, приняли также 60 словацких детей-сирот на отдых в подмосковном оздоровительном лагере. Совмест-

но с благотворительным фондом «Расправь крылья» было организовано пребывание 100 сирот и детей из многодетных семей из регионов России в оздоровительном лагере в Калужской области. Все это стало продолжением уже реализованных ранее программ помощи детям.

Так, в 2004 году 540 сербских детей из Косово и Метохии в течение месяца отдохнули в пансионатах и оздоровительных лагерях России.

В 2006 году 90 детей из Беслана по приглашению короля Иордании при поддержке Центра национальной славы России гостили в Иордании.

Стоит сказать, что Красноярский филиал центра на протяжении нескольких лет реализует программу «Святость материнства».

– Владимир Иванович, у Вас есть внуки?

– У меня один внук и две внучки.

– Как Вы, когда они подрастут, будете рассказывать им, что такое национальная слава?

– Национальная слава – это не какая-то застывшая картина мира, раз и навсегда сложившееся понятие, это процесс, в который вовлечен каждый из нас каждую минуту. Наши поступки влияют не только на наше самосовершенствование или деградацию, они отражаются и на общественном «самочувствии». Поэтому о национальной славе нужно не столько рассказывать, сколько показывать собственным примером, как ее приумножать. ■

Каждый день не похож на вчерашний

Олеся ВОЛЬЧЕНКО, тележурналист,
фото из архива автора

Шутят, что у камчатских девушек два варианта при выборе супруга – либо военный, либо рыбак. Моя мама, медсестра военного госпиталя, не стала исключением и выбрала в супруги braveго военного моряка. Брат стал офицером, а я вот военную династию нашей семьи не продолжила.

Мой выбор

пал на журналистику. Первые неуклюжие шаги делала на радио, а потом пригласили на местное телевидение, чему я несказанно рада. Первое время проливали потоки слез и бывала на грани нервного срыва – чтобы делать новости, нужны железные нервы. Пожары, трагедии, сломанные судьбы, пропавшие без вести люди... А чего стоит поездка на местную свалку (уф!): редакционный водитель отказался корреспондента с оператором в машину сажать, после долгих уговоров все же возвратились в редакцию с настезью открытыми окнами.

И все-таки плюсы работы перекрывают весь негатив. Каждый день не похож на предыдущий. Обо всех собы-

тиях узнаешь самой первой. И, конечно, новые впечатления, интересные знакомые, командировки. Не знаю, как вы, а я люблю командировки. Благодаря им мне удалось побывать во многих уголках Камчатки, посмотреть быт аборигенов, познакомиться с удивительным местом, очень не похожим на остальную Камчатку, – поселком Эссо. Раз в год село Эссо наполняется громким собачим лаем и огромным количеством счастливых людей, которые приезжают со всех уголков полуострова, чтобы посмотреть на одно из самых зрелищных и красивых мероприятий на Камчатке – «Берингию». Это самая продолжительная в мире и занесенная в Книгу рекордов Гиннесса традиционная гонка на собачьих упряжках. В течение нескольких дней по тундре и горам собачьи упряжки вместе с каюром (погонщиком собак) преодолевают путь протяженностью 950 километров.

Благодаря работе я научилась не бояться выглядеть глупой. Человек не может знать все. И вот я приезжаю к какому-нибудь серьезному человеку, он рассказывает про дизельный чудо-агрегат, а ты ничего не понимаешь! И после его УМНОГО монолога начинаешь задавать ГЛУПЫЕ вопросы. Он смотрит на тебя такими глазами, в которых читается: «Деточка, из каких джунглей ты вылезла?» Зато потом тебе за материал не стыдно.

В последние деньки апреля (так и хочется добавить «теплого» или «солнечного», но не стоит забывать, что живу я на Камчатке, где девять месяцев зима) на работу ходить становилось все труднее, в голове уже был выстроен подробный план моего отпуска, а заранее купленные авиабилеты постоянно напоминали о предстоящем отдыхе. Отработать оставалось пять дней. И вот я с пустой головой и ленивыми движениями получаю редакционное задание – снять сюжет «про амнистию мальков». Про что?! Неужели ехать на зону? Спасибо, родные коллеги, умеете перед отпуском испортить настроение. А настроение после разъяснения задания подпрыгнуло до состояния парения. На Камчатке существует пять рыболовных заводов, где разводят мальков лосося. На самом большом заводе, Паратунском, в этом году должны были выпустить больше 16 миллионов мальков.

В период путины водоемы кишат лососем, и наш полуостров живет рыбой. Но становится страшно, когда видишь кадры оперативной съемки Росприроднадзора – огромные браконьерские станы на берегах нерестовых рек. Невероятные горы выброшенной распотрошенной рыбы, из которой браконьеры достали икру. Хочется плакать и кричать: «Остановитесь! Неужели вы хотите своим внукам, а возможно, уже даже детям

лосося показывать только на картинках?!» Но красная икра – это большие деньги, которые затмевают людям глаза, и лосось так быстро уничтожают, что в природных условиях он не успевает размножаться. Поэтому и существуют такие рыболовные заводы, где люди помогают рыбе держаться на плаву в прямом смысле этого слова.

Я ехала на завод делать репортаж о том, как первая партия мальков кеты отправится в камчатские реки. Процедура выращивания мальков достаточно кропотливая. Чтобы вырастить лосося, необходимы особые условия: температурный режим воды и помещения, кормление по графику и даже цвет ванн – зеленый, чтобы максимально приблизить к природным условиям. Здесь, как в детском саду, есть ясельная группа, есть цех для закладки икры – он уже давно пустой, малышей перевели в другой цех, из которого они и отправятся на свободу, в камчатские реки.

Мальки длиной 5 сантиметров довольно прожорливые – съедают 200 килограммов корма в день. Работники шутят, что каждого малька в лицо знают, подкармливают вручную. Рыба

привыкает к людям, и этим пользуются браконьеры. Были случаи, когда вылавливали только что выпущенных мальков и продавали килограммами. Но самая страшная беда ожидает их в первые минуты свободы – легкая добыча привлекает ворон и чаек. Работники рассказывают, птицы наедаются так, что даже не могут взлететь. Поэтому мальков всегда выпускают ближе к ночи (просто днем на солнце у них блестят пузики, привлекая ворон). В день выпуска специальная комиссия делает замеры мальков, соответствуют ли они стандартам веса. Проверяют их состояние, и лишь тогда можно открыть затвор. Малыши отправляются в большое путешествие по камчатским рекам и через некоторое время скатываются по течению в Тихий океан. Нагуляв вес, рыба вернется в камчатские реки на нерест. Но это произойдет через несколько лет, да и то, если люди не помешают.

Директор завода с гордостью показывал мне свои владения, а у меня дух захватывало. Он мне все подробно рассказывал, я задавала свои глупые вопросы, и тут он внезапно застыл рядом с одной из ванн, где плескались мальки. Стоит такой большой серьезный мужчина, молчит, с нежностью смотрит на своих подопечных, а в глазах слезы. «Знаете, Олеся, когда у меня случается что-то плохое, я прихожу в цех, смотрю на своих деток, и так хорошо становится, все проблемы на задний план уходят».

На следующий день – звонок в редакцию: зритель благодарит за сюжет, говорит, что уже несколько лет на Камчатке живет, рыбку, икорку ест, а что это все специально выращивается, труд столько людей вкладывается, и не знал. А потом учительница одной из петропавловских школ позвонила, попросила сюжет переписать на диск, чтобы детям показывать, учить их бережней относиться к дарам природы. Да... День удался, не зря прожит. ■

Я и ДВОР

Елисей ДМИТРИЕВ

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Меня зовут Елисей, мне 17 лет, живу в Москве, учусь в ТГУ на 1 курсе, посещаю храм Сорока Севастийских мучеников. Я очень люблю журнал «Наследник», выписал его и всем своим друзьям рекомендую. Спасибо за совет попутешествовать по окрестностям дома и двору (№ 11). Мы путешествовали всей семьей. Позвольте поделиться с вами впечатлениями.

Всего вам доброго, с уважением, Елисей Дмитриев

замечает, но в памяти осталось именно впечатление детства – летний снег. Как любила повторять Ахматова: «Мы помним то, что хотя бы один раз вспомнили». Зимой не было в детстве роднее друга, чем фонарь, освещавший теплым желтым светом гущу снежных веток. Я именно так представляю себе купину неопалимую. Двор застыл в воспоминаниях картинками детства. Вот проносится черным факелом священник – сосредоточенный, отстраненный... Приходил наведать свою старенькую маму. Как же я завидовал его одеянию...

Двор выходил в мир. Мир врывался во двор. Одной ночью все содрогнулось, был немой вопрос: что случилось? Потом выли всю ночь сирены, а наутро весь мир узнал, что есть такая улица в Москве – Гурьянова... Помню и другое время, наполненное ожиданием и неизвестностью... Оно тоже закончилось ранним утром воем сирен, в том числе и мимо нашего двора. Шоу закончилось штурмом и шоком. «Норд-Ост» стал названием совсем других событий и реалий.

Со двора можно отправиться путешествовать не только по воспоминаниям – плохим ли, хорошим, – но и в пространстве. Большой Двор, если так можно выразиться... Пойдешь со двора направо, пять минут – вот уже и наш Люблинский пруд. Есть даже местная легенда о происхождении названия Люблино. Плавали в лодке по пруду двое влюбленных, и на пылкие признания юноши красавица всякий раз отвечала: «Люблю, но...»

На другой стороне пруда – восстановленный дом князя Н. А. Дурасова в его усадьбе Люблино. Здание

скрыто в густых деревьях. Видна только верхняя часть купола, а на нем – огромная черная статуя, установленная совсем недавно. Венчающая купол загадочная женщина в ниспадающем одеянии как будто плывет над прудом. Спроси у любого старожила: кто это? Расскажут: а это сама княгиня Дурасова. Она, мол, при жизни поставила себе памятник, потом имение проиграла в карты, памятник-то и убрали, в подвале лежал. На самом деле это – святая праведная Анна. Сам барский дом в плане – это Аннинский крест (углы креста ордена заполнены ажурным узором, а углы креста здания – круглящими колоннадами). Так князь увековечил память о получении им ордена Святой Анны I степени. Если смотреть на статую святой Анны в бинокль, можно разглядеть печальный лик... У входа в поместье стояла еще одна женская статуя, «Молчание», – женщина приложила палец к губам (потом времена изменились, и стало не до молчания). В 1904 году над Люблино пронесся ураган, «высосавший пруд с налимими толщиной в руку». В барском доме после событий другого урагана, исторического, размещались разные учреждения: клуб железнодорожников, столовая, школа, Институт океанологии Академии наук...

Пойдешь дальше по цепи прудов – выйдешь прямо к храму Влахернской иконы Божией Матери. В детстве путешествие с мамой до церкви ощущалось как маленькое паломничество. Тут же начинается и усадьба Кузьминки, родовое гнездо князей Голицыных. Старина здесь разбросана – иногда в прямом смысле слова – на каждом шагу, например огромные, поросшие травой и мхом валуны, оставшиеся от Львиной пристани. Вот полуразрушенная арка XVIII века, три могучих дуба, один из которых, по преданию, посажен самим Петром I, приехавшим к хозяину усадьбы князю Голицыну. О былом напоминают и гордые молчаливые грифоны, выдержавшие испытание временем. Но об усадьбах наших можно говорить много. Если отправиться в путешествие по истории Люблино и Влахернского, то оно приведет тебя в конец XVII века.

Если идти к Николо-Перервинскому монастырю, то по пути раньше можно было встретить церковь Петра и Павла. У храма удивительная история, перечисление только ключевых слов которой настраивает на интереснейшее путешествие по времени, истории страны. Храм создавался как экспонат – образец сельской церкви – для Политехнической выставки в Москве в 1872 году. У выставки была благороднейшая задача – показать приложение наук к обыденной жизни небогатых людей. Храм сначала был установлен в Александровском саду, недалеко от Боровицкой башни, на холме над гротом. Потом его разобрали и перевезли к нам. Храм вмещал 200 человек и был единственным зданием в Люблино, полностью отразившим натиск урагана 1904 года. Позже в алтаре устроили клуб безбожников. И храм опять выстоял. Есть в Подмосковье небольшое село Рыжево, в нескольких километрах от станции Егорьевск, туда храм и перевезли. Церковь действует и поныне. Правда, теперь она имеет иное имя – церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Но это путешествие пока намечено только пунктиром на виртуальной карте моих дворовых окрестностей.

Так и живем вместе – я и двор. И однажды, в день, наполненный смутными ожиданиями и поиском, когда уже ясно, чего хочешь, но еще не знаешь, как подступиться, к тебе подойдет соседка Надежда и скажет: «А ты иди в церковь, куда я хожу. Она одна такая в Москве, и священники у нас самые лучшие...» И станет дворовая тропинка дорогой к Храму, а может быть, и началом пути. ■

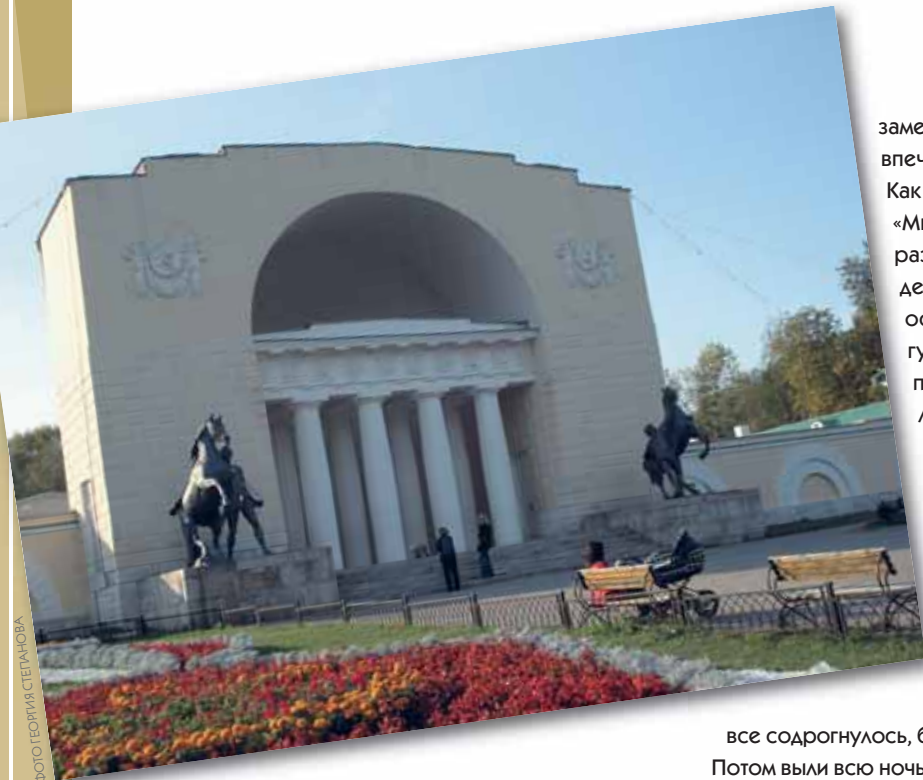

ФОТО ГЕОРГИЯ СТЕПАНОВА

Путешествовать по двору и окрестностям своего дома – это как путешествовать по детству. Двор рос и менялся вместе со мной. В раннем детстве он был полной противоположностью всяческому негативу – школе, урокам, прогулкам с бабушкой. Во двор выпускали гулять одного. Надежно замкнутое пространство, внутренний дворик крепости между четырех домов. Свобода и безопасность – сочетание, необходимое ребенку. Это «чувство стены» осталось и до сих пор – так же спокойно себя чувствуешь во дворе нашего Свято-Тихоновского университета или во внутреннем пространстве Новоспасского монастыря. Но во дворе было еще и просто интересно.

Двор, даже будучи пустым, живет своей жизнью. Летом двор замечало тополиным пухом. Его и сейчас

ФОТО ГЕОРГИЯ СТЕПАНОВА

Ткачиха из Суздаля

Лауреат конкурса «Наследник – 2006» Анна НЕНАШЕВА

На экскурсии в Суздале довелось мне пообщаться с одной старушкой. Имени ее я не знаю, так как замечательная русская традиция вежливости – представляться после первых друг другу сказанных слов – утратилась.

Этой бабушке около восьмидесяти лет. Мы заметили ее ткущей коврик на деревянном ручном стане на «Подворье мастеров». (Это такой аттракцион для туристов: заходишь в воротца с надписью «Добро пожаловать!», а тут тебе и кафе, и народные мастера трудятся. Полюбуешься ими, и тебе легче станет купить какое-нибудь их произведение.) Конечно же, нам захотелось посмотреть на ее работу.

На голове ее был светлый цветастый платок, одета тоже была во что-то светлое. Никакой приветливости она к нам не проявила, не улыбнулась и на вопросы наши отвечала попервости скупко. Когда моя мама спросила, как она тклет узор, работница ответила: «А садитесь, научу». Сказала она это таким тоном, что мне сразу захотелось уйти и не мешать человеку. Однако мало-помалу разговор завязался.

– Я потомственная ткачиха, – рассказывала женщина, – мне мама передала станок, сказала: «Береги его». А я вот не смогла сберечь. Я же до этого в музее одиннадцать лет работала – так же ткала. А потом меня стали просить: отдай. А он резной весь... Отдала. А они его даже не выставили.

– И заплатили, наверно, копейки...

– Ничего не заплатили. А он вон – в музее деревянного зодчества.

– Мы не видели.

– А его только через окно можно увидеть – не пускают в эту избу.

– И вы оттуда ушли?

– Ушла. Меня так обидели. А потом кто-то, не помню, вспомнил про меня, поехал, искал меня полдня, приходит: «А я вас ищу». Ну, у меня сердце замерло.

– Вспомнили тридцать седьмой год?

– Вспомнила. Он мне говорит: «Работать будешь». И сделал мне этот станок. А потом пропал. А тут меня московские подхватили.

Она показала нам два коврика своей работы – с разными узорами, но из одинаковых ниток, белых и зеленых. Длина ковриков – полтора метра.

– Я делаю разные, а они требуют одинаковые делать, – продолжает рассказчица. – За каждый коврик дают мне по двадцать рублей.

– А продают, небось, по двести.

– По двести тридцать.

– А платят, как продадут или как сделаете?

– Как продадут.

Во все время разговора бабушка ни на секунду не прерывала работы: протягивала челнок между двумя слоями ниток – прижимала получившийся ряд специальной планкой – нажимая на педали, меняла местами верхний и нижний слой ниток – и снова по кругу. Иногда доставала клубок и наматывала на челнок нитку, закрепляла края. На ее широкой, с короткими пальцами трудовой руке около ложбинки между большим и указательным пальцами можно было заметить

полустертую наколку – что-то наподобие штурвала. Сидела, наверное...

– А дети есть у вас?

– Да как вам сказать? И есть, и нет. Трое. Пять внуков. Девочек нет, передать некому. Я, шестьдесят лет мне было, ходила в детдом, просила, чтоб дали мне девочку, я б ее воспитала. «Нет, – сказали, – ты уже старая», – не дали. А восемнадцать лет уже было бы девочке.

Просто, спокойно, неспешно, не меняя тона, рассказывала нам ткачиха и про казенное бессердечие должностных лиц прошлого, и про бессовестность современных делая. Все повидала она в жизни, научилась ко всему относиться со стойкостью древней скалы. «Дети у меня вроде хорошие», – говорит она тем же ровным тоном, не желая похвастаться. Единственное, о чем явно сокрушается она, – что не выполнила маминго завета, не сберегла станка, отдала его недостойным людям.

Живет на древней Суздальской земле женщина, как будто сама пришедшая из древних веков, – истинная русская женщина, обладающая и мастерством, и стойкостью, и достоинством. Бизнесмены взяли ее в оборот и делают на ней деньги, и она, прошедшая все невзгоды жизни, теперь бескорыстно служит – не им, а людям: чтобы кто-нибудь увидел, узнал, чтобы не порвалась связь поколений, не пропало древнее ремесло. ■

Советуем почитать

РАДОСТЬ
Антон Чехов

...Митя захохотал и сел в кресло, будучи не в силах держаться на ногах от счастья.

– Это невероятно! Вы не можете себе представить! Вы поглядите!

Сестра спрыгнула с постели и, накинув на себя одеяло, подошла к брату. Гимназисты проснулись.

– Что с тобой? На тебе лица нет!

– Это я от радости, мамаша! Ведь теперь меня знает вся Россия! Вся! Раньше только вы одни знали, что на этом свете существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, а теперь вся Россия знает об этом!

Этот рассказ Чехова настолько мал, что люди обычно проглатывают его, «не жуя». И напрасно. Неадекватная реакция маленького человека на случайное событие, как капля воды, отражает весь океан человеческого тщеславия, которому нет конца и у которого (если внимательно присмотреться) нет никакой серьезной причины.

ПОДРОБНЕЕ...

<http://ilibrary.ru/text/1049/p.1/index.html>

Иван Лопатин

Об одном герое

Ирина КРИВЕНКОВА

Красивый человек был одет в военную форму. Почти такая же форма висит в шкафу моего дедушки. «Интересно, — подумала я, — а человек и дедушка в одной войне воевали или в разных?» Мне казалось, что если они сражались в одной войне, то обязательно должны были встретиться. Войну я представляла так: собралось много-много людей с оружием. С одной стороны наши, с другой — враги. Постояли, произвели разведку и начали биться. Примерно как в драке — стенка на стенку.

Тетя Ася, которая принесла фотографию маме показать, объяснила, что с моим дедушкой они не встречались, потому что воевали далеко друг от друга.

Человек с фотографии был, оказывается, тети Асин папа. В 1943 году его, только-только окончившего школу, забрали в армию и отправили на фронт — и стал он воевать. Я с интересом слушала, стараясь смотреть сразу и на тетю Асю, и на фотографию, и на маму, которая накрывала на стол.

— А я тебе рассказывала, — спросила тетя Ася, обращаясь к маме, — как он Неман переплывал?

— Нет, — ответила мама.

— Что переплывал? — переспросила я.

— Неман. Это река такая, — объяснила тетя Ася.

Я представила себе Москву-реку — единственную реку, которую я видела, — и подумала: смогла бы я переплыть ее? Наверное, нет. Плавала я плохо.

Оказалось, что Неман го-ораздо шире Москвы-реки, и плыть надо было не метры, а километры. Я постаралась вообразить себе такую ширь — это же, наверное, больше, чем от моего дома до Даниловского рынка!

Тем временем мама приготовила все для еды, и мы пересели с дивана за круглый обеденный стол. Я устроилась напротив тети Аси, чтобы удобнее было слушать. Не понимаю, как мама может слушать такие потрясающие вещи и при этом ходить вокруг стола — это ж половину пропустить мимо ушей можно! Я даже о еде забыла — так интересно было слушать тетю Асю.

А рассказала она вот что.

В 1944 году наши войска форсировали Неман. И тети Асин папа оказался среди тех, кто первым перебрался через реку. Таких в тот вечер оказалось немного. Трудно было перебираться: оба берега немцами простреливаются. Но вот наши переплыли Неман и стали ждать остальных. Ждут-ждут — а никто больше не подходит. Что же могло случиться?

А была еще у тех людей связь с кабелем, которую они всегда с собой везли. Это как телефон с проводом. Переправлялись они через реку, а кабель по пути разматывали, чтобы провести связь от одного берега к

другому. Вот и стали те, кто переправился, звонить тем, кто остался. А связи нет.

Почему так случилось — никто не знал. То ли кабель оказался поврежден во время переправы, то ли еще что. А вокруг темно — только ракеты вдруг осветят реку на несколько секунд и погаснут. И тишина какая-то непонятная: то где-то раздастся одинокий выстрел, то короткая пулеметная очередь. Прогремит — и станет тихо. А потом опять ракета...

Те, кто перебрался, подумали, посоветовались — и решили: надо новый кабель проводить. А как его проведешь, если оба берега немцами простреливаются? Увидят человека в лодке — и все. Если бы наши на том берегу знали, что к ним кто-то плывет, они бы прикрыли. Это значит — стали бы стрелять, заметив опасность. Но связи нет, и наши ничего не знают. А те, кто переправился, прикрыть не могут: увидят немцы, станут в эту сторону стрелять — и все. Мы ведь заняли на этом берегу крохотный такой участок, а немцы расселись вдоль всей реки. Много их, а нас совсем мало.

Был, правда, один способ установить связь. Пересечь реку вплавь с кабелем в руках. А стояла ранняя весна, лед совсем недавно сошел. Вода еще холодная-прехолодная. Но ведь не оставаться же без связи!

И спросил тогда командир у солдат: «Есть добровольцы Неман переплыть?»

Вызвался один солдат. Попробовал ногой воду, взял кабель. Погрузился в реку, поплыл и исчез в темноте. Конец кабеля на этом берегу дергается. Ракеты, кажется, всю реку освещают — как бы пловца не засекали.

Ждали-ждали, вдруг видят — кабель провис.

Вытянули из воды кабель — а человека нет. Что с ним — неизвестно. Не то пуля, не то ледяная вода погубила.

И снова спросил командир: «Есть добровольцы Неман переплыть?»

Вызвался другой солдат. Ополоснулся водой из реки, чуть попривык к холоду. Взял моток кабеля, поплыл.

Ждут все, на Неман из последних сил смотрят. Пытаются при свете ракет что-то разглядеть. Не разглядишь человека с кабелем. Может, и немцам не видно?

Вдруг кабель опять провис. Вытянули — а человека на том конце нет. Уже второй пропал. Не то пуля, не то холодная вода сгубила.

И в третий раз спросил командир: «Есть добровольцы Неман переплыть?»

Молчат солдаты, бояться в реку идти. Два человека уже пропали, никому не хочется быть третьим.

И тогда сказал командир: «Кто переплывет — Героя Советского Союза получит».

Небольшая золотая звездочка «Герой Советского Союза» — это высшая награда. Конечно, Героя Советского Союза хотелось всем — только все равно страшно переплывать реку, которая простреливается немцами. Молчат солдаты, колеблются. Думают.

И вот вызвался плыть Рафгат Саяпов, восемнадцати лет. Тети Асин папа. Окунулся в реку, привык к холоду. Дали ему кабель — поплыл.

Неслышно плывет Рафгат Саяпов, кабель потихоньку разматывает, свободной рукой гребет. А моток тяжелый-тяжелый, давит на плечо, так и тянет ко дну.

Трудно плыть Рафгату Саяпову в ледяной воде. А тут еще немцы ракеты пускают. Кажется, что становится светло, как днем. В эти секунды Рафгат Саяпов под воду уходит, чтобы его не увидели. Погаснет ракета — всплывает.

Совсем трудно плыть стало, ноги так и норовит свести судорогой от холода. Но уже и моток не такой тяжелый, и до берега не так далеко. Доплыл Рафгат Саяпов, протянул кабель. Появилась связь.

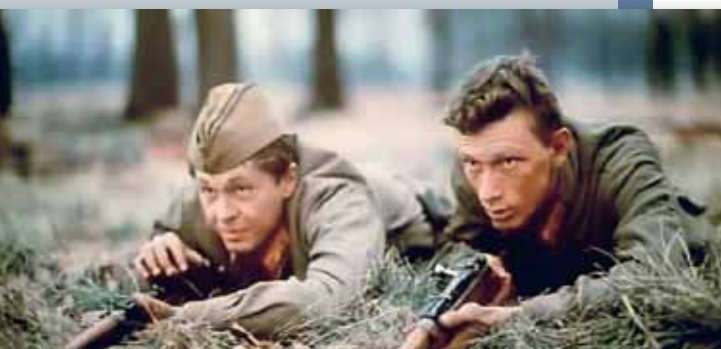
Про него потом в дивизионной газете статью написали. Хорошую статью, хвалебную. А командир своего обещания не забыл: как сумел — сразу же написал в организацию, которая награды раздает.

Сам Рафгат Саяпов статью ту не видел и газету в руках не держал, только друзья его читали и передавали прочим знакомым. Оказывается, в статье было написано, что ему уже вручили награду. Вот и принимал Рафгат Саяпов

ФОТО ИЗ АРХИВА РАФГАТА САЯПОВА

Советуем посмотреть

БИТВА ЗА МОСКВУ

СССР, 1985
358 мин.

Режиссер: Юрий Озеров.

Актеры: Михаил Ульянов, Яков Трипольский, Александр Голобородько, Владимир Трошин, Бруно Фрейндлих, Юрий Яковлев, Юозас Будрайтис.

Пожалуй, это лучший фильм Озерова про войну. Лишенный гордой самоуверенности прежних «победных лент», он, тем не менее, не впадает в уныло-обличительный тон по отношению к героям 41-го. Слава малоизвестных полководцев и неизвестных солдат, слава тех, кто был захвачен врасплох, разбит, окружен, уничтожен, даже попал в плен, но бился с превосходящим врагом до последней возможности, — такая слава никогда не померкнет!

ПОДРОБНЕЕ...

<http://www.rutv.ru/tvprog.html?d=0&id=109882>
<http://www.ozon.ru/context/detail/id/2440563/>
<http://film.arjlover.net/info/bitva.za.moskvu.3.avi.html>

Иван Лопатин

поздравления — пока не узнал, что организация та отказалась давать ему звезду Героя. Видите ли, там, где Рафгат Саяпов Неман переплывал, дивизия потерпела поражение и вынуждена была отступить. Не видела та организация смысла в награде.

Обидно мне стало — аж до слез. Жалко было Рафгата Саяпова. Что же получается: плыл, старался — а награду обещали и не дали... Только плакать я не стала: не маленькая. А чтобы никто не подумал, что я плачу, — уткнулась носом в тарелку с едой и принялась быстро-быстро жевать. А тем временем тетя Ася стала спрашивать маму, где в Москве можно найти старые газеты. Оказывается, уже старый Рафгат Саяпов попросил тетю Асю отыскать ту газету, где говорится о присвоении ему звания Героя Советского Союза. И хотя бы переписать статью, чтобы он знал, что там написано. Уже много лет прошло с тех пор, как он Неман переплывал, а вдруг захотелось узнать: что же о нем написали тогда, давно, во время войны?

Моя мама никогда не говорит «невозможно» или «трудно». Она и сейчас не сказала, хотя даже я понимала, что дивизия — это что-то совсем-совсем маленькое по сравнению с целой страной, и дивизионных газет было выпущено мало. Мама сказала:

— Посмотри в Ленинской библиотеке. Если где-то и сохранилась такая газета, то, скорее всего, там.

Я кончила есть, сказала спасибо и быстро умчалась к себе в комнату. Мне по-прежнему было обидно за красивого человека с фотографии, Рафгата Саяпова, тети Асиного папу. Ну что им стоило дать ему эту звезду?! Жалко им, что ли? Вон Покрышкин и Кожедуб имеют аж по три штуки! Нет, я не говорю, что им эти звезды достались просто так. Просто за Рафгата Саяпова обидно. До слез.

Все-таки я заплакала. Я всегда плачу от несправедливости и совершенно не представляю, как можно реветь от боли. Но плакала я совсем немного: все-таки уже не маленькая.

Я достала самую лучшую бумагу, самые лучшие ручки, самые лучшие карандаши и фломастеры. Села за стол и положила все это перед собой. Подумала минуту — и стала рисовать, как Рафгату Саяпову вручают звезду Героя при свете сигнальной ракеты. ■

Поминки

Алексей МУРЗИН, г. Шадринск, Курганская область, научный сотрудник Центра русской народной культуры «Лад». Лауреат конкурса «Наследник — 2006»

Сергей ехал в деревню. Не был там уже, наверно, лет семь. Дед приболел и поехать не смог, а было необходимо: оформлял пенсию и нужны стали какие-то справки из сельского совета. Владимир Петрович, дедов брат, сумел все подготовить. Нужно было только забрать.

Поездку подгадали к девятому мая. Старики: Владимир Петрович, которого Сергей, как и отец, называл дядей Вовой, и его жена Ольга Поликарповна, тетя Оля, — давно ждали родственника и по телефону попросили племянника уговорить Сергея остаться ночевать. Отец велел уважить родню. Сергей долго препирался, но согласился.

Дорога была прекрасная, мотор новой отцовской машины ровно рокотал, из динамиков лилась музыка, в открытое окно врывался теплый, свежий и влажный ветерок. Сергею было хорошо. «Нельзя мужчине без машины, — думал он. — Вот закончу институт, и надо как-то покупать свою».

У дороги мелькали черные поля, зеленеющие колки, попадались, все какие-то одинаковые, деревни, казалось, и люди тут должны жить такие же одинаково-серые, неинтересные. Сергей обогнал несколько развалюх, все «Москвичи» да «копейки». Было весело, и он погнался какому-то дедуле, с прищуром глядевшему на дорогу сквозь стекло дряхлого «москвичонка».

Когда Сергей подъезжал к дому, дядя Вова поджидал у ворот. Постаревший, сидел он на лавочке в клетчатом с наградами пиджаке и серой кепке.

— Ну, здорово, Сережа. Заматерел. В отца весь! — заговорил, пожимая ему руку, Владимир Петрович. — Как дедушко-то, там, в городе-то? Подвезешь меня на митинг, как раз вовремя подъехал. Всех ветеранов лично пригласили, а я тебя приглашаю.

— Ну, садись, дядя Вова, — Сергей открыл перед стариком дверку.

— Хороша машинка-то, — дядя Вова в восхищении ощупывал панель. — Долго, поди, батюшко копил?

— Не знаю, он мне не докладывает. — Сергей запустил двигатель и, нетерпеливо переключая передачи, резко выскочил на поднятую асфальтовую дорогу.

— Коммерческа тайна, видно, — засмеялся дядя Вова.

— Да правда, не знаю... — Сергей все больше раздражался: неужели весь день это слушать? Как бы не нагрубить.

Митинг начался с опозданием на десять минут. В полупустом сельском клубе четырех ветеранов поздравляли глава сельской администрации и, страшно волнуясь, все двенадцать старшеклассников местной школы. Само-деятельный ансамбль пенсионеров в пошитых когда-то

концертных сарафанах исполнил песни военных лет. Ветераны получили в подарок по клетчатой рубашке и открытке, чем остались очень довольны. Потом школьники и ветераны возложили венки к пирамидке памятника погибшим односельчанам, красневшей подновленными фамилиями.

Гремели и блестели на солнце награды. Ветераны, стесняясь редко надеваемых парадных пиджаков, бодрились и напускали торжественный вид. Школьники шли серьезно и степенно. А когда объявили минуту молчания, наступила вдруг тишина. Селяне действительно молчали. Пожилые и дети, мужчины и женщины. Даже суетливые воробы.

Сергей невольно отметил: в городе все не так. Бритые братки, ожидающие своих подружек, где-нибудь на задах пытаются перекричать друг друга, улаживая дела по мобильнику, беспечные школьники продолжают свой «крутой» треп, а несчастные учителя громко шепчут угрозы в попытках их урезонить. Тут, в деревне, все было всерьез.

Закончили митинг приглашением ветеранов в сельсовет, где готовилось общее застолье. Владимир Петрович отказался. Сослался на нездоровье. Обнялся со всеми, прощаясь. Вскоре они с Сергеем уже сидели за приготовленным Ольгой Поликарповной столом.

— Давай отведай, чего Бог послал, — подбодрил гостя Владимир Петрович.

А посланы были и домашние соленья, и деревенский подовый хлеб, и сдоба, и холодец, и настоящий квас. И еще что-то, чего Сергей и не пробовал никогда.

— Прости уж, Сережа, чем богаты, — стала извиняться за отсутствие магазинного Ольга Поликарповна.

— Ну что вы! — успокоил ее Сергей. — Стол у вас прекрасный, а таких огурцов, наверно, больше нигде и нет.

Ольгу Поликарповну ответ, похоже, только расстроил. Она смутилась и нарочито отвернулась к печке, спеша переложить что-то с одного угла шестка на другой. А Владимир Петрович, усевшись поудобнее, начал вспоминать.

— В сорок восьмом, помню, как мужики, кто еще дослуживал, воротились да огляделись: оказалось, меньше половины нас осталось. А чтобы целыми пришли — так, пожалуй, только я да Алексей, да еще Генко-писарь. А остальные — кто с каким изъяном. Бабы-то и таким радешеньки: хоть живой! Молодухи, которы замуж перед войной вышли да вдовушками остались с ребятишками, здорово убивались. Которы замуж больше и не выходили. Есть и такие, что похоронки и не получили, так и прожили, до старости ждали. А мужики кто еще сколько протянул...

Схоронили сколько... Не помнишь. Человек, поди, семьдесят. Ерофей считал, записывал, в школу унес тетрадку-то. Там, наверно, лежит. Спрошу после праздника. Семьдесят, а каждый по-своему прожил.

Гаврило вон где только не был. Призвали их четверых враз: Гаврилу, Гераска, Мишку да Николая. Учили на Урале, в Чебаркуле. Бабы — матери да жёнки (Николай-то с Герасимом женаты были) — к ним на свиданку ездили. Не пускают, а все равно как-то проберутся. Домашнего чего-нибудь передадут да теплое, к зиме дело-то было.

Потом всех увезли кого куда. Так Гаврило с Мишкой попал. Все, говорит, рядом старались быть. В первом же бою в траншее почти что рядышком были. Только Мишку танком перемололо, а Гаврило живой остался. Хотел, говорит, как потише стало, Мишкины документы прибрать. Где там! Каша одна.

Штыком Гаврилу в рукопашной кололи, в колене у него осколок сидел до самой смерти, в восемьдесят седьмом с ним в землю и ушел. А бок-то весь осколком развороченный! И хребет на бок был. Смотреть страшно. Победу в госпитале встретил, без памяти, заражение пошло. Доктор-женщина отживалась с ним чуть не год. Выжил, да вон сколь еще прожил, хоть и без трех ребер, а ничего, крепкий был. Умер, считай, что в строю. На покосе, стоя на зароде. Где же Гаврило пустит кого на зарод? Сам все. Хозяин. Да неудачно как-то шагнул, покачнулся. Тут в аккурат стогом том копну подавали, ну его и стукнуло по головушке. Улетел, высокононько было. Кинулись, а дедушко-то уж неживой. А так Гаврило, может, нынче бы праздновал. Вот оно как бывает. А он, считай, до Кенигсберга дошел... Да ты ешь, Сережа, что сидишь? С утра, поди, без завтрака, знаю вас, городских. Рысаки...

— Спасибо, дядя Вова, тетя Оля, все очень вкусно, не могу, не лезет уже.

— Да что уж ты. Пусть парень ест, сколько хочет, — Ольга Поликарповна все же чувствовала неловкость.

— Забыл я много, Сережа. Но и помню еще кое-что. Вот Петро, которого схоронили нынче (помнишь, Оля), — первый парень был. Гармонист. Девки-то сохли! За косы таскали друг дружку, пуще парней дрались, бывало, еле растащат! Нам дивно, мы еще молоденьки были. Завидно, — усмехнулся хозяин. — В танкисты попал Петро, как тракториста взяли. И на КВ, и на «тридцатьчетверке» повоевал. Все вспоминал: «КВ-то чо — корова, вот «тридцатьчетверочка» — машина».

Еще, рассказывал, в разведку на трофейном бронетранспортере гоняли. Лейтенантик молоденький, еще моложе Петра, с картой сидит: «Туда правь, туда...» Уверенно так показывает. А потом заметался. Все, не поймут, куда заехали. Отматывали его, а что толку. Надо как-то обратно, а он с картой вовсе окружался. Смотрят, деревня. Заехали, а в ней немцы. Наделали им шуму, постреляли, подавили да дальше. К своим стараются, а они по ним долбят — часть-то, видишь, другая. Едва отнекались. Лейтенантика под трибунал. Петро говорил, в штрафбат определили, испкупать вину. Задачу-то не выполнили. Они тогда на него шибко злые были. А потом, говорит, жалко стало, парнишко совсем еще. Ему бы через огород, к девкам дорожки прокладывать, а он по карте в тыл врага. Просмотрел что-то, всяко бывает с человеком, а с командиром всяко, видно, быть не должно...

Или вот Миней. В сорок четвертом пришел, контуженый. Я тогда еще не мобилизован был. Его учетчиком поставили, на легкую работу. Ездит, бабью работу считает. Волком выл, бывало: «Чо же вы, бабы, делаете? Откуда сила-то в вас такая?» А сам уж иссыхал весь. Схватит мешок или навилыник, а поднять не может. Бросит, уйдет с глаз куда-нибудь, заревет. Маня-то ему двоих ребятишек успела родить, возила все

его по больницам да госпиталям, да, видно, шибко жамкнуло мужика, в сорок девятом году схоронили.

— Ты помнишь Миней-то? — обратился к жене дядя Вова.

— Как не помнить, справедливый был. Спорил за нас с начальством: «Куда вы их, девчошек? Некому больше никак уж?» Бывало, и отвозит. Берег нас, шибко понятливый был человек, — отозвалась Ольга Поликарповна.

— А вот еще Николай с Васильком да Иван. Всех мобилизовали в одно время, и судьба одинакова: пропали без вести. Сколько лежат так-то, то ли схоронены, то ли под кустом, кто посчитал? — дядя Вова перечислял, загибая пальцы. — Один под Ржевом, другой где-то в Ленинградской области, а третий и вовсе в Германии. В шестьдесят девятом или уж в семидесятом году их фамилии на памятнике написали. Так парторга-то в район вызывали. Приехал, бледнехонек, велел Алешке-художнику закрасить, тогда при клубе художник состоялся. Мы, ветераны, жалобу чуть не все подписали. Возили в район, говорят: «Вдруг предатели?» А какие они предатели? Самые отчаянные головушки были. Идут по деревне, мы за ними, никого не боимся, впереди прячутся, кричат: «Колька!» или там: «Васька идет!» Умирать будут такие, а своих не продадут. Нет, не дали написать, и не поминали нигде. В прошлом году только дописали, вместе с ребятишками-«чеченцами», никто ничо уж не сказал.

— А ты что опять приуныл? — дядя Вова вновь сурово глянул на гостя.

— Слушаю я, — тихонько ответил Сергей.

— Ну, послушай, послушай. Никто уж сейчас лучше-то моего, наверно, не расскажет... Так ведь нашли Николая-то, — продолжил Владимир Петрович. — В братской могиле там, под Ржевом, и был. Письмо на сельсовет пришло оттудова. Да только родни не осталось уж в деревне. Шура, жена его, так одна Витьку и выкормила, да и умерла, не дождалась весточки. А Витька, тот сейчас на Севере где-то и знать не знает. Написать хотели — адреса ни у кого нету.

Или вот еще Самойло. В плену был. И что ты думаешь: там выжил, его тут еще в лагерь определили. За всю жизнь ни разу на митинг не приходил. Выпивали с ним, бывало. Так он молчит, а потом заревет: «Не виноватый я, браточки, контуженного меня прибрали. Не знаю, как живой вот остался. А сколько наших робят-то загублено. Падёт, а немцы поднимать не дают, гонят и гонят...» И заходится мужик. А мы уж знали, схватим его. А его так и трясет, еле отойдет. Спать положим где-нибудь, до утра проспит, ходит потом молчком. Да он всегда тихонькой был, так и умер, сам себя виноватым считал. А этот все его поддевал, писарчук-то — Генко: «Я ить фронтовик...» Да и Бог с ним, с Генком, с покойной головушкой, тоже уж живого нету... Тебе сколькой пошел? — спросил вдруг Владимир Петрович.

— Двадцать осенью будет.

— Чо, уж двадцатый? — оживилась молчавшая до того Ольга Поликарповна. — Последний-то раз вон — как петушок молоденький, когда уж поет по-петушину, а голос — цыплячий...

— Мы еще моложе тебя были, когда призвали-то нас, — прервал рассуждения жены дядя Вова, — уж в сорок пятом. Так и нашему брату досталось. Всю войну, считай, в колхозе работали, да еще на лесозаготовки забирали, вместе с трудармейцами. Насмотрелся я тогда на них. Говорили: «Вон враги народа идут...» Строем их водили, кто в чем, еле бредут. Смотрим, а нам жалко, таки же ребятишки, мужики. Худые все. Тут же заключенные, в телогрейках, в валенках которые. И мы тут же, из

разных деревень: бабы, девки да мы, которых еще на фронт рано призывать.

Как призвали, тоже сначала учили. Потом повезли кого куда. Серега — тезка твой — на Западную Украину угадал, до сорок седьмого года бандеров ловил, наглядился всякого тоже. Не лучше же немцев, а где и похуже будут. Нынче они, говорят, опять башки-то заподнимали. Не всех Серега выкурил. А эти, слышал, чухонцы-то, что творят? Собрали деньги да памятник эсэсовцам, возле Новгорода вроде, поставили. Нашлись добры люди — взорвали... Так власть-то почто не видит? Или она вовсе уж без зубов? А то вон Петька-племянник говорит: «Их же и посадят, взорвали которые». Не, уж так и есть? Эх!.. — бахнул кулаком по столу дядя Вова. И, отвернувшись, замолчал. Молчал и Сергей.

Стало стыдно за себя, что так ничего и не сделал за свои двадцать лет. За жизнь, которая вполне, вроде бы, устраивает, а тут такое... И ведь слышал же что-то в каких-то новостях. Но пропустил, съел, как и прочее.

— Эй, брат, ты спишь, что ли? — Владимир Петрович наполнил давно пустые стопки. — Хрумкай огурчики-то — есть, поди, зубы, я ладно, холодцом закушу. Батюшко твой шибко любит Олины-то огурчики. Завтра в яму сходим, еще достанем. Увезешь ему.

— А я ить с немцем-то не повоевал, — отведя взгляд, как будто извинился Владимир Петрович, вертя пустую стопку и отчего-то не ставя ее. — Митка с Ленькой в Германию повезли, Витьку в Мурманск, Паньку в Крым. А нас с Егором на Дальний Восток. Его пораньше, меня потом, — продолжал он, помолчав. — На запад сперва, конечно, да потом обратно. Едем, ничего не поймем. Смотрим, к Свердловску подъезжаем, а потом и наши края пошли. Все спрашивают: «Куда нас?», — а никто не говорит. Нам хлеб на станциях бросают, на Байкале омуля сунули. Мне маленько досталось, вкуса не разобрал. Кричат: «Победа, Германия капитулировала!» Обидно стало. Оказалось, к самураям везут...

Сергей волевым усилием прогонял вдруг навалившуюся усталость. То ли от водки, то ли с непривычки, оттого, что встал слишком рано. Сидел неестественно прямо, чувствуя пристальный взгляд тети Оли.

— ...А всяко же было, — рассказывал Владимир Петрович, облокотясь на стол. — Через пустыню Гоби марш-броском шли. Давали селедку одну, чтобы пить не просили, — японцы колодцы потравили. На всю жизнь ее наелся... И сразу без передышки — в бой. Дружок мой, Сашка, в муках умер. Осколком его в живот, в первом же бою... Все кишочки выпали... Он их засовывают, а они обратно. Кричит: «Вова, помоги...» А я что сделаю, реву, не видал такого-то... Много нас там таких, нестреляных, было. Фронтовики нас ребятишками звали. Жалели, берегли. Никакой дедовщины мы не знали, это нынче сволочь какая-то выдумала.

А им, фронтовикам-то, каково было! Немца одолели, думали: «Всё». А тут опять война. Правда, говорили: «Против немца япошки — слабаки». Зря на них американцы-то атомную бомбу бросили, им и так каюк подходил. А те не навоевались, видно, долго сидели, так хоть лежачего, а пнуть...

— Айда, Володя, отдохни, — тетя Оля потрепала его за плечо.

— А, Оленька, устал я, правда, — дядя Вова поднялся, опираясь о плечо супруги. — Ты, Сережа, не обижайся на меня, старый я, да и праздник сегодня...

Сергей тоже поднялся. Пошел к обитой войлоком двери, проходя ее, больно ударился — забыл пригнуться. В просторных сенях долго морщился и шипел от боли. Потом вышел на крыльцо-веранду.

День незаметно перешел в вечер, солнце било в глаза почти по прямой. Сергей ставил козырьком ладонь, чтобы хоть что-то увидеть. Становилось прохладно, и он вернулся в дом. На столе не было пустых тарелок. Зато кое-какие яства появились вновь.

— Сережа, поди, еще чего отведаешь? — обратилась, выглянув из-за огромной печи, хозяйка.

— Да нет, спасибо. Чаю бы только.

— Вот и хорошо, я тоже попью, — согласилась тетя Оля.

В комнате темно. Ольга Поликарповна включила низко висевшую слабую лампочку.

— Много уж не договариват дедушко-то, не может. И все они нас щадят: вас — молодежь, да нас — баб. Не говорили и не говорят всего-то. Я слыхала. Когда их еще много было, ветеранов-то, у Володи компания была, выпьют, начнут рассказывать, без всякого, с матюгами, как есть. Там не соврешь, говорят да режут. А мне скажут: «Ты, Оля, нас не слушай». Шибко страшно говорили. Не дай Бог никому тако-то... Да ты тоже дремлешь вроде? — Ольга Поликарповна всплеснула руками, засуетилась. — Давай, Сережа, ложись тоже. Умаялся, рано встал-то. Давай, вот постелю тебе. Хоромина-то больша у нас. Есть где гостя приветить, — слышалось откуда-то из глубины дома. — Давай, Сережа, проходи.

Сергей действительно отяжелел. Монотонный хозяйкин голос убаюкивал. Заснул он, едва коснувшись подушки. Было тепло и необыкновенно уютно...

За стеной во сне вспоминал что-то дядя Вова, охал и непонятно разговаривал...

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда,
Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Промыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:

Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад.

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом.
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,

Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь.
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок.

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно..

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,

Александр Твардовский
Из поэмы «Василий Теркин»

Кто там парень расчудесный,
А, наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи,
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина,

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы.
Свое сказали
И уже навек правы.

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Чтобы осознать в полноте, какая земля нам досталась в наследство, «Наследник» начинает свое большое путешествие. Маршрут странствия окончательно не определен, поэтому ждем ваших предложений. Если вы хотите, чтобы о ваших краях узнали во всех уголках России, – зовите. По письмам читателей корреспонденты журнала готовы отправиться в командировки.

Мы, Бог даст, еще много где побываем, но начать решили с Востока. Причем с Дальнего. Потому как Дальним Востоком Россия не заканчивается, она с него начинается.

Фото Софии НИКИТИНОЙ, Анатолия ЗЫРЯНОВА

Кто здесь побывал хоть однажды, потом всю жизнь тоскует по этой земле. И многие, кто никогда не бывал, – почему-то тоже.

Это странное место – КАМЧАТКА

Анатолий и Наталья ЗЫРЯНОВЫ

Это так странно – стоять босиком на черном песке берега океана, трогать его ледяную воду и думать о том, что он – Тихий.

На посадку самолет заходил с моря. Земля все приближалась. И снежные шапки вулканов пронзительно белели под нами. Здравствуй, Камчатка! Кто здесь побывал хоть однажды, потом всю жизнь тоскует по этой земле. И многие, кто никогда не бывал, – почему-то тоже.

Теплый солнечный вечер разлит над взлетной полосой и аэропортом «Елизово». Если б мы знали! Назавтра лето внезапно кончилось. Всю следующую неделю мы изумленно поглядывали на календарь, где черным по белому красовался июль, в то время как на дворе

был неудачный октябрь – морось с холодным ветром и безнадежно туманными сумерками (тем, кто упорно хочет отменить северные льготы, настоятельно рекомендуем провести пару месяцев на Камчатке – это пройдет).

Пришлось покупать теплые вещи: прогнозы не утешали. И когда вдруг однажды во второй половине дня сквозь мокрую занавесь пробралось солнце, это вызвало такое ликование сердца, такую искреннюю благодарность Богу за неожиданный подарок, какую не наскребешь в душе за две недели отдыха на курорте. Мы воспользовались подарком и отправились на океан.

Спасибо нашему доброму провожатому – Петр Петрович все шесть километров от конечной автобуса до самого берега рассказывал: о заброшенном полигоне, о местных альпинистах, покоривших здешние вулканы, а потом поднявших на вершину Эвереста российский флаг и горсть земли из-под камчатского собора. От него же узнали о выброшенном на берег рыбацком судне, матросы которого, отметив удачный улов, проспали шторм. И о том, что лучшее средство для отпугивания медведя – женский визг. Ухо бедного животного не способно вынести таких ультразвуков (что ж, его можно понять!)

Океан... Что-то такое есть в этом слове – величественно-глубокое. Это так странно – стоять босиком на черном песке берега океана, трогать его ледяную воду и думать о том, что он – Тихий. Может быть, где-то и тихий, но здесь приходится перекрикивать шум волны, чтобы сообщить о найденном в песке панцире морского ежика.

Следующий день был наполнен не меньшей радостью. Солнце с утра заставляло жмуриться, над городом то и дело нарастал гул наконец оторвавшихся от земли застоявшихся вертолетов. Узнав в турагентстве, что в Налычевскую долину полетим в составе иностранной группы, мы вспомнили историю, которую только недавно нам рассказали. На рыбаков, пригревшихся у вечернего костерка, неожиданно вышел старый изможденный человек с рюкзаком и в туристических ботинках. Он был очень голоден, и сил на разговоры у него не было. Рыбаки накормили его и уложили спать. Проспав сутки и снова с аппетитом поужинав, человек рассказал, что он – немец, один путешествует по Камчатке и вот – заблудился. Лет с тридцати он мечтал побывать на этой земле. Неоднократно приезжая в СССР, он пытался сюда попасть, но тщетно – Камчатка была закрытой территорией. Он добрался даже до Брежнева, но и тот при личной встрече в просьбе ему отказал. И вот теперь, когда немцу уже за 80, он наконец здесь – исходил все, что было доступно, и совершенно счастлив.

Да, иностранцы сюда стремятся по-прежнему неудержимо. Интуристов здесь, пожалуй, больше, чем приезжих россиян. И немудрено. Одна вертолетная прогулка на подножье стоит от 12 до 16 тысяч с человека. А ведь до Камчатки надо еще и добраться. Для местных жителей вертолетные экскурсии – тоже роскошь. И когда мы говорили о том, что собираемся побывать в Долине гейзеров, почти всегда слышали в ответ: «Здорово! А мы там никогда не были». Впрочем, в знаменитой долине мы в этот раз так и не побывали. Но не очень расстроились. Налычевская тоже удивительно хороша.

Летим. Город остался позади. Видны краешек моря и волнистая зелень леса, на которой вращается тень от винтов вертолета. Оторвавшись от иллюминатора, спрашиваю девушку-экскурсовода: «Что это за огромные прямоугольники?» – «А, это распахали поля под картошку, думали сажать. Потом оказалось, что почва для этого не пригодна». Вот ведь всегда у нас так.

Через полчаса садимся в долине. Все располагает здесь к детской радости и благодушию. Погрузившись в целебную воду горячих естественных ванн, народ весело взирал друг на друга и восхищенно – на сверкающие снежные шапки вулканов, окруживших долину

со всех сторон. Вода в эти ванны сбегает по ручью (в нем она и зимой горячая, хорошо мыть посуду) из термального источника. Возле маленького бурлящего озерца стоит табличка: «Не подходить ближе, чем на 2 метра – t воды 72 градуса». Горячий ключ бьет почти из самого центра Земли – в этом месте неслыханный разлом, глубинная трещина в земной коре.

Конечно, о многих сложностях местной жизни мы не успели даже услышать, но почему-то верится, что все здесь переживется, может быть, потому, что главное богатство Камчатки – это ее люди.

Сколько раз здесь такое бывало: несколько часов как познакомились, а расстаешься уже с трудом. Встретятся взгляды, и – нельзя не обняться, прощаясь.

Жили мы у одноклассницы Тома. Она приехала сюда 15 лет назад с отцом-пограничником. Родители уже вернулись на «материк», а она здесь так и осталась. Вышла замуж, родилась дочка. Тома – военнослужащая, муж Володя – рыбак. Когда мы приехали, он был еще в море, и Тома рассказывала: «Я раньше, когда он уходил в море, представляла, как один пароходик, бедный, несчастный, качается на волнах... А потом вдруг узнала, что там целый город из этих кораблей. Их там тысячи!» Вернувшись, Володя на наши долгие уговоры так и не сдался: «Не люблю я про море. Можно разговаривать о рыбалке на речке, с другом... А в море – суровые будни, я и жене не рассказываю, чтоб зря не расстраивалась, не волновалась».

В людях здесь странным образом сочетаются сдержанность и открытость. Они не очень-то любят рассказывать о себе. Но скрытными их не назовешь. Это, скорее, такая внутренняя собранность, вызванная условиями жизни («Природа делает людей», – услышали мы здесь однажды). И рядом с ними – не холодно. Каждая встреча – подарок, открытие, полное сердце тепла. Сколько раз здесь такое бывало: несколько часов как познакомились, а расстаешься уже с трудом. Встретятся взгляды, и – нельзя не обняться, прощаясь. И мы почему-то знаем, что даже если мы через десять лет вернемся сюда, нас встретят родные люди.

Возвращаясь поздними вечерами, мы переглядывались: «Домой?» – «Конечно, домой!» – значит, к Томе. Две недели ее дом встречал нас уютом и радостью. А ведь не виделись 15 лет, а в одном классе только год вместе и проучились!

Уже провожая нас, Тома, смеясь, приговаривала: «Вы к нам приезжайте, мы вам так рады, так рады... как Робинзон Крузо Пятнице. Каждой Пятнице рады!»

Еще столетие назад русские здесь были гостями редкими. И населяли Камчатскую землю ительмены, эвены, коряки, алеуты, ламуты. Мы не много общались с коренным населением, но те, с кем удалось встретиться, нас поразили распахнутостью души. И если они приходят к Богу, то и верят по-детски искренне. Сильное впечатление производит пение евангельской главы под бубен на ительменском в исполнении Нели Суздаловой. Мы еще расскажем о ней.

Влад – эвен, вырос в национальном поселке Анавай, теперь живет в Петропавловске, режет по кости в мастерской «Пареньские ножи». За две минуты на наших глазах на кожаных ножнах из-под наконечника выжигательного аппарата появляется очень натуральный медведь. В ответ на наше удивление Влад пожимает плечами: «Да я с детства люблю рисовать, у меня мама – художница. Когда мне было лет 10–11, у меня тетрадка была специальная, я ее везде с собой носил и все зарисовывал. И вот как-то пошли мы с отцом в тайгу. Он впереди. Смотрю – встал. А там, оказывается, мамка с медвежатами. Он мне: «Влад! Где твоя тетрадка?!» А я ее в юрте забыл. Но уйти-то я не могу, я ж их зарисовать должен! Я тогда быстро землю перед собой расчистил и веточкой стал рисовать. Потом уже за тетрадкой сбегал, в нее перерисовал. Встаю и думаю: ох ты, а если они еще не ушли?!»

Камчатка – земля молодая. И пока ты живешь здесь, силы утраиваются, проходит привычно-дремотное со-

стояние, повышается жизненный тонус. Может, еще и потому, что на Камчатке много военных, жизнь здесь отличается определенной четкостью. Это же качество свойственно и работе Камчатской епархии (кстати, владыка Игнатий сказал, что лучшие священники получают из военных). Игорь Александрович, руководитель епархиальной пресс-службы, мгновенно решал

Когда стали поднимать купола, собрался весь город: все балконы были облеплены, машины остановились, люди высыпали на дорогу. За эти годы горожане – главные спонсоры строительства – прикипели душой к собору и теперь переживали: кто молился, кто плакал, кто тихо радовался...

едва озвученные нами вопросы. Благодаря ему мы побывали на военном корабле «Орел» (об этом подробно расскажем в одном из следующих номеров), прошли на пограничном катере по Авачинской бухте, в День ВМФ попали на закрытую базу подводных лодок в поселок Рыбачий, съездили на океан... И едва мы успели приехать, как (не без участия Игоря Александровича) три местных телеканала в подробностях рассказали о нашем журнале.

Главный собор Петропавловска высится на холме и виден со всех концов города. Это первое высотное здание в городе, исключительно сейсмостойкое, сделанное на века.

Деньги на его строительство почти не выделялись, и потому строится храм силами горожан уже семь лет. Сейчас на соборе сверкают золотом купола, а ведь стояли на земле целый год – некому было поднять их. Не было ни вертолетов, ни топлива. Узнав об этом, начальник управления авиацией ФСБ Николай Гаврилов (прежде служивший на Камчатке и лично знающий владыку Игнатия), специально прилетел из Москвы. В самолете привез вертолет. И когда стали поднимать купола, собрался весь город: все балконы были облеплены, машины остановились, люди высыпали на дорогу. За эти годы горожане – главные спонсоры строительства – прикипели душой к собору и теперь переживали: кто молился, кто плакал, кто тихо радовался...

Крест поставили на следующий день. И в этот момент серое ноябрьское небо раздвинуло тучи, пропустив поток света, в котором крест засверкал на весь город. И снова все затянuloсь.

За последние годы сюда с материка несколько раз приезжали миссионерские группы. И несмотря на решительный настрой и старания, их деятельность на Камчатке практически сводилась к нулю. Ведь миссионеры обычно ездят по поселкам, в которых священники либо вообще никогда не бывали и люди не крещены и не венчаны, либо бывают раз в несколько лет; на Камчатке же таких поселков просто нет. В каждом населенном пункте действует свой приход. Для

того чтобы основать приходы, священники во главе с владыкой совершили несколько больших многодневных экспедиций по полуострову. Останавливаясь в поселках, собирали сельский сход, беседовали с людьми, служили, молились, предлагали создать приход, разъясняли им церковные правила, оставляли соответствующую литературу и ехали дальше. Думали, что эта идея не увенчается успехом. Но все эти приходы до сих пор живут, пополняясь новыми прихожанами. Для них разработали специальные чины, которые люди совершают сами. А священник приезжает два-три раза в год.

Жизнь у батюшек на Камчатке несладкая. Очень многие приезжали сюда, хотели остаться, но не выдерживали. Монахов здесь мало, почти все священники – семейные люди. А большая часть приходов (всего их 43) не в состоянии прокормить священника. Поэтому живут и служат батюшки в крупных населенных пунктах. А на приходах, к которым приписаны, служат вахтовым методом, добираясь до них верто-

летом. Билеты-то дорогие – от поселка до поселка не дешевле, чем от Москвы до Камчатки, хорошо, что вырывают «Камчатские авиалинии» – батюшек доставляют бесплатно.

Общаясь с самыми разными людьми, мы заметили, что священников за глаза тут почти не называют по имени (не потому, что не знают). Чаше говорят просто – отец: «Пойду к отцу», «Отец помолился», «И тогда к нам пришел отец». И даже в этом проявляется непривычная для нас близость людей, живущих на краю света.

Да, действительно, все здесь заметно ближе друг другу. Ну скажите, где вы еще увидите немолодого владыку, прыгающего с парашютом со своей «молодежкой»? На наш вопрос, почему он благословил ребят на это, владыка ответил: «Я считаю, что каждый православный парень должен быть воином в самом хорошем смысле этого слова. А воин формируется не только благодаря чтению соответствующей литературы и молитве, но и вполне конкретными физическими действиями. В том числе и экстремальными. Не страшно заниматься экстремальными видами спорта, страшно, когда это занятие приводит к укреплению самости и гордыни. Но если человек правильно ориентирован, он из этого извлечет пользу. Если нет, получит вред от чего угодно».

Когда мы спросили владыку Игнатия, чем можно помочь Камчатской епархии, он ответил: «Людьми. Если есть желание сделать что-то полезное – приезжайте, будем рады, просто счастливы. Нужно только предварительно созвониться».

А ведь и правда – приезжайте! Вас окунут в горячие ванны Паратунки, дадут хорошенько выспаться, чтобы организм акклиматизировался. Но потом от души загрузят работой – здесь не привыкли долго раскачиваться!

Ну скажите, где вы еще увидите немолодого владыку, прыгающего с парашютом со своей «молодежкой»?!

А перед нами – снова взлетная полоса. Остается рассеянно обводить глазами вулканы и сопки, силась запомнить. И теревить в кармане упаковку таблеток от укачивания, у которых главный побочный эффект – тошнота.

Вылет 4 августа в 12.00. Прилет в Москву – 4 августа в 12.00. Девять часов летит самолет, покрывая девятичасовую разницу во времени. Это так странно – ты успеваешь поспать, почитать, пообедать, поужинать – а все еще летишь над Россией. Погода отличная. Видимость – тоже. Внизу на наших глазах разворачивается карта России. Смотри: кажется, поселок. Что ты! Это же Якутск. Да, похоже, – во все стороны разбегаются нитки дорог. Взгляд ищет привычного продолжения: сейчас они встретятся с другими, переплетутся... Но их словно неровно подрезали ножницами – дороги ведут в никуда. И долго потом – никаких городов и дорог. Только серыми лентами тянутся реки – Лена, Енисей, Обь... Урал мы проспали. Проснувшись, снова угадывали реки и города.

В Шереметьево самолет плюхнулся несколько неуклюже, его повело в сторону, но экипаж справился, и машина стремительно понеслась-таки в нужном направлении. Напряженная тишина в салоне взорвалась бурными аплодисментами... «Командир корабля и экипаж прощаются с вами».

СКВОРЦОВ Владислав Васильевич

Закончил Ленинградское высшее инженерно-морское училище и в 1988 году по распределению попал на Камчатку. В 2001–2004 годах был заместителем губернатора Камчатки. В декабре 2004 года избран главой городской администрации Петропавловска-Камчатского. Женат, отец двух сыновей.

Может, так только кажется, а может быть, действительно Петропавловск-Камчатский чаще других городов мелькает в новостях. Может, потому, что жизнь там особенно интересная – браконьеры, медведи на улицах города, гейзеры... Одна из последних новостей: в Петропавловске, дабы сбавить ажиотаж вокруг автомобильных номеров с тремя одинаковыми цифрами, которые везде покупаются за огромные деньги, решили их присваивать исключительно мусоровозам.

А может быть, потому, что, говоря о Камчатке, мы каждый раз понимаем, какая громадная у нас Родина.

ГОРОД НА ОКЕАНЕ – ВОРОТА В ЗАВТРА

Беседовала **Наталья ЗЫРЯНОВА**

— Владислав Васильевич, каково значение Камчатки для всей России?

— Все помнят, что Петр Первый прорубил окно в Европу. И мало кто вспоминает, что была прорублена еще и дверь в Азию, вернее на Дальний Восток, которая впоследствии была забита гвоздями и заделана кирпичом, а сегодня прорубается в очередной раз. Эта дверь распаивается в Тихий океан, в регион, где сегодня наиболее мощно развивается мировая цивилизация (это и Соединенные Штаты, и Япония, и Китай, и Юго-Восточная Азия). Европа – старый мир. А Камчатка – это, по большому счету, ворота в цивилизацию завтрашнего дня. И мир через эти ворота видит мощь государства Российского.

Кроме того, Камчатка – это база, где сосредоточены важнейшие силы, поддерживающие не только безопасность России, но и формирующие тот стратегический паритет, который позволяет сегодня говорить о сохранении мира вообще. И, безусловно, это историческая миссия Камчатки и людей, здесь живущих, поскольку даже при наличии крупнейших российских флотов – Черноморского, Северного – именно наш Тихоокеанский флот становится основной силой. Ведь Петропавловск-Камчатский – единственный город России на берегу океана.

Я не знаю, есть ли город с более длинным названием, наверное, и это тоже отличает Петропавловск, который на всех картах пишется в две строчки.

И еще: землю Камчатки омывают воды Охотского и Берингова морей, и это – сосредоточение основных рыбных ресурсов и морепродуктов, имеющее, опять же, мировое значение.

Камчатка – это еще и почти не тронутая земля на планете, где в силу удаленности и закрытости террито-

рии редко ступала нога человека. Но каждый живущий в России знает, где находится Камчатка, по крайней мере, по названию самой дальней парты в классе. И именно здесь, на Камчатке, начинается день не только в России, но и во всем мире. Именно сюда хотят по-

Здесь начинается день не только в России, но и во всем мире.

пасть очень многие, чтобы увидеть истинно девственную природу. И хочется показать им не только красоту природы, но и чистоту людей, населяющих эту землю. Ведь это земля романтиков, земля людей творческих, бескорыстных. Если современность этих людей не испортит, то вот эта чистота камчатских жителей, может быть, тоже – ресурс для цивилизации.

— Говорят, что если бы Камчатка могла распоряжаться своими ресурсами и не платить гигантские налоги в государственную казну, она вполне могла бы сама себя прокормить...

— На сегодняшний день Камчатка не сформировалась как регион, полностью «укомплектованный» всем тем, что могло бы обеспечить его бездотационность. Скажем, Исландия (которая близка нам по климатическим условиям) как государство обладает правами не только на то, что внутри страны, но и на все прилегающие моря. И если представить, что Камчатка как отдельная территория могла бы распоряжаться ресурсами внутреннего моря и экономической зоны,

то, безусловно, это был бы богатейший край, где бы пальмы, конечно, не росли, но живущие здесь люди точно бы не бедствовали.

Но поскольку мы рассматриваем территорию Камчатки как часть государства, то она является чрезвычайно дотационной – более, чем на 60 процентов). И это связано, с одной стороны, с тем, что часть прибыли, налоговые отчисления и таможенные пошлины действительно уходят в федеральный бюджет, а потом возвращаются в виде трансферта. С другой стороны, Камчатка стала бы бездотационной давно, если бы в советское время не формировалась как территория закрытая, с абсолютно направленной бюджетной зависимостью. Здесь не развита собственная структура производства, промышленности, потому что все было ориентировано на привозные ресурсы. В 80–90-е годы на Камчатку завозили даже сено. Хотя трава здесь растет неплохо.

Здесь можно было бы жить намного дешевле, если бы в советские времена считали деньги и не построили здесь теплоэлектростанции и котельные, работающие на мазуте (самом дорогом в мире топливно-энергетическом ресурсе), которые сегодня нас буквально съедают. Но выходы из этого тупика есть, и строительство газопровода и других энергетических мощностей позволит сократить затратность для, собственно, жизни и несколько вздохнуть экономике. Здесь, безусловно, есть необходимые ресурсы, в частности нефтяные – по некоторым сведениям, они даже больше сахалинских.

– Не будет ли их добыча губительной для рыбной промышленности?

– Я моряк и много где побывал, был в Норвегии, в Индонезии, в той же Исландии, в Северном море и видел много буровых установок. И знаю, что ресурсы нефтяные и газовые можно осваивать без ущерба для биоресурсов, если это делать с выполнением всех экологических требований. Найденные на Сахалине нарушения, которые негативно повлияли на рыбные ресурсы, – это просто безответственность бизнеса и слабость государства. На Камчатке мы не имеем права допустить каких бы то ни было нарушений, поскольку это была бы катастрофа общемирового масштаба, – ведь таких богатых запасами морей, как наше Охотское, нет нигде в мире.

– Раз уж мы вышли на рыбную тему, скажите: почему рыбакам более выгодно сдавать рыбу за границу, чем на родное побережье?

– Здесь много всевозможных объективных и субъективных факторов. Во-первых, эта выгода связана с рынками сбыта: массовые партии выгоднее сдавать туда, где объемы потребления больше. Во-вторых, это проблемы браконьерства. Сдать на российской территории незаконно выловленную рыбопродукцию намного сложнее, чем в странах Юго-Восточной Азии, где этому браконьерству даже потворствуют. В-третьих, это, безусловно, проблемы рынка труда: заработная плата рыбопереработчиков в Китае несопоставима с той, которую требуем мы на российской территории. И, в-четвертых, это просто-напросто предприимчивость. К сожалению, наш бизнес сегодня ориентирован на быстрое получение прибыли и, к сожалению, нам есть чему поучиться у наших соседей-китайцев, которые развивают промышленность на десятилетия и на столетия вперед.

– Нуждается ли Камчатка в притоке молодых специалистов из других регионов?

– Современное население Камчатки и Петропавловска сформировалось молодыми специалистами. В 1912 году на полуострове проживало около 8000 человек. В 1956 году, когда образовалась Камчатская область, – около 50 000 человек. А в 1989 году здесь проживало уже 260 000 человек. Но за последние 15 лет был такой массовый отток населения, что Камчатка потеряла пятую часть своих жителей. В 90-е годы произошел очень серьезный массовый отток населения из-за постоянной угрозы землетрясения. И были потеряны именно те человеческие ресурсы, которые сегодня так необходимы для очередного витка развития территории. Потому что и программа «Дальний Восток и Забайкалье», и возрождение флота, и развитие ресурсной базы требуют очень много специалистов, но сейчас уже тех предпочтений, что были в Советском Союзе, к сожалению, нет, и нам приходится опираться на свои кадры.

профили вузовского образования. Сейчас, например, у нас появился новый факультет – горный, думаем над открытием факультетов строительных профессий.

Но многих выпускников школ мы ежегодно теряем, отправляя на материк, – потом редко кто-то из них возвращается на Камчатку. Самые талантливые, самые серьезные ребята Камчатки ежегодно становятся студентами лучших вузов России, и этой молодежи нам здесь очень недостает.

Вместе с тем, наверное, просыпаются в том числе и какие-то романтические настроения: появляются первые ласточки – новые специалисты горнорудного дела, приехавшие с материка, дорожники и строители. Сегодня здесь есть все возможности для технических специалистов. К сожалению, большой переизбыток юристов, экономистов, но это везде, это порождение времени, когда казалось, что это самое выгодное и интересное. Сейчас это проходит.

дом: уже пять выпускников этого года вошли в состав городской администрации. Это не просто формирование идей в молодежной среде. Посыл такой: если уж ты идею сформировал, то ты ее, пожалуйста, реализуй.

– А какие идеи уже были реализованы?

– Например, идея по созданию сноуборд-парка. Молодежь что-то сделала своими силами, а в чем-то заставила и бизнес подключиться. Еще дело рук молодежи – организация и проведение работ по благоустройству города. Есть, возможно, и бизнес-идеи ин-

Самые талантливые, самые серьезные ребята Камчатки ежегодно становятся студентами лучших вузов России. И этой молодежи нам здесь очень недостает.

Впрочем, у нас очень хорошая система среднего образования и достойная система высшего образования – это, в первую очередь, Камчатский государственный университет имени Беринга и технический университет. Безусловно, сегодня для нас становится серьезной задачей закрепить на Камчатке выпускников школ, расширив

– Какие еще здесь перспективы для молодежи?

– В принципе, мы настраиваем молодежь на то, что старость не за горами, а молодость – это болезнь, которая очень быстро проходит. Поэтому мы очень серьезно смотрим на привлечение молодежи к управлению горо-

тересные, но выпускник со школьной скамьи вряд ли изобретет сегодня нечто гениальное. Правда, по идее, родившейся в молодежной среде, недавно выпустил первую продукцию Петропавловский комбинат по производству тротуарной плитки без добавок цемента. Производство построено исключительно на песке. Это, действительно, такая молодая новация, достаточно эффективная, которая при поддержке серьезных ученых станет ноу-хау.

А наша работа по патриотическому воспитанию и повышению уровня нравственности молодежи во взаимодействии с епархией, с управлением пограничной службы, может быть, даже не имеет аналогов в других регионах.

– А в чем заключается сотрудничество с епархией, и почему это важно для Вас?

– Камчатка в свое время славилась тем, что первой в Советском Союзе заявила о полном безбожии. Здесь был, может быть, даже единственный в стране колхоз «Безбожник». И если в других регионах еще теплилось Православие, то здесь оно было уничтожено на корню. И закрытая военизированная камчатская территория не пускала ничего святого. И нужно отдать должное отцу Ярославу Левко, который эти стены прорубил и пришел сюда. То, что есть сейчас на Камчатке, безусловно, во многом не отличается от других регионов, здесь представлены многие религии, и это, наверное, правильно: Камчатка многоязычна. Но есть, к сожалению, и секты. Это тоже издержки цивилизации, которые победить непросто. Но единственная сила России, которая может позволить возродиться нравственности и самосознанию, – наша православная религия, ведь это не только духовная ценность, но еще и историческая. Петропавловск – портовый город, в котором человеку порой очень сложно ощущать себя имеющим Родину, корни, святыни. Иногда народ чувствует себя забытым и брошенным. Еще недавно здесь жгли костры на улицах, чтобы приготовить кашу. И именно Православие позволило очень многим сохранить понимание того, что эти беды – преходящее явление и настанут лучшие времена. И делаем эти лучшие времена мы сами. ■

Архиепископ
Петропавловский
и Камчатский
Игнатий

ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ – ЕПИСКОП

Идти туда, куда зовут

Вся моя церковная жизнь прошла в монастыре Святого Духа в Вильнюсе. А в 1998 году Святейший Патриарх благословил меня возглавить Камчатскую епархию (за три года до этого отец Николай Гурьянов предсказал: «Будешь архиереем»). А перед самым вылетом на Камчатку один из епископов (теперь уже архиепископ), Алексей Орехово-Зуевский, сказал такие слова: «Нужно идти туда, куда зовут. Кто бы ни обратился, куда бы

ни пригласили, нужно идти». Так и делал. Первыми, кто меня принял, были военные. А одной из первых стала поездка в поселок Рыбачий (где находится база подводных лодок).

После первых моих фраз о вере, патриотизме, Родине моряки сказали: «Владыка, вот вы хорошие, правильные слова говорите, а сами-то не хотели бы вместе с нами на подводной лодке пройти?» Я и представить не мог, что это вполне серьезное предложение. И согласился.

У берегов Норвегии, на базе Северного подводного флота прошел ходовые испытания корабль «Томск», и его собирались перегнать на Камчатку, на место постоянного базирования. На нем и предстояло идти.

Они – офицеры. И потому остались

Атомный подводный флот – верный наш щит на Дальнем Востоке – находился тогда в запустении. Почти все лодки были в аварийном состоянии. Моряки говорили: «Мы уходим в автономное плавание и не знаем, вернемся ли». Офицерам не платили зарплаты по году. Не платили – и все. Жены офицеров пекли пирожки и торговали на рынке, чтобы заплатить за квартиру. Специалисты высочайшего класса (надо сказать, еще и люди замечательные) вынуждены были терпеть невероятные унижения. Капитан первого ранга, командир корабля, вынужден был специально приходить на корабль, чтобы питаться с матросами и то, что остается, нести домой, чтобы накормить семью. Но они служили. Потому что офицеры. А в газетах, по телевидению шла постоянная травля и армии, и флота.

Специально по случаю предстоявшего перехода была составлена программа теоретической и практической подготовки. Ежедневно мне доводилось бывать на базе, где квалифицированнейшие специалисты давали знания об устройстве корабля, ядерного реактора, о системах жизнеобеспечения и многом другом. Кроме того, в программу входило выполнение восьми задач так называемой легководолазной подготовки. Это практические задания, которые связаны с различными действиями, выполняемыми в специальном скафандре под водой. Месячный курс закончился успешно: положительные оценки в аттестате, а в графе «воинское звание» поставили: «епископ».

Первые мосты

25 августа 1998 года мы должны были начать переход. Числа 10-го я прибыл в Москву, встретился с Его Святейшеством и рассказал о том, что предстоит. Он дал мне массу полезнейших советов, подробно объяснив, как можно в этих условиях служить Божественную литургию. И передал в дар подводникам икону Николая Чудотворца. Получив благословение Святейшего Патриарха, я отправился к северо-западной границе России.

Из Москвы летел на маленьком самолетике главкома ВМФ. В самолете он подошел ко мне, сел рядом и сказал: «Я бы хотел, чтобы дверь вашей каюты была постоянно открыта. Чтоб каждый мой сын (он так и сказал) имел возможность прийти к вам и открыть свою душу».

В Западной Лице, а именно оттуда брал свое начало поход, меня посетили два человека – старший переход контр-адмирал Илья Николаевич Козлов, очень интересный человек, и командир корабля, капитан первого ранга Яркин Сергей Васильевич. Большого энтузиазма они не испытывали, потому что не знали, что со мной делать и зачем я здесь. Откровенно говоря, я тоже не знал. Но их доброе отношение очень помогло.

Началось с представления экипажу. Старший переход отчетливо вымолвил: «Перед вами старший лейтенант, прослуживший два года в рядах Советской Армии...» Думаю: зачем он все это говорит? Потом только понял, что таким образом были наведены первые мосты между мною и экипажем (ведь если ты служил, ту же самую кашу ел, в тех же самых сапогах ходил, – это уже сближает).

Меня поселили в маленькой, как келья, отдельной каюте помощника командира. Расположился, освоился. Расставил образа, а на главном месте (временном) – икона святителя Николая от Его Святейшества для подводников. Прозвучал первый сигнал учебной тревоги, по которой каждый должен был занимать закрепленное за ним место. Мое было на главном командном пункте (ГКП), куда я и направился по тревоге.

Изменение в уставе

Вышли в море, погрузились под воду, и в этот же день состоялось мое посвящение в подводники. Вы знаете, что это такое? Это торжественный ритуал, которым начинается служение моряка. Он запоминается на всю жизнь. И только после этого тебя принимают в члены экипажа. Что этот ритуал из себя представляет? Со стороны все выглядит так: к потолку подвешивают кувалду, смазанную солидолом, ее раскачивают, а затем предлагается эту кувалду поцеловать прямо в движении и тут же выпить плафон забортной воды – ледяной, соленой. Только после этого вручается удостоверение.

По всему кораблю объявили: епископ Петропавловский и Камчатский посвящается в подводники флота Российского. Такое на флоте происходило впервые.

Корабль затих. Меня вызвали на ГКП, произнесли напутственные слова и подали плафон. Взял его... а там воды – на самом доннышке. Пожалели. Сразу, как выпил, дают яблоко, спрашивают: «Горько, наверное?» – «Хо-

рошо». Оглядываюсь: а кувалды нет. Не стали они меня испытывать. Тут же зачитали указ: «На глубине 100 метров посвящен в подводники флота Российского». И потом – тарелку жареной картошки: это традиция.

Три недели подо льдом

Вместо часа политической подготовки контр-адмирал Козлов предложил проводить час духовного просвещения. Собирались в кают-компанию. Я ходил, как и все, в РБ – в спецодежде. В таком виде отправился и на первое занятие. И вот вхожу в кают-компанию и вижу: комната переполнена, и все моряки в форме. Таким образом ребята высказали свое благоговейное отношение к тому, что должно было совершиться. Я вернулся в каюту, надел рясу поверх РБ. И все наши встречи отныне стали проводиться таким же образом.

Нам предстояло идти подо льдом около трех недель, а подледный участок – самый опасный. Ведь когда на лодке что-либо происходит, она в первую очередь стремится всплыть, а из-под льда всплыть практически

можете прочитать?» – «Можно». И принес мне первое стихотворение, которое начиналось такими словами: «Атомоход натруженно идет под льдами Арктики вперед...», и заканчивалось: «И мы пройдем, не может быть и речи, и будут гореть пасхальные свечи».

Поскольку самое главное для подводника – это устав и так называемое РБЖ (Руководство по борьбе за живучесть), приходилось его учить почти наизусть. А Илья Николаевич увлекся Библией – за время перехода трижды ее прочитал. Старпом рассказывал экипажу: «Захожу на ГКП и глазам своим не верю: старший Библию штудирует, а епископ – РБЖ!»

Крещение

Святое крещение назначили на 19 сентября. В зоне отдыха корабля есть бассейн. Его наполнили забортовой морской водой (Тюрбеев клятвенно заверил, что она будет подогрета: ее естественная температура + 4 градуса). Момент был более чем торжественный: позади сотни километров Северного Ледовитого океана, десятки встреч, бесед, сотни вопросов и наставлений; впереди – рождение в жизнь вечную. Весь корабль понимал значимость происходящего. Кто не был задействован на вахте, пришел поддержать и порадоваться за своих друзей.

Я освятил воду, и первый из ребят пошел креститься. Спустился на одну ступеньку, другую, а далее – какое-

По всему кораблю объявили: епископ Петропавловский и Камчатский посвящается в подводники флота Российского. Такое на флоте происходило впервые.

ки невозможно. Кроме того, при первой же опасности все переборки между отсеками мгновенно закрываются (так обеспечивается безопасность остальных отсеков). И именно поэтому мы не могли продолжать наши занятия, собираясь в таком количестве. Вместо этого я сам посещал все боевые посты и там проводил духовные беседы. Моряки интересовались буквально всем: историей Церкви, церковными Таинствами, положением в стране, мнением Церкви о нашем будущем...

На первый взгляд может показаться странным, но самым горячим и надежным помощником мне был в этом ЗКВР (заместитель командира по воспитательной работе) Анатолий Борисович Тюрбеев. Сам он калмык, этнический буддист. Но нужно было видеть, как он агитировал членов экипажа креститься! При первой же экскурсии по кораблю часто возникал такой диалог:

А. Б.: Ты крещен?

– Нет.

А. Б.: Безбожник! Тебе надо креститься!

Так набралось восемь желающих. Все время подледного перехода мы использовали для оглашения. Совсем как в Древней Церкви. А крещение договорились совершить в первый же день всплытия, в Чукотском море.

Старший перехода Библию читает, а епископ – РБЖ

В мою «келью» с первого же дня начал приходить старший перехода контр-адмирал Илья Николаевич Козлов. Задавал вопросы, рассказывал о себе, а потом говорит: «Владыка, вы знаете, я стихи пишу, божественные». – «А

то замешательство, вроде и желание пропало. Я кладу руку на его голову: «Давай! Во имя Отца...» – рука погружается, а вода холодная, обжигающая! Забыли нагреть. Трижды – «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Когда он выбрался, от холода даже ориентацию потерял. Но никому не сказал, что вода холодная; видимо, от переполнявшей радости. Таким же образом крестились все остальные. Никто никому ничего не говорил. Ну, и я не стал. Вот в этой забортовой холодной, соленой воде они и приняли святое крещение.

На первой в мире литургии под водой пономарил мичман, начхим читал по-церковнославянски. Кок испек прекрасные просфоры.

Литургия под водой

По кораблю объявили, что 21 сентября, в день Рождества Богородицы, будет совершена первая в истории человечества Божественная литургия под водой.

А накануне была исповедь. В восемь утра я вывесил что-то вроде расписания, которое ребята сами должны были заполнить: вписать время и фамилию. Через час-два выхожу, смотрю: все заполнено, более того, последняя исповедь была назначена на полпервого, так они еще дописывали внизу – до трех часов ночи. Для меня, наверное, это был самый трудный, но и самый счастливый день за время всего перехода.

Моряки спрашивали: «Как нужно готовиться к причастию?» – «Нужно поститься неделю, минимум – три дня». А к этому времени все постные продукты закончились – уже месяц под водой, одни мясные и молочные консервы остались, даже хлеба практически не было. Так вот те, кто готовился к причастию (а таких много было), вообще ничего не ели. Три дня. Даже в кают-компанию не ходили, дабы в соблазн не впасть. Закрывались у себя в каютах, там и находились.

Литургия, которую мы совершали в зоне отдыха, стала воистину святым днем для всего экипажа. Собрались все свободные от вахты. Все в парадной форме. Пономарил мичман, начхим читал по-церковнославянски часы, антифоны и Апостол. Кок накануне испек прекрасные просфоры. Всю ночь старался; принес еще горячими.

«Святой Георгий Победоносец» – это стратегический атомный подводный ракетный крейсер, который может решить военный конфликт с любой страной мира.

И вот совершается величайшее Таинство: я стою перед столом – импровизированным престолом. Моторы остановлены. Ядерный реактор заглушен. На корабле тишина. Звучат молитвы великого Златоуста. Сзади – экипаж. О чем молятся, с чем обращаются к Богу – не знаю, но такой глубокой искренней молитвы, ощущаемой почти физически, мне не доводилось переживать никогда. Почти для всех это было первым причастием.

Когда Божественная литургия завершилась, от сердца поздравил моряков с величайшим событием в их жизни, сказал самые добрые слова, которые Господь положил на сердце. А они преподнесли мне майку из спецодежды, а на ней с одной стороны надпись «Томск» – название подводного корабля, а с другой – его эмблема и карта Северного полушария с нашим маршрутом. Точно до миллиметра, можно по карте проверять. Рисовали сами.

Георгий Победоносец

Так начались наши настоящие дружеские отношения. И до сих пор продолжают. Моряки крестят своих

детей, венчаются, часто приезжают ко мне, и я часто к ним езжу.

В 2002 году моряки снова предложили принять участие в переходе, и Господь благословил мой второй переход. Корабль назывался «Святой Георгий Победоносец». Это стратегический атомный подводный ракетный крейсер, для которого, собственно, все воинские части, дислоцированные на Камчатке, и существуют. Потому что эта атомная лодка может решить военный конфликт с любой страной мира.

Американцы, конечно, прекрасно об этом знают и активно пытаются утилизировать наши подводные лодки, в частности на Дальнем Востоке. Уже к тому времени был заключен ряд договоров, в результате которых наши «друзья» получили огромные преимущества. Спускаемая на воду ежегодно по несколько подводных кораблей, они добились того, чтобы мы при этом уничтожали свои.

И то, что произошло со «Святым Георгием Победоносцем», иначе как чудом назвать нельзя. Он находился в ремонте, но у них был под прицелом номер один, поскольку подлежал восстановлению с наименьшими затратами. О его утилизации договоры заключались неоднократно, деньги на это выделялись без числа, но каждый раз в последний момент – нет и нет, нет и нет. Не выделяли средств на ремонт, но и не уничтожали.

К 2002 году корабль уже девять лет находился в таком состоянии. Все, что можно было вынести из него, выломали и вынесли. Осталось два корпуса – легкий и прочный (корабль в корабле). Ядерный реактор еще остался – просто никому не понадобился. И так медленно он бы, наверное, и прекратил свое существование, если бы не чудо.

Заместитель по воспитательной работе командующего эскадрой, капитан 1-го ранга Перегудов Валерий Владимирович обратился к Святейшему Патриарху с просьбой назвать корабль именем святого Георгия Победоносца. И с этого момента началось его возрождение. Однажды и я в беседе с Его Святейшеством попросил довести до Президента информацию о состоянии корабля. Это ли возымело действие или что-то еще, но корабль стал понемногу восстанавливаться. Скорее всего, просто святой Георгий взял его под свое небесное покровительство.

Но тут возникли силы противодействия. Что такое восстановление корабля? Это финансирование. Что такое финансирование для завода, который стоит, не работая? Зарплата. Если завод выпускает корабль, зарплата прекращается. И вот, с одной стороны, корабль ремонтируется, а с другой стороны: раз – сверлышко не туда, и ремонтируем снова. И тогда командующий эскадрой собрал экипаж и отправил на лодку. И они за три месяца вместе с рабочими восставили его из мертвых. Какой кровью, трудами и молитвой им это далось, знает только Господь и они сами.

Как они ликовали!

Я опять прошел легководолазную подготовку, вновь сдал экзамены и отправился во Владивосток, в Большой Камень. К этому времени уже закончились ходовые испытания, надо сказать, великолепно. Экипаж совершил под перископом 40 галсов – это очень сложная подводная траектория: такая огромная машина, высотой с девятиэтажный дом и длиной 150 метров, дважды должна пройти узенькие – 80 метров – ворота. Все прошло без единой ошибочки.

Когда я прибыл в Большой Камень, был просто поражен. Красавцы атомоходы – наша защита, наша гордость! – распиливались прямо на глазах у тех же людей, которые их создавали и ремонтировали. За это платились огромные деньги. И платятся, наверное, по сию пору. Стоят на стапелях эти корабли – разрезанные, искуроченные. А это ведь чудо техники, чудо инженерной мысли, созданное гением нашего народа!

Провожал нас командующий Тихоокеанским флотом, прибывший специально для этого. На пирсе собрались все сотрудники завода, и нужно было видеть, как они ликовали! Как они радовались, что после стольких лет их руками один корабль все-таки восстановлен. Да, он уходил, да, они теряли зарплату, но они все равно радовались.

Не забывайте

В марте 2006 года мы отмечали 100-летие Подводного флота. Представляете, какая дата? И почему бы моряков, которые несут на своих плечах всю тяжесть

Красавцы атомоходы – наша защита, наша гордость! – распиливались прямо на глазах у тех же людей, что их создавали и ремонтировали.

службы и которым до сих пор не оказывается должного внимания, хотя бы в этот день не почтить особо? Ничего подобного не произошло. Не было ни главнома, ни министра обороны, кажется, даже телеграмму поздравительную не прислали.

А Русская Православная Церковь, как и всегда на протяжении всей нашей истории, была и остается с нашими воинами. Фонд святителя Николая Чудотворца, который возглавляет Андрей Юрьевич Быков, взял на себя расходы, связанные с праздником. Они пригласили на торжественный концерт певцов Большого театра и хор города Иваново – огромный хор мальчиков. Организовали замечательный праздник, специально для экипажа «Святого Георгия Победоносца» заказали летнюю и зимнюю форму, купили спецкостюмы. Попечительством фонда были изготовлены прекрасные знаки и отлит памятник основателю подводного флота России – императору Николаю II с царевичем Алексеем (с подводной лодкой, которую он держит в руках).

На торжественном вечере мне предоставили слово. Все эти годы я обычно говорил, стараясь поддержать моряков, а в этот раз сказал так: «Друзья мои, надолго или нет, я не знаю, но миновали трудные времена. Сейчас вы живете более или менее сносно. И есть такая опасность, такой соблазн – забыть тех, кто был рядом, когда вам было трудно. Не забывайте. Помните, как вас травил пресса в перестроечные времена, помните, как к вам относилось государство, и помните, кто был рядом с вами в эти годы. Только Русское Православие». Думал, что будет гробовое молчание, – нет, заплодировали. ■

Артём ЕРМАКОВ

КОМУ БЕССЛАВЬЕ,

ФОТО ВЛАДИМИРА ЛАМЗИНА

Весной 1829 года корабли русского Черноморского флота фрегаты «Штандарт» и «Рафаил» и брига «Орфей» и «Меркурий» крейсировали у входа в пролив Босфор. Очередная русско-турецкая война шла уже второй год. Кстати, одним из поводов к войне послужило Наваринское морское сражение, в котором соединенные русско-англо-французские силы разгромили турецкий флот в Средиземном море у берегов Греции. Задачей черноморской эскадры было не выпустить остатки этого флота в Черное море. Турки же, наоборот, очень

стремились выйти из Босфора на оперативный простор, чтобы высаживать десанты в тылу русских войск на побережье Кавказа и Болгарии.

Капитаны турецких судов были предусмотрительны. Опасаясь вступить в бой сразу со всеми русскими кораблями, они приняли решение: выследить и топить их поодиночке. 12 мая 1829 года, пользуясь туманом и темнотой, 15 турецких кораблей окружили русский фрегат «Рафаил». 44 пушки против целой эскадры? Стихийный ветер не позволял фрегату свободно маневрировать. Но ведь можно сцепиться с одним из кораблей противника, а потом поджечь оба судна, такое уже бывало в русской морской истории. Капитан Семен Стройников созвал военный совет. На совете офицеры решили «драться до последней капли крови», но среди матросов поднялся ропот. Возможно, причиной тому была сравнительная «молодость» фрегата, спущенного на воду в Севастополе всего год назад. Набранная тогда же команда еще не успела как следует «срастись» с кораблем и, может быть, не вполне доверяла своему капитану, назначенному на фрегат лишь четыре месяца назад.

Капитан 2-го ранга Стройников заколебался. Его нельзя было назвать необстрелянным новичком. Ветеран Черноморского флота, кавалер многих боевых орденов, в том числе Святого Георгия 4-го класса, он уже в юности отличился при взятии турецкой крепости Тенедос. Всего год назад, командуя бригам «Меркурий», Стройников захватил в плен турецкое десантное судно, готовившее высадку 300 человек у Геленджика. Тогда никто бы не посмел назвать его трусом. Но «Меркурием» он перед этим командовал почти два года. А тут новое судно, недружная команда, бесспорный численный перевес противника...

Девяностый параграф Морского устава, написанный еще Петром I, прямо требовал от каждого капитана русского флота: «В случае боя должен капитан или командующий кораблем не только сам мужественно против неприятеля биться, но и людей к тому словами, а паче дая образ собою, побуждать, дабы мужественно бились до последней возможности, и не должен корабля неприятелю отдать, ни в каком случае, под потерением живота и чести». Стройников не был уверен в команде. Да и офицеры, посмевшие передать ему сомнения нижних чинов, надежны ли они?.. Ветра по-прежнему нет. Значит, даже подойти к туркам, чтобы взять их на аборт, может не получиться. Сделав хотя бы выстрел, «Рафаил» станет беззащитной мишенью для целой эскадры и будет сожжен, как на учениях. Выйдет не подвиг, а фарс. Может быть, сжечь корабль самим? Или

Россия воевала с Османской империей несколько столетий. Иван III еще только возводил соборы и башни Московского Кремля, когда на южных границах России появились солдаты молодой и агрессивной исламской империи, уничтожившей Византию и надолго поработившей почти все православные народы Европы. С тех пор и до самого 1919 года, знаменовавшего окончательный распад Османского государства, русские сражались с турками столько раз, что сами начали сбиваться со счета. Из людской памяти, а потом из школьных учебников исчезли целые военные кампании с тысячами людей, положивших жизнь за освобождение своих православных братьев, за выход России к Черному морю, за славу русского оружия. Что ж, возможно, некоторые эпизоды этих войн, действительно, стоило бы забыть... Но не все.

А КОМУ БЕССМЕРТИЕ!

История сдачи фрегата «Рафаил», возможно, не была бы так поучительна для современников и потомков, если бы буквально в те же самые дни, в том же самом районе Черного моря турецкий флот не попытался захватить еще одно русское судно – бриг «Меркурий». Весной 1829 года он тоже крейсировал у Босфора и на рассвете 14 мая первым обнаружил турецкую эскадру, состоявшую

из 14 кораблей. Старший отряда русских кораблей капитан-лейтенант Сахновский приказал уходить в русские воды. Но два новейших турецких линкора настигли маленький, менее быстроходный «Меркурий» и отрезали ему путь к своим...

В истории судов с самого начала было много общего. «Меркурий» был построен на той же севастопольской верфи, что и «Рафаил», по чертежам того же само-

Айвазовский И. К. Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями. 1892

→ затопить его, не дожидаясь турок? Но куда тогда деть команду? Гибнуть она не желает, а спущенные шлюпки наверняка уж будут расстреляны обозленными турками. Попробовать все-таки принудить матросов драться? Но какой в этом смысл – заставлять сражаться человека, который хочет сохранить свою жизнь?.. «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем спускать флаги, вымпелы и марсели, под штрафом лишения живота», – писал Петр. Но ведь это было сто лет назад, когда даже шведы обычно топили взятых в плен русских матросов. Теперь война ведется по цивилизованным правилам. Турки обязаны будут пощадить матросов, сохранят оружие офицерам. Фрегат уже все равно не спасти, а вот за людей можно еще побороться... Да и наши адмиралы тоже хороши, давно бы уже могли озаботиться поиском и спасением «Рафаила», если он для них важен. Но, похоже, нас просто бросили на произвол судьбы... Глупейшее положение. За что мы должны здесь гибнуть?! За устав? За флаг?..

плена рапорт, в котором изложил причины своего решения.

«Вы увидите из сей бумаги, какими обстоятельствами офицер этот оправдывает позорное пленение судна, ему вверенного; выставя экипаж одного воспротивившимся всякой обороне, он считает это достаточным для прикрытия собственного малодушия, коим обесславлен в сем случае флаг Российский, – писал в указе от 4 июня 1829 года император Николай I. – Уповаю на помощь Всевышнего, пребываю в надежде, что неустрашимый флот Черноморский, горя желанием смыть бесславие фрегата «Рафаил», не оставит его в руках неприятеля. Но когда он будет возвращен в власть нашу, то, почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг русский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю вам предать оный огню».

Война вскоре закончилась выгодным для России Адрианопольским миром, и команда фрегата верну-

Айвазовский И. К. Смотр Черноморского флота в 1849 году. 1886

После нескольких часов размышления Стройников решил сдать фрегат врагу.

Измученные ожиданием офицеры и матросы «Рафаила» не стали ему возражать. Турки пересадили их на флагманский линкор «Реал-бей», а над неповрежденным русским кораблем впервые взвился алый османский флаг со звездой и полумесяцем. Вскоре корабль получил новое имя – «Фазли-Аллах».

В Севастополе поначалу не хотели верить известиям о сдаче «Рафаила». Считали, что турки распускают хвастливые слухи, а на самом деле Стройникова и его команды давно нет в живых. Но прибывшие из Константинополя суда нейтральных стран привезли свидетелей, видевших русский фрегат под турецким флагом, а вскоре Стройников сумел передать из

лаз из плена домой. В России ее ожидали всеобщее презрение и суд. Дело «Рафаила» стало одним из многих вопросов, по которому император Николай I и недавно сосланные им в Сибирь декабристы оказались единодушны. Весь экипаж корабля, включая капитана Стройникова, был приговорен к смертной казни.

Император смягчил приговор для нижних чинов, повелел разжаловать офицеров в матросы с правом выслуги. Стройников тоже был лишен чинов, орденов и дворянства. На его деле Николай Павлович написал особую резолюцию: «Разжаловать! В рядовые! Без срока службы! Без права жениться! Дабы не плодить в русском флоте трусов!»

Император тогда не знал, что у Стройникова уже были дети. Не знал он и о том, как нелегко будет выполнить

Айвазовский И. К. Бриг «Меркурий» после победы над двумя турецкими судами встречается с русской эскадрой. 1848

→ го мастера подполковника Ивана Осминина, только на восемь лет раньше. И пушек у него было не 44, а всего 18. Командир брига капитан-лейтенант Александр Казарский был лет на 10 моложе капитана 2-го ранга Семена Стройникова, но ведь и судно ему досталось поменьше. Назначены они были на свои суда почти в один день. Причем Стройников ушел на «Рафаил» с

повышением именно с «Меркурия», на котором перед этим проплавал два с половиной года.

Стройников, судя по его послужному списку, родился дворянином. Казарский был сыном бедного белорусского чиновника. Его отец Иван Кузьмич, в 1808 году отправляя сына в штурманское училище, сказал ему: «Честное имя, Саша, — это единственное, что оставляю тебе в наследство». Александр Иванович больше никогда не увидел ни отца, ни дома. Французское нашествие 1812 года сгубило все.

В 1828 году Казарский на легком бригае «Соперник» отличился при бомбардировке крепостей Анапа (на Кавказе) и Варна (в Болгарии). Его

Капитан-лейтенант Александр Казарский

наградили золотой саблей, повесили в чине и послали командовать на тот самый «Меркурий», где он когда-то служил младшим офицером. Прошло всего четыре ме-

сяца... И вот лучшие турецкие ходоки – 110-пушечный «Селимие» под флагом командующего турецкой эскадрой капудан-паши и 74-пушечный младший флагман «Реал-бей» уже настигают маленький русский бриг. 184 пушки большого калибра против 18 легких карронад «Меркурия». Остальные корабли турецкой эскадры легли в дрейф в ожидании забавного зрелища: либо пленения, либо гибели «неверных». Кроме того, их подогревало тщеславие, ведь два дня назад они впервые захватили в плен русский фрегат, командиры и пленные офицеры которого находились здесь же!

Не имея возможности избежать неравного боя, капитан-лейтенант Казарский собрал военный совет. При подаче мнений в порядке старшинства младший в чине поручик корпуса флотских штурманов Иван Прокофьев первым высказался за решительный бой с тем, чтобы в случае угрозы захвата корабля противником взорвать его: «Будем драться. Русский бриг не должен достаться врагу». Это мнение было единогласно поддержано остальными офицерами и сообщено команде, которая встретила это решение с полным одобрением. Когда до турецких кораблей докатилось громогласное «Ура», стоявший на палубе «Реал-бея» капитан Стройников предупредил турок, что в плен «Меркурий» они, пожалуй, не возьмут.

Произнеся короткую воодушевляющую речь, Казарский приказал готовиться к бою. Согласно морскому обычаю, матросы надели чистые рубахи, а офицеры – парадные мундиры, ибо пред Создателем положено предстать в чистом. На корабле, вследствие его малости, не было священника, поэтому каждый молился сам. Завершив молитвы словами: «Господи, благослови!» моряки разошлись по местам, к которым они приписаны во время боя. На шпиль перед входом в кройт-камеру был положен заряженный пистолет, чтобы в критический для корабля момент последний из оставшихся в живых

Боголюбов А. П. Синопский бой 18 ноября 1853 года

➔ вторую часть его приказа. Еще до окончания войны турки, зная, как русские охотятся за фрегатом, перевели его в Средиземное море. 24 года бывший русский корабль состоял в рядах турецких военно-морских сил. Его берегли и особенно охотно показывали иностранцам. Этот позор прекратился лишь 18 ноября 1853 года, когда русская черноморская эскадра уничтожила в Синопском сражении весь турецкий флот.

«Воля Вашего Императорского Величества исполнена – фрегат «Рафаил» не существует», – с этих слов адмирал Нахимов начинал свой рапорт о сражении,

особо оговаривая, что ключевую роль в сожжении фрегата сыграли флагманский линкор «Императрица Мария» и линкор «Париж».

Мало кто знает, что среди офицеров «Парижа» в тот день был младший сын бывшего капитана Стройникова Александр, родившийся в 1824 году. Позднее он и его старший брат Николай участвовали в славной обороне Севастополя, получили боевые ордена и оба умерли контр-адмиралами русского флота. Хотя тень фрегата «Рафаил» и легла на их судьбы, они сполна заплатили туркам за позор и бесчестье своего отца. ■

Из рассказа матроса Антона Майстренко с корабля «Ростислав»

...А то, я вам скажу, пришлось нам сражаться с нашим-таки фрегатом «Арфаилом». Может, изволили слышать, что был у нас такой бриг – прозывался «Меркурий», а фрегат так «Арфаил»? Это еще не за мою память было. Говорили так, какие старые есть матросы, что этот, значить, бриг и фрегат ходили в море. Ну, и повстречали они весь турецкий флот. «Арфаил» – командир у него был Стройников – сдался, а бриг так отбил-ся от шести ихних кораблей. Тут, значит, начали палить, а Козырский приказал, чтобы орудия зарядить, и опросил команду: неприятеля нам, говорит, не бегать, что Бог даст, говорит, ребята! – и ундер-офицера поставил с фитилем у кройит-камеры. Дал же Бог ему такое счастье – повредил у них много, рули

поотбивал, пощелкал боки, а там видит, что нет уже силы, – под веслами и парусами и отошел в море. Так слышно было, что султан ихний, еще старый, отписал нашему Царю: «Ничего! Может еще, значит, действовать Ваш флот, когда отбил-ся один бриг от всего моего флота». Малый человек этот был Козырский, да, значит, храбрость такую он имел у себя. И говорит, что «Арфаила» этого не было с того время и слухом слышать, только, значит, под Синапом и показался в первый раз: нос у него и с кормы, сказать бы, позолочено, работа чистая, статуи прибиты, ну, адначе, не помиловали. Он, значит, спервоначала от «Марии» отбивался, а потом и в нас стал действовать ядрами и кинделями, а мы батальным огнем, как кто может зарядить, и действуй не по ко-

манде. Ну, как попал наш брамсбугель ему в кройит-камеру, где склад пороха, какхватило его на воздух, так, пока на воде стоял, верхнюю палубу сажень на пять подняло разом; какие дрибязги, так те в Синап понесло, как жар; а люди с верхней палубы все наверх пошли, как снопы; только, значит, в горе, как жайворонки, стало видать. Много одним духом чисто порвало, а которые на барказы уходили, так с «Марии» ударили картечью: только колпаки пооставались, а турки все в море пошли; буль-буль-буль только и видать...

Рассказано было в четверг на Страстной неделе, 24 марта 1853 года. Опубликовано: журнал «Современник» №3, 1856 г. Подробнее: <http://www.grafskaya.com/article.php?id=799>

➔ офицеров брига выстрелом в бочку с порохом вместе с врагом взорвал бы корабль.

Около 13 часов 30 минут оба турецких корабля подошли на дистанцию действительного огня. Исключительно искусное маневрирование Казарского, употребившего и паруса, и весла, чтобы не дать противнику воспользоваться десятикратным превосходством в артиллерии, затруднило противнику ведение прицельного огня. В первые же минуты боя Казарский был ранен в голову, но, несмотря на это, оставался на посту и руководил командой. Проходя

На пятиметровом прямоугольном каменном пьедестале и сегодня стоит отлитое из металла символическое античное военное судно – триера. Под ней Николай I повелел начертать слова: «Казарскому. Потомству в пример».

между турецкими гигантами, пытавшимися взять бриг в клещи, «Меркурий» вынуждал их пушки обстреливать друг друга. Вместе с тем канониру Ивану Лисенко меткими выстрелами по рангоуту и такелажу удалось сперва перебить несколько гротовых снастей на корабле капудан-паши, что вынудило корабль лечь в дрейф, а затем сбить лиселя у второго корабля, который после четырех часов боя стал отставать и вскоре прекратил преследование. «Мы не могли заставить его сдаться, – писал позднее один из турецких офицеров. – Он дрался, отступая и маневрируя, со всем искусством опытного боевого капитана, до того, что – стыдно сознаться – мы прекратили сражение, а он со славой продолжал свой путь...»

Имея 22 пробоины в корпусе и 297 повреждений в рангоуте, парусах и такелаже и потеряв четыре человека убитыми и восемь ранеными, героический бриг быстро исправил важнейшие повреждения и уже на следующий день присоединился к русскому флоту.

Экипаж «Меркурия» был щедро награжден. На рапорте о сражении император Николай I написал: «Капитана-лейтенанта Казарского произвести в капитаны 2-го ранга, дать Георгия 2-го класса, назначить флигель-адъютантом с оставлением при прежней должности и в герб прибавить пистолет. Всех офицеров в следующий чин, и у кого нет Владимира с бантом, то таковой дать. Штурманскому офицеру сверх чина

дать Георгия 4-го класса. Всем нижним чинам знак отличия военного ордена и всем офицерам и нижним чинам двойное жалование в пожизненный пенсион. На бриг «Меркурий» Георгиевский флаг. По приходе брига в ветхость заменить его другим, новым, продолжая сие до времен позднейших, дабы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его имя во флоте никогда не исчезало и, переходя из рода в род, на вечные времена служила примером и потомству!»

3 мая 1830 года награждали уже сам бриг. Адмирал Грейг поднялся на борт брига «Меркурий» в сопровождении вице-адмирала Патаниоти, контр-адмиралов Скаловского, Кумани, Беллинсгаузена и самого Казарского. Повинуясь команде, взял на плечо караул, взлетели по вантам и выстроились на реях матросы. Грохот пушек заглушил барабанную дробь и медь военного оркестра. На кормовом флагштоке и гротмачте брига «Меркурий» затрепетали Георгиевский флаг и вымпел – символы доблести и славы русского флота.

Бриг «Меркурий» оставался в строю еще 27 лет. Его спасли от гибели во время Севастопольской обороны и увели в тыл после того, как город пришлось сдать. Куски его корпуса, разобранного в 1857 году, хранятся во многих музеях и частных коллекциях мира. А его имя впоследствии носили четыре русских военных корабля.

Еще три корабля русского флота были названы позднее в честь Александра Казарского. Увы, само-

му Александру Ивановичу не суждена была долгая жизнь. Дослужившийся на флоте до капитана 1-го ранга, он продолжал служить Отечеству в качестве императорского флигель-адъютанта. Саратовская, Тамбовская, Симбирская, Нижегородская, Пензенская губернии – вот адреса его служебных командировок. В конце 1832 года Казарскому поручено снаряжение и погрузка большой группы войск на десантные суда Черноморского флота. Он воочию увидел те чудовищные злоупотребления армейских поставщиков и интендантов, которые через 20 лет погубили сражавшийся Севастополь. Увидел, захотел выкорчевать коррупцию и... 16 июня 1833 года скончался в страшных мучениях. Расследование причин его смерти так и не было завершено.

Уже через год севастопольские матросы и офицеры собрали 12 тысяч рублей на памятник. Его открыли в 1839-м. На пятиметровом прямоугольном каменном пьедестале, слегка сужающемся кверху, и сегодня стоит отлитое из металла символическое античное военное судно – триера. Под ней Николай I повелел начертать слова: «Казарскому. Потомству в пример».

Подробнее об Александре Казарском: <http://www.sevastopol.iuf.net/rus/museums/mchf/kazarsky/index.htm> ■

«Россия – родина слонов»... Этой давно избитой фразой некоторые мои знакомые до сих пор встречают каждый новый выпуск «Рассказов о русском первенстве». «Ну зачем, зачем нам обязательно быть везде первыми? – горестно-иронически спрашивают они. – Во-первых, это гордыня, а во-вторых... просто чушь! Зачем в православном журнале повторять весь этот сталинский бред о том, что русские оружейники применяли стандартные калибры раньше американцев, а Ползунов изобрел универсальную паровую машину на 20 лет раньше англичан? Кому это надо? Воистину, родина слонов...» Раньше я не знал, как отвечать на такие реплики, но недавно решил разобраться с пресловутыми «слонами»: кто их автор, откуда они взялись?

ПУШКА, в которую СТРЕЛЯЛИ

Российские достижения начали осмеивать еще в XIX веке

Уже за целое столетие до Петра у нас имелся собственный Крупн – литейный мастер Андрей Чохов, который способен был отливать титанические орудия.

Михаил Меньшиков

Артем ЕРМАКОВ

Сразу скажу, автора «анонимной фразы, появившейся в народе как отклик на борьбу за приоритет отечественной науки, развернувшуюся с 1946 года» (такое определение дается «слонам» в большинстве энциклопедий), мне найти так и не удалось. Но вот ее реальная основа отыскалась довольно быстро. Оказывается, книга профессора Виктора Данилевского «Русская техника», изданная в те годы, описывает оригинальный паровой автомобиль, созданный уральцем Амосом Черепановым

(племянником знаменитых русских паровозостроителей). Этот автомобиль, названный «паровым слоном», некоторое время совершал рейсы между Верхней и Нижней Салдой на Урале и применялся в качестве тягача для перевозки руды. Широкие ободья колес русского «парового слона» позволяли ему свободно передвигаться по раскисшим грунтовыми дорогам. Это был самый настоящий трактор, или, еще точнее, локомотив, сильный и надежный, как слон. Его конструктор, безусловно, был русским человеком. Так что слава «родины слонов» досталась России вполне заслуженно. Разумеется, если речь идет о «паровых слонах».

Но все-таки кем же был человек, пустивший в оборот такую подлую шутку? Каким он должен быть? Эта

мысль не давала покоя до тех пор, пока я не наткнулся на еще одну «крылатую» фразу: «В Кремле стоит пушка, которая никогда не стреляла, и колокол, который никогда не звонил». Оригинал высказывания выглядел еще более жестко: «В Москве каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем зазвонил. Удивительный город, в котором достопримечательности отличаются нелепостью; или, может, этот большой колокол без языка – иероглиф, выражающий эту огромную немую страну, которую заселяет племя, назвавшее себя славянами, как будто удивляясь, что имеет слово человеческое».

Имя автора всех этих иронических каламбуров – не секрет. Это печально известный «басманный философ» Петр Яковлевич Чаадаев (1793–1856), автор

Когда чаадаевское письмо по недосмотру цензуры было опубликовано в 1836 году в журнале «Телескоп», власти официально объявили автора сумасшедшим и обязали его проходить регулярное медицинское освидетельствование. Они не могли понять, как здравомыслящий человек может написать такое о своем народе, о своей Родине. Но нашлись и другие люди, которые не только поверили Чаадаеву, но и поддержали его негативное вдохновение. Одним из них стал молодой чиновник и литератор Александр Герцен (1812–1870).

«Письмо» Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь, – писал он позднее. – Тонуло ли что и возмещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет, – все равно надобно было проснуться... «Письмо» Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию».

скандального «Философического письма», в котором он, в частности, утверждал, что «ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь».

Через несколько лет «разбуженный» Чаадаевым Герцен уедет в Лондон и напишет там мемуары, в которых вспомнит известную остроту «басманного философа» про пушку и колокол. От себя он дополнит ее такими размышлениями: «Чаадаев и славяне равно стояли перед неразгаданным сфинксом русской жизни, – сфинксом, спящим под солдатской шинелью и

под царским надзором; они равно спрашивали: "Что же из этого будет? Так жить невозможно: тягость и нелепость настоящего очевидны, невыносимы – где же выход?"»

Именно так насмешка над Царь-пушкой превратилась в символ и обязательную черту русского «свободомыслия» и «освободительного движения». А символы русской славы и научно-технического первенства стали для «просвещенных людей» чем-то неприятным, почти неприличным.

Теперь уже было неважно, что Царь-пушка, отлитая мастером Андреем Чоховым (1545–1629), – и вправду, одно из самых старинных и крупнейших орудий в мире. Созданная в начале царствования благоверного царя Феодора Иоанновича, в 1586 году, на Пушечном дворе в Москве, пушка была украшена литым изображением увенчанного короной царя, сидящего на коне со скипетром в руке. Длина этого орудия 5 метров 34 сантиметра, калибр – 890 миллиметров. На самом стволе вырублено: «2400 пуд» – вес пушки, что составляет

39 312 килограммов. По бокам пушки – восемь литых скоб для крепления канатов. У подножия орудия лежат четыре чугунных ядра, отлитых в 1835 году, каждое весом в тонну.

Но стрелять Царь-пушка должна была не ими. Это было, как теперь говорят, многофункциональное оружие, способное стрелять как 50-пудовыми каменными ядрами при осаде вражеских крепостей, так и «дробом», то есть картечью, при защите своих. И хотя Царь-пушке не пришлось участвовать в боевых действиях, но отливалась она не как декоративное изделие, а именно как боевое орудие, предназначенное для обороны Московского Кремля от татарских нашествий. Упрекая ее в том, что она «не стреляла», можно с таким же успехом смеяться над русским ядерным оружием XX века. Мы ведь так ни разу и не использовали его в бою. Не то, что американцы...

Изначально Царь-пушка защищала главные ворота со стороны Китай-города, затем неоднократно меняла свое место: находилась во дворе здания Арсенала, напротив входа в него и, наконец, в 1960 году была перенесена на Ивановскую площадь. Уже стоя там, она попала в Книгу рекордов Гиннесса как самое крупнокалиберное орудие в мире.

Что же касается стоящего у подножия колокольни Ивана Великого Большого Успенского колокола, отлитого русскими мастерами отцом и сыном Моторными, то он, бесспорно, крупнейший в мире.

В 1730 году императрица Анна Иоанновна пожелала заново перелить прежний, разбившийся в 1701 году во время пожара, Большой Успенский колокол с увеличением его веса до 10 тысяч пудов. Предложение было сделано парижским мастерам, но механик французского короля отказался, считая, что колокол таких размеров отлить невозможно. За дело взялись Иван (1662–1735) и Михаил (?–1750) Моторины, работы по отливке велись прямо на Ивановской площади Кремля.

Первая попытка отлить колокол оказалась неудачной, после чего Иван Моторин умер «от печали», как значилось в официальной челобитной. Однако его сын Михаил блестяще завершил дело отца, и в ночь на 25 ноября 1735 года всего за 36 минут около 202 тонн колокольной бронзы были успешно залиты в форму. Колокол остался в литейной яме для чеканной отделки декора, но во время пожара 1737 года от неравномерного охлаждения от колокола отвалился кусок весом 11,5 тонн. Ему, действительно, не пришлось звонить, но это никак нельзя поставить в упрек его создателям-литейщикам, осуществившим уникальный по масштабам XVIII века технический проект.

К слову, самый большой из действующих русских колоколов весом четыре тысячи пудов до сих пор находится в Успенской звоннице Московского Кремля.

Он был отлит мастером Яковом Завьяловым в 1817 году. Его главный западноевропейский конкурент в Кельне гораздо меньше (весит 1675 пудов) и намного моложе (отлит в 1874 году). Чемпионом в мировом первенстве действующих колоколов до сих пор остается колокол японского города Киото, отлитый в далеком 1632 году и весящий 4685 пудов. Царь-колокол превосходит его более чем в два раза.

Интересно, что и в XVIII, и в первой четверти XIX века оба символа русской славы оказались почти забыты. Пушка покрывалась патиной на дворе Арсенала, а колокол и вовсе засыпали в литейной яме. Но стоило императору Николаю I в 1835–1836 годах обратить на них внимание: отлить декоративный лафет, выстроить постамент, – как в прессе немедленно появляются уничижительные статьи Чаадаева и Герцена, выходит фантастический пасквиль-памфлет маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», слово в слово повторяющий чаадаевские насмешки, но уже на французском, для европейцев.

Было ли это совпадение случайным? Трудно сказать. Но, так или иначе, символами славы для русской интеллигенции XIX века стали не достижения Чохова и Моториных, не победы над турками и французами, а чаадаевский «выстрел, раздавшийся в темную ночь», и нелегальная политическая газета Герцена «Колокол», издававшаяся в 1857–1868 годах в Лондоне при со-

Упрекая Царь-пушку в том, что она «не стреляла», можно с таким же успехом смеяться над русским ядерным оружием XX века. Мы ведь так ни разу и не использовали его в бою.

действию барона Ротшильда. Но сегодня можно уверенно сказать: сколько ни стрелял «басманный философ»-пушкарь, сколько ни трезвонил лондонский злобный звонарь, священные реликвии прошлого прочно заняли свое место в сердцах миллионов граждан России. Даже иногородние студенты литинститута, разместившегося в московской усадьбе Герцена, предпочитают присылать домой свои фотографии «у лафета», а не у памятника звонарю.

Кстати, один раз Царь-пушка все-таки выстрелила. Из нее в сторону западной границы выпалили пепел сожженного трупа Лжедмитрия. Жаль, ни Чаадаева, ни Герцена, ни даже завалящей старухи Шапокляк поблизости не оказалось. Могли бы уже тогда... прославиться.

Семья — это место, где человек чувствует себя дома. В семье человек такой, какой он есть на самом деле. Семья начинается с любви, является любовью и, наверное, любовью и заканчивалась бы, если бы апостол любви Иоанн не сказал, что любовь никогда не перестает. Для человека нет никого ближе, чем муж или жена. Даже отца с матерью он оставляет, чтобы прилепиться к жене своей. Потому что от того, как складываются отношения в семье, зависит так много в жизни человека, в которой кроме семьи есть и многое другое. Особенно для мужчины.

Две замужние многодетные женщины размышляют о роли мужа в семье. Нам не кажется, что их спор — это спор противников. Скорее, их суждения позволяют увидеть ситуацию более объемно и помогут не только семейным людям, но и тем, кто еще только применяет на себя роль мужа или жены.

Ольга СОКОЛОВСКАЯ

«Слава труду!» — сказал отец семейства и пошел на работу. В субботу... Знакомо? Увы, для многих жителей мегаполисов это дело обычное. Задерживаться на работе часиков эдак до девяти-одиннадцати становится правилом хорошего тона, а вот уходить с работы вовремя не принято. Ну, мотивы начальников-трудооголиков вполне понятны, а вот о чем думают отцы семейств, соглашаясь работать по выходным и сверхурочно, я понять не могу. Дак ведь, скажете вы, уволят, зарплаты лишат и прочие ужасы! Да полноте, за отказ работать сверх нормы уволить — права не имеют. Другое дело, если это дополнительно оплачивается и на семейном совете постановлено, что ради дополнительных денег жена и дети могут потерпеть (по мне, никаких денег не надо, лишь бы муж был хоть по вечерам дома, но это уже, что называется, дело вкуса). Однако чаще всего все эти «сверх» отработываются совершенно добровольно и бесплатно и никаких советов на семейных советах не спрашивается, так что жены терпят, так сказать, в принудительном порядке.

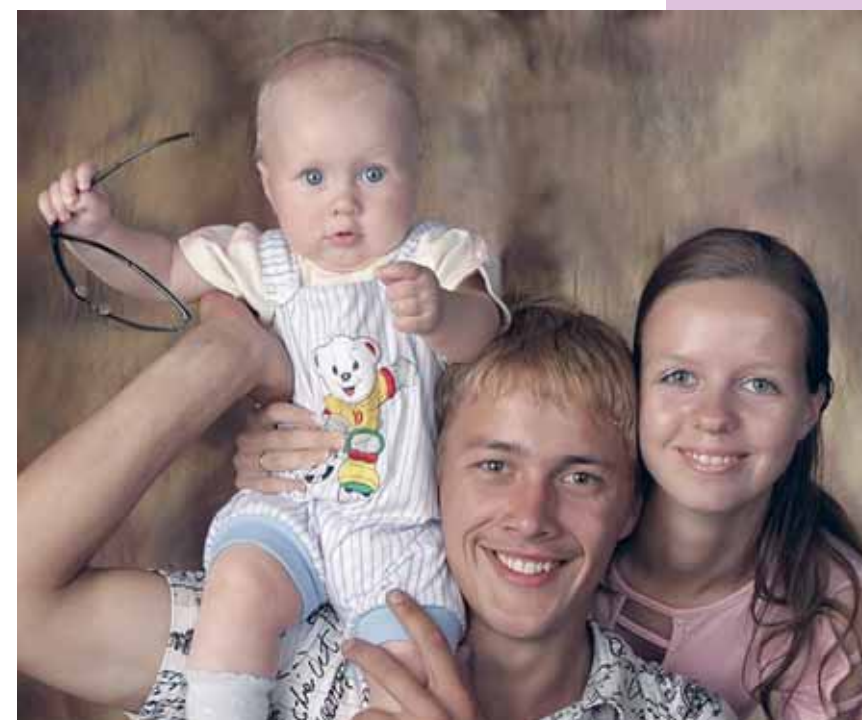
Однажды и моему супругу позвонил в субботу с утра пораньше начальник с предложением поработать (я в это время надевала сапог), на что мой муж весело согласился, что поработать, конечно, не прочь, да вот беда — жена ушла, и он один дома с тремя детьми. Чем кончились эти переговоры, я уже не слышала: бежала в одном сапоге к лифту. Но не всегда везет и мне, хоть мой муж и относится с пониманием. А вообще вокруг себя я только и слышу: «Задержался», «Опять вызвали», «Опять в выходные». Причем время задержек растет прямо пропорционально числу рожденных детей. Как будто с каждым новым чадом все наваливаются и наваливаются неразгребаемые про-

СЛАВА ТРУДУ!

ВЫКЛЮЧАЙ МОЗГИ

Матушка ЕЛЕНА

«Слава труду!» — сказал папа и ушел на работу... в субботу. «Как мне это знакомо!» — подумала я, сладко потягиваясь, и осталась досматривать сны. В школу идти не надо, никто рано (кроме папы) не встает, и кашу детям можно сварить позже. Это единственный день, когда можно выспаться. Только мой муж не имеет такой возможности. Потому что в воскресенье с утра едем в храм.

Я знаю, он будет пытаться поспать днем после воскресной службы. Но опять ему это не удастся. Кто-то прыгает по нему верхом, кто-то дудит в ухо, кто-то заплетает из бороды косички, кто-то просит сделать английский... Они — дети, и они соскучились. И оттащить их нет никакой возможности. Остается выпить крепкий кофе и заняться семейным досугом. Если только не позвонит телефон...

«Папа же обещал!» — снова со слезами возмущаются дети. Да, обещал — поехать сегодня в зоопарк. Но неожиданно уехал по делам. Наш папа — священник. И что такое «загадывать на будущее», в нашем доме никто не знает. Люди звонят — и зовут, и просят. Звонят и днем, звонят и ночью. И мы снова и снова откладываем поездку. А я снова объясняю детям, что наш папа сейчас кому-то гораздо нужнее.

И когда наконец выпадает свободный день — как нарочно, идет дождь. Потому что бабье лето давно уже кончилось и вообще скоро наступит зима. Но мы едем в зоопарк. И показываем детям норы, в которых живут лисички и волки, берлоги, где давно спят медведи.

Но это — часть воспитания и облегчает мне задачу. Можно прочитать детям тысячи книжек о милосердии, любви и чести. Но вот без папиных внеурочных дел это будут просто пустые красивые слова. Образ отца, для которого чувство долга перед Богом и перед людьми превыше всего, запечатлется в их сознании на всю жизнь и станет опорной точкой во многих жизненных ситуациях. (Только бы мне не испортить все это своими дурацкими комментариями типа: «Ну вот, папа опять нас бросает».) А как же иначе? И дело не в том, что наш папа — священник. Я думаю, это важно для любой семьи. К тому же с каждым новым ребенком нужно все больше средств, чтобы прокормить и одеть семью. Ведь отец один делает это. И это очень тяжело. Потому что он несет ответственность перед семьей, главой которой является. Я только прошу деньги, отправляясь в магазин, и остаюсь недовольна, если их оказывается мало (в моем представлении). А муж переживает много сильнее, ведь это задевает его мужское достоинство.

Известно, что инфаркты чаще случаются у мужчин, чем у женщин. А почему? Каких больше всего сил тратит человек на работе? Нет, не физических и не умственных. Весь день окружают его люди, причем не родные, не близкие и далеко не всегда благожелательно настроенные. И в автобусе, и в метро (и в пробке на дороге), и на работе. И всем что-то надо, все чем-то недовольны, все чего-то ждут и чего-то хотят. А дома муж вынужден успо-

Они — дети, и они соскучились. И оттащить их нет никакой возможности. Остается выпить крепкий кофе и заняться семейным досугом. Если только не позвонит телефон...

изводственные объемы. Не то, что раньше, когда детишек вообще не было, — тогда и задерживаться как-то не было нужды: дома тихо, спокойно и — телевизор (компьютер, жена, книжечки — кому что больше по душе). А тут придешь — на тебя дети лезут, жена усталая откуда-то выползает, бардак в квартире... Короче, не торопятся наши мужья домой.

И действительно, чего им торопиться? На работе — спокойно: кофе можно попить, юбилейчик чей-нибудь отметить, договориться о помощи на выходные — кому тещу во Владимирскую область отвезти, кого похоронить, кого из родильного отделения забрать. Помогать надо людям! Все интереснее, чем квартиру в субботу убирать или грязь на детской площадке ногами месить...

А некоторые приспосабливаются по выходным семье помогать так: жена остается с младшими, а муж со старшим — в цирк, театр, на выставку! А потом удивляется: что это моя Манечка такая приземленная стала, невозвышенная, кулемистая? А с чего ей, спрашивается, возвышаться-то? С «Курочки Рябы», прочитанной 200 раз (каждому ребенку) или, может быть, с «Репки»? Ну а как же, спросите вы, как же пазлы, мозаики, развивающие методики — ведь все это ужасно творчески, страшно интересно и вообще сплошной интеллектуализм?

Что же к этому творчеству-то мужья наши творческие гурьбой не бегут? Может, я сейчас скажу большую ересь, но, положила руку на сердце, скучатень все это и занудство, по большей части, все та же видоизмененная «Курочка Ряба». Ребенку, быть может, это и интересно (не более, впрочем, чем поноситься по коридору и поорать), а вот молодым мамочкам с высшим образованием (а таких сегодня — большинство), если они только не прирожденные педагоги и здесь находится их специфическая сфера интересов, все это — ну, вы сами понимаете. После всяких там университетов и аспирантур, чтения и написания многообразных текстов, собеседований с интересными собеседниками — «Жили были дед и баба, и была у них» и т. д. Это все равно как моему высокоинтеллектуальному мужу перейти сейчас работать помощником машиниста метро (оклад, между прочим, неплохой, полагаются всякие льготы) и гонять поезда по темным тоннелям туда-сюда. Я думаю, он тогда из-под полы (из-под штурвала то есть) стал бы потихоньку всякие книжечки почитать исторические...

Вот и я так же... Качаешь ногой на балконе колясочку и читаешь, читаешь, именно из-под полы, так как за стенкой старшенькие давно тебя требуют — «Репку» читать, а на кухне — разорение, и ты при этом прекрасно понимаешь, что твой младенец давно уже уснул и не нуждается в твоих укачиваниях! Так что, скажу я вам, неинтеллектуальный это труд — выращивать маленьких детей. И никакого «интеллектуального пространства» и «интеллектуальных собеседников» вы в лице своих малолеток не найдете. А найдете милых, озорных и очень хулиганистых (как им и положено в этом возрасте) несмышленишек, которые, безусловно, нуждаются больше всего в своих мамах и их каждодневных трудах и заботах, не разбирая, развивающие эти заботы или обычные, ласкательно-игрательные.

А как же, почему же много пишут об огромном и непочатом «поле для творчества»? Да это все несчастные творческие мамочки с выс-

ФОТО АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВА

TASSPHOTO.COM

Любой нормальной женщине помимо дорогого детского лепета совершенно необходимо слушать нормальную взрослую речь, желательно — собственного мужа.

каивать истерику жены. В древности необразованные бабы как-то очень быстро догадывались, что значит для семьи отец. Они берегли, холили и лелеяли кормильца. Встречали радостно и ласково. И чем позднее, тем ласковее. И выгружали перед ним не ворох проблем в виде невыполненных женских обязанностей типа нестираных пеленок, а вкусный горячий ужин. А детей загоняли куда-нибудь в уголок, чтобы не мешали отцу отдыхать.

А что у нас? Помните у Высоцкого: «Тут за день так накувыркаешься, придешь домой — там ты сидишь!» А сидишь-то ты еще и не одна, а с двумя, тремя и т. д. малолетними отпрысками. И не просто сидишь, а кидаешься с порога на мужа как вампир, чтобы восполнить растрченную понапрасну эмоциональную энергию. Именно понапрасну. Потому что, если выключить свои слишком развитые мозги, которые так и диктуют словами прочитанных книг нормы жизни, нормы воспитания и нормы поведения, и посмотреть на своих детей другими глазами, то все окажется не так уж плохо. Зачем сердиться на малыша, который в пятый раз подряд разлил кефир на в пятый раз подряд переодетую футболку? Ведь мы же смеемся над такими сюжетами, когда видим их по телевизору. Нам просто жаль себя и свой труд. Но я — мама, и это тот труд, который спасет меня. Если в такой момент не разозлиться, а просто рассмеяться, жизнь станет намного

проще. С детьми вообще жить весело. Их детский лепет — просто чудо. Я исписала много тетрадей изречениями своих маленьких «гениев». Надо радоваться, пока слышишь этот лепет. И прислушиваться. В нем — весь внутренний мир малыша. Японцы говорят, что если ты до трех лет не воспитал ребенка, то уже поздно. Скоро детки вырастут. И придется выслушивать другой «лепет» и другие требования.

Вообще труд в семье — не интеллектуальный. Он сугубо (кроме физических нагрузок) эмоциональный. Понять ребенка разумом невозможно. Свое чадо надо чувствовать, причем с рождения. А остальное все — дело техники да творческих навыков. Если мама — от природы человек нетворческий, то всему можно научиться, используя наработки других людей. Так что выключай свои мозги. Умный человек — не тот, который много знает, а тот, который знаниями правильно распоряжается.

Например, мама целый час мыла пол. Устала, голова болит, спина разламывается. Сил хватило только плюхнуться на диван. И тут со всех сторон начинают сползаться дети с просьбой пойти погулять на «дальнюю площадку». «Оставьте меня в покое» здесь не поможет. А вот «Я репка большая-пребольшая, никуда отсюда не слезу...» их ошаршит и развеселит. А у мамы все-таки будет время отсидеться, потому что «репка» имеет право покомандовать, каким способом ее «тащить».

Кстати, об этой пресловутой, надоевшей всем «Репке». Когда в этом году на очередной день рождения мы гадали, какой бы спектакль поставить, не придумали ничего лучше этой сказки. Только мы ее дополнили на свой манер. Дополняли, между прочим, в основном наши старшие дети (потому что для младших спектакль был сюрпризом), а мы с мужем только создали условия для творчества. А именно: устроили студию звукозаписи ночью после отбоя. Было очень весело, и в этой атмосфере непринужденно родилась совершенно новая «Репка». Малыши и наши гости были в восторге. В восторге от своего «творения» остались и наши старшенькие.

Вообще мы стараемся, чтобы наш папа чаще проводил время именно со «взрослыми» детьми. Потому что для маленьких отец — это крепкие руки, подбрасывающие вверх, и колючая борода, в которую утыкаешься, оказываясь на ручках. А вот для больших детей образ отца — главы семейства — не должен ассоциироваться с женским трудом вроде пеленок, посуды и орущих малышей. Пусть уж лучше сходит со старшими на выставку, почитает стихи или починит велосипед.

Все хорошо. Один минус — времени на личное общение с мужем не хватает. Но то, что супругов должно связывать в браке, — не интеллектуальный

шим образованием щебечут об этом в разных журналах на разные лады. А что им еще остается, бедным? Надо же им как-то себя отвлечь, доказать свою профпригодность – не все, мол, вам «Маша и медведь», и воспитание – наука строгая и тонкая!

А мужья радуются: а, значит, есть «творческое поле деятельности», «радость интеллектуального общения» с двухлетними отпрысками – замечательно! Вот и наслаждайтесь вашим творческим общением на ваших кухнях! Подтирайте бодро и по новейшим методикам попки и находите новые скрытые смыслы в «Репках»! А мы пока поработаем-поработаем в наших тихих офисах, подальше от этого «творческого» гама, уф!

И не помогают – ни по вечерам, ни по выходным. А зачем, раз нам и так легко, здорово и интересно! Это они, бедные, устают ужасно на работе, а мы только «наслаждаемся» общением с детьми.

Зачем обманывать себя и других? Выращивать маленьких детей в современном мире – это тяжело. Конечно, все это покрывается и полной оцущений, и радостью – кто имеет детей, тот все это понимает. Но речь сейчас не об этом. А о том, что не надо тешить себя иллюзиями, а потом в них разочаровываться и загибаться. А разочарование это, между прочим, может привести женщину к совершенно «логичному» решению – прекращению деторождения и выходу на работу. Все, теперь ты, как и все, – нормальный, уважаемый человек, а за детьми, что ж, и «бабки-няньки», и детсад присмотрят... Жаль, между прочим, что в большинстве случаев так и происходит: сперва женщина горит «творческим запалом», потом на практике из этого творчества вылезают пеленки и изрядная доля «Курочки Рябы», и – «мы уже на работе», разумеется, творческой (или денежной), тогда, когда, может, сил бы хватило потерпеть и рутину, и открыть свой «источник вдохновения» в семье, если бы муж понял и помог.

В средние века вообще считалось, что период малолетства – это период умственной недоразвитости, так к маленьким детям и относились. Затем Ж. Ж. Руссо выдвинул новые принципы воспитания. Сегодня маятник вообще качнулся в далеко противоположную сторону. Якобы маленький ребенок – чуть ли не полноценный интеллектуальный собеседник, стоит только к нему хорошенько прислушаться... Неправда все это! И любой нормальной женщине помимо дорогого детского лепета (который, как к нему ни прислушивайся, детским лепетом и остается) совершенно необходимо для психического и прочего здоровья слушать нормальную взрослую речь, желательно – собственного мужа, хотя бы по вечерам, хотя бы по выходным, а то крыша съедет (и, кстати, у многих едет).

И вообще, по-моему, растить в мегаполисе много маленьких детей без тесного сотрудничества с бабушкой или с мужем (последнее, на мой взгляд, предпочтительнее) крайне затруднительно. А вот если в семье присутствуют и сочувствие, и понимание, и помощь мужа, тогда – другое дело. Тогда все «Курочки Рябы» действительно окажутся посвежее, и даже в черной череде детских ОРЗ можно совместными усилиями найти определенную долю юмора... Короче, слава труду! Совместному. ■

TASSPHOTO.COM

Досуг должен быть общий, а труд по воспитанию детей – хоть и совместный, но у каждого свой.

Статью можно обсудить на форуме <http://naslednik-magazine.ru/forum>

обмен знаниями, а любовь. А любовь не зависит напрямую от времени общения. Бывают минуты, когда стоим мы с мужем, разделенные гурьбой что-то наперебой рассказывающих детишек, смотрим друг на друга и просто улыбаемся. И понимаем все, и чувствуем. И это дает больше, чем целый вечер, проведенный вдвоем за обсуждением чего-то умного. Все же для семьи эмоциональное важнее. А пообщаться с какой-нибудь интеллектуальной собеседницей можно и в Интернете или по телефону.

Семья у нас большая. И не всегда мне это удается, но я стараюсь всякие хозяйственные дела сделать в отсутствие мужа. Тогда в те редкие часы, когда он бывает дома, мы придумываем что-то интересное для всех. Потому что не надо путать семейный досуг с семейным трудом. Досуг должен быть общий, а труд по воспитанию детей – хоть и совместный, но у каждого свой. Все должны заниматься своим делом. Папа двигает колесо прогресса, а мама ему помогает – воспитывает новых двигателей. Папа обеспечивает материальную базу семьи, а мама правильно ею распоряжается. Представьте себе Пушкина, стирающего пеленки (между прочим, у него было пятеро детей). Сколько шедевров могло бы не появиться на свет!

Конечно, теперь воспитывать детей стало сложно. Тут тебе и стиральная машина, и горячая вода, и центральное отопление, и ошипанная курица, если хочешь, даже без костей. А сколько всего не хватает: коровы нет, печки нет, проруби нет, даже огорода нет. Вот раньше все просто было. Знай себе работай до упаду. Придумывать проблемы ни сил, ни времени не было. А теперь – проблем-то сколько! Каким кремом намазать, какому доктору показать прыщик у ребенка, в каком магазине купить питьевую воду, с какого возраста учить английский... А уж разобраться в системах воспитания вообще невозможно. Да еще эта реклама со всех сторон с толку сбивает: «Побалуи себя», «Ведь я этого достойна», «Не отказывай себе в удовольствии»... Мозги-то набор и сворачиваются. И начинаешь любить себя, и хочется побаловать. Но тут дети с проблемами,

которые мы для них выдумали. Остается выход – сдать ребенка в элитный садик, гордиться этим и в свободное от работы и интеллектуального общения время бегать по магазинам в поисках особого пластилина и специальных кисточек. Это требуется в саду для полноценного развития вашего трехлетнего чада. И чувствовать удовлетворение от потраченного «на ребенка» времени. Да еще по вечерам не забывать пилить мужа за то, что недостаточно внимания уделяет семье, особенно жене, которая запарилась весь день бегать.

Нравится? Мне – нет. Я детей родила не для чужих тетей и дядей, которые будут отрабатывать на них свои диссертации по новым методам воспитания. А потому что мне их дал Бог. И, кроме того, что я их люблю, я еще несу за них ответственность. И я благодарна за то, что они у меня есть, за то, что имею возможность сама влиять на их развитие, за то, что у меня есть любимый муж, и он в состоянии прокормить всех нас. Мне нравятся наши с детьми занятия лыжами и велосипедом. Мне нравятся наши праздники, в подготовке которых принимают участие папа и все дети. Мне надоело готовить и мыть посуду. Но я научила этому своих старших дочерей. И они благодарны мне за это, а я благодарна им за помощь. Мне не всегда хватает времени и на уборку, и на общение. Но я выбираю последнее... И не «зависаю» над нематым полом. И климат в семье от этого не страдает, даже напротив.

Так что слава труду совместному, вдохновенному и творческому! ■

МЕНЬШОВ Владимир Валентинович

Народный артист Российской Федерации, лауреат Государственных премий РСФСР и СССР, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени, режиссер-постановщик на киностудии «Мосфильм», член Союза кинематографистов России. Снимался в фильмах: «Человек на своем месте», «Последняя встреча», «Собственное мнение», «Курьер», «Город Зеро», «Где находится нафилет», «Чтобы выжить» и других.

На вручении премии «Кино-награды MTV – 2007» известный киноактер и режиссер Владимир Меньшов отказался вручить приз в номинации «Лучший фильм» киноленте «Сволочи».

Владимир Меньшов: «Слава моя – не эфемерная»

Беседовала Людмила ПАЛИЕВСКАЯ

Фото АЛЛЫ ЧЕТВЕРИКОВОЙ
из архива В. В. МЕНЬШОВА

– Владимир Валентинович, Вы – человек, славой не обойденный. Так что это за феномен такой – слава?

– Думаю, что в основании славы может лежать какой-то инстинкт, присущий всем людям. Одно из определений счастья – быть нужным. Когда ты нужен, когда тебя ищут – это, по сути дела, успех. И хорошо бы добиться такого успеха в чем-то, чтобы твое имя не просто было на слуху, а чтобы оно стало примером.

А что такое в нынешней жизни слава? Она теперь принимает совсем эфемерный оттенок. Очень трудно разглядеть, отшелушить, где происходит действительно настоящее. Иногда прочтешь – ахнешь: «Боже, какой интересный есть человек!» Но его сознательно замалчивают, а премии вручают только тем, кому нужно. Это очень хорошо отработанный прием манипуляции сознанием. Так вот, пока 90 процентов информации человек будет получать из телевизора, нам обеспечена очень странная жизнь. Хотя в катакомбы уходи для более полной жизни, для понимания того, что есть на самом деле.

– По поводу Вашего поступка: Вы бросили на сцену конверт с результатами голосования. Ваши слова «Я не буду вручать эту премию фильму, который позорит мою страну» цитировали все информационные агентства. Мне все время приходилось сталкиваться с таким мнением по этому поводу: «Здорово. Настоящий честный поступок. Нормальная реакция нормального человека». И т. п. Но при этом было и недоумение: «Но как его туда вообще занесло?!»

– Это беда организаторов мероприятия. Что такое MTV? Я его не смотрю и не понимаю. Я еду, вижу, что какие-то афиши висят, что Памела Андерсон приезжает и будет вести Ургант. Наверное, в молодежном мире значительное событие. Какая-то девочка мне долго звонила: «Мы вас просим, мы вручаем». – «А что вручать?» – «Главный приз». – «Хорошо, тогда приду». Вот и все. Я ничего не знал! Что это будет за мероприятие? Что за фильмы в этом конкурсе участвуют? Не было подготовлено ничего, как обычно в этих случаях бывает, – должна быть какая-то программка с перечислением. Когда я увидел, что среди фильмов мелькает картина «Сволочи», я сказал Вере: «Не дай Бог, они дадут главный приз этим “Сволочам”, я его не буду вручать». И в итоге я оказался перед фактом, практически выйдя на сцену. Вот и вся предыстория этого дела.

– Ведь это трудно – против течения. Что Вам придает силы?

– Наверное, семья. Мы с женой, и теперь уже с дочкой, очень близки духовно. И не имеем права опозориться, прежде всего, друг перед другом. С точки зрения наших позиций, конечно, «Бальзаковский возраст», в котором снимается Юля, – это мыло. Но куда деться? Это лучшее из того, что делается. Нет других сериалов!

– Почему их нет, как Вы думаете?

– Все одно за другое цепляется, приводит к таким результатам. На двенадцать серий – шесть режиссеров. Две серии один, две серии – следующий. Он снимает – и больше материала не видит: монтируют без него. Раньше каждая картина была штучной работой, я не мог доверить никакому монтажу – я что, с ума сошел?! Я знал музыку, все это мог свести, придумать. А сейчас озвучивает один, шаги делает другой, музыку продюсер сам написал и так далее. Конечно, никакого авторского клейма на работе нет, она – предмет конвейера, фабрики.

– Каких молодых режиссеров Вы можете назвать, которые уже себя проявили и еще проявят?

– Я думаю, можно чего-то ждать от Феди Бондарчука, еще мне понравилась Оксана Бычкова, которая сняла картину «Питер FM». Я думаю, что она требовательно к себе относится.

Судьба режиссера сейчас – закончив учебу, искать возможность снимать какие-то клипы: это и денежно, и вначале кажется творческим. Но потом это очень за-

Сейчас я бы не пошел работать в кино.

тягивает и быстро снижает уровень. С этого начинать жизнь?!

в 56–57-м годах, вообще не надеялись, что будут снимать. И они «снимали» кино на бумаге, расписывали, а им даже пленку не давали. Было малокартинье, на Мосфильме снимали три фильма в год. И вдруг открылись эти шлюзы. И какое пошло мощное, талантливое кино!

Следом пришло поколение Тарковского, Шукшина – 60-е годы. Для всех нас невозможно было снять что-то проходное, случайное! Ни в коем случае. Каждый кадр – как в этой истории: Михаил Ромм пришел перед началом съемок первого фильма к Эйзенштейну и сказал: «Завтра я снимаю, с чем мне приступить к работе?» – «А что вы снимаете?» – «Там такой проходной кадр – в гостинице у двери сапоги стоят». – «Когда будете снимать кадр, думайте о том, что если рухнет весь мир, останется только ваш кадр с сапогами! Люди будут думать: “Боже мой! Какая это была цивилизация, какой был мир...” и так далее». И при всей ироничности этой фразы, так было на самом деле: каждый кадр снимался ответственным образом!

– Как Вы думаете, почему такой большой интерес у народа не к основному виду деятельности, принесшему славу, а к частной жизни прославленных разными способами людей?

– Подавляющее большинство людей – это вообще-то разновидность бабок, которые сидят на скамейке и обсуждают. Эти бабки сидят годами, веками. И говорят, говорят: эта с этим, этот с той, этот ушел, а к этой пришел.

Читаешь в журнале, скажем, о каком-то актере – там уже даже фильмы и роли его не указываются. Пишут

В. В. Меньшов и А. В. Баталов на съемках фильма «Москва слезам не верит»

К какой славе надо бы стремиться?

– А с чего стоит начинать?

– Мы ждали фильм, вынашивали его в мечтах. Сейчас не поймут, если мы начнем рассказывать, как шли к первой постановке. А те, кто закончил учебу после войны,

о том, с кем он развелся, как он в детстве с мамой, с папой общался, какие комплексы у него были, как он их преодолел... А что за актер? Чем он, собственно, вызывает такой интерес к своей жизни? Изредка мелькнет где-то в конце концов, что у него два десятка фильмов. Но в статье все посвящено комплексу его взаимоотношений с родителями. Дурь, но читают! Но ведь и

вовал Чехов, существовал Потапенко, их ставили на одну доску. Каким образом их ставили на одну доску, сейчас и понять нельзя. Почитайте Потапенко – видно, как он вымученно, тяжело пишет. И как волшебным образом пишет Чехов!

И наоборот, был Ван Гог, были импрессионисты, которых не признавали, – не народ не признавал,

В. В. Меньшов на съемках фильма «Любовь и голуби»

таких знаменитостей много, для которых самое важное – пусть говорят! Пусть как угодно называют, только бы все время быть на слуху и на экране. И ведь это же не просто разговор о том, что так и радуется твоя душа, когда о тебе все говорят. Нет, за этой известностью лежат конкретные деньги. Шоу-бизнес сейчас зарабатывает отнюдь не на концертах, а на корпоративных вечеринках. Это называется «срубить» – когда актер средней (!) популярности «срубает» в новогодний период тысяч 200 долларов. Здесь за три тысячи выступил, быстренько переехал – там за три тысячи: тут Луккой гуляет, там Газпром...

– Вы описали механизм зарабатывания славы и механизм ее отработывания. Но, наверное, это все-таки не та слава, к которой надо стремиться?

– Я тоже всегда думаю: что происходит? По какой причине все время идет отбор и выбраковка? Сколько было за XX век шумных, интересных имен! Среди поэтов – Маяковский, Есенин, Пастернак... Каким образом другие отбраковываются? Что происходит? Сущест-

Помимо всех профессиональных достоинств, еще нужно какое-то умение проникнуть в национальный код.

народ их не видел, а интеллигенция, которая посещала выставки. Я тоже не понимаю, по какой причине можно не принимать импрессионистов до такой степени, чтобы плевать? И чтобы хороший художник Маковский говорил про картину Серова, что это сифилитическая грязь?! Речь шла о «Девочке с персиками»! Как может она вызвать такое отторжение?! Что происходит?

Картина «Москва слезам не верит» на выходе имела триумфальный успех, но в моей кинематографической среде ее просто растоптали. Если бы, что называется, не вмешательство Американской академии киноискусства... Клянусь вам, мне ее до сих пор простить не могут!

– Как Вы это переживали?

– Во-первых, я долгое время этого не чувствовал – я так устроен. Но я покорно слушал и кивал доводам тех, кто говорил, что это плохое кино. Вначале я еще не сформировал свое мнение. Есть период, когда картина снята и еще не вышла на экраны, и вот сегодня посмотрели – мне кажется, хорошая картина. А завтра посмотрели, пришел зал недружественный – я сижу: «Боже, какую я снял ерунду, и как мне стыдно!» Потом, когда картина вышла на экраны и очереди в кинотеатры были километровые, как в мавзолей, это вызвало у меня самоуважение и понимание, что все-таки мы поработали. Надо же, мы сомневались, а смотрите, какой успех! Но это увеличило и степень неприятия.

Мы получили Оскара и Государственную премию СССР за эту картину. Но на советских фестивалях она ничего не получала. А так она была достаточно благополучной картиной... А вот когда была сломана хорошая судьба, которой достойна картина «Любовь и голуби», – это было, действительно, очень несправедливо. Она могла пройти с большим успехом по всему миру. Она и народная, и в то же время архаичная.

Я переживал это необычайно тяжело, потому что всегда пытаюсь смотреть в корень проблемы, это меня и мучает. Легко, если ты так устроен, что когда старшие подскажут: «Ну что ты, не понимаешь, в чем дело? Завидуют смертельно», – ты сразу: «А-а, зависть», – и все снято. А я говорю сам себе: «Нет, тут не зависть, тут что-то интереснее, глубже».

только через подлости какие-то можно сделать такую карьеру!» Стал уже в отчаянии приводить им пример: «Знаете, 20 лет назад я работал на шахте в Воркуте, и,

представьте себе, через 20 лет я получил Оскара». Что вы мне рассказываете, что я снял сказку?! Что такого быть не может?!

– Будь Вы сейчас молодым, Вы пошли бы работать в кино?

– Если говорить откровенно, – нет. Ребята, которые делают штучные работы в традициях прежнего кино, сейчас единицы. Остальные весьма циничны. Сегодня он снимает архаичный фестивальный фильм, а завтра он же пошел и снял две серии какого-то боевика, чтобы подработать. Послезавтра он снял клип и ушел в это на год. Потом опять вернулся и снял еще архаичный фильм.

А мы твердо знали, что этого нельзя делать, иначе ты потеряешь душу. У тебя единственный инструмент твоего существования, творческий инструмент – это твоя душа. Мы уже на своей практике убедились, что так не бывает: быстренько сбегал, согрешил, а потом вернулся опять на праведный путь. Нет. Ты вернулся уже другой.

И у меня есть понимание того, что помимо всех профессиональных достоинств еще нужно какое-то умение проникнуть в национальный код, внедриться в национальный ген. Вот это для меня самое главное! Мне хочется верить, что мне это удалось сделать, по меньшей мере, в двух картинах, и я вижу, слава Богу, что это не психоз, не пена, которая вскипела и улеглась потом.

Прошло 30 лет, и когда ко мне подходят молоденькие девочки и ребята, которые говорят: «Я обожаю фильм “Москва слезам не верит”», – я думаю: «Если вы, 17-летние, его любите, сколько же еще продлится жизнь этой картины?»

У тебя единственный творческий инструмент – твоя душа.

– И что же оказалось на самом деле?

– Я промучился этой проблемой долгие, долгие годы, прежде чем сумел все-таки ее для себя сформулировать, и сейчас попробую описать, что происходило.

Фильм «Москва слезам не верит» вступил в мощнейшее противоречие со всеми установками, сформировавшимися в то время у интеллигенции. Ко времени выхода картины, к 80-м годам, когда до перестройки оставалось пять лет, по сути дела, было два общества в одном. Социалистическое и диссидентское. Но не в том, не в солженицынском смысле, а в том, что «какие идиоты нами правят, и все не так, не то, не туда движется». И вся идеология нашего кино и вообще интеллигенции сводилась к тому, что все лучшее, что тогда было, должно быть пропитано ядом, тем, как здесь плохо жить, а скоро станет совсем невозможно. Все «лучшие» картины были про это. Лучшие – да мы их не помним сейчас! Они не вошли в золотой фонд. Но они сделали очень большое дело для их создателей – это были их карьерные шаги. Диссиденты не вылезали с международных фестивалей, были там пестуемы, им давали призы, их поддерживало «передовое» общественное мнение.

А «Москва слезам не верит» была картиной о том, что здесь можно жить. «Как это может быть, что героиня стала из простой рабочей директором завода? Это же

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

VI церковно-общественная выставка-форум

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

К ДНЮ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
1 – 4 ноября 2007

ЦВК "Экспоцентр"
Краснопресненская наб., 14, метро "Деловой центр"

"НАВСТРЕЧУ ГОДУ СЕМЬИ"

девиз выставки-форума

Время работы:
1 ноября 12.00 – 20.00
2, 3 ноября 11.00 – 20.00
4 ноября 11.00 – 17.00

В ЭКСПОЗИЦИИ:
Социальные проекты регионов России: семья, материнство, здоровье, детство •
Служение Русской Православной Церкви • Церковное искусство, иконы, книги, ювелирные изделия • Восстановление и реставрация храмов • Духовные центры России и паломничество • Национальные символы России в народном творчестве • Современный быт и народные традиции

В ПРОГРАММЕ:
Конференции • Общественные слушания • Конкурсы • Музыкальный фестиваль

Для поклонения верующих
ЧЕСТНЫЕ МОЩИ СВЯТИТЕЛЯ
МИТРОФАНА ВОРОНЕЖСКОГО

Организаторы:
• Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата
• Издательский совет Русской Православной Церкви
• Паломнический центр Московского Патриархата
• Выставочное объединение "РЕСТЭК"и

Спонсоры:

Партнеры:

Информационные партнеры:

Соорганизатор: ЗАО "Экспоцентр"

Информация:
РЕСТЭК (495) 544-3831

Информация о программе WWW.PRAVOSLAV-EXPO.RU

Славянка

Православный женский журнал "Славянка"
выходит 6 раз в год (один раз в два месяца)

Подписка в почтовых отделениях:
по объединенному каталогу
"ПРЕССА РОССИИ" – подписной индекс 27011
по каталогу "РОСПЕЧАТЬ" – подписной индекс 36143

www.slavianka.com
info@slavianka.com
127018, Москва, ОПС-18, а/я 177
(495) 648-05-14; (495) 508-54-91
(917) 582-74-04 подписка

Приглашаем к сотрудничеству
распространителей и региональных представителей,
фотографов и журналистов

*Первый православный
женский журнал
в России!*

- О русских духовных традициях
- О семейных отношениях и воспитании детей
- О женских судьбах, талантах и чудесах веры
- О здоровье и красоте
- О "женских тайнах" рукоделия и кулинарии

НЕСТЕРЕНКО Василий Игоревич

Художник. Родился в 1967 в Павлограде, на Украине. Закончил Суриковский институт. Народный художник Российской Федерации, действительный член Российской академии художеств. Награжден орденом Сергия Радонежского II степени за работу над росписями Храма Христа Спасителя.

Василий Нестеренко:

«В кругу моих знакомых нет людей, испорченных славой»

В. Нестеренко. Последние листья. 1995

Василий Игоревич – необычайно улыбчивый, простой и открытый человек. Да и, конечно, очень занятой. Но он отвечает на все мои вопросы не торопясь, поясняя, что непонятно, и как-то очень искренне, радушно...

Интервью у народного художника РФ Василия Игоревича Нестеренко я брала... под деревом. Договорились встретиться на Чистых прудах: там скамейки, уютно и тихо. Увы, не получилось – как раз в этот момент на прудах шли работы по благоустройству территории. Не долго думая, мы обошли все заграждения и пробрались-таки на зеленый кусочек в центре.

Я повесила сумку на ветку дерева, приготовила диктофон и спросила:

– Ничего, что так?

– Да ну что вы! Так все по-простому, на природе...

Вот так по-простому, на природе мы поговорили. Прощаясь, я подумала, что когда в очередной раз попаду в Храм Христа Спасителя, то на некоторые росписи взгляну совсем другими глазами. На росписи Василия Игоревича.

– Василий Игоревич, как Вы стали художником?

– Я любил искусство с детства. Искусство – это как болезнь. Многие не заражаются. Многие из тех, кто заразился, рано или поздно излечиваются. И лишь немногие «болеют» всю жизнь. Так вот я из тех, кто заразился на всю жизнь. И никогда по-настоящему для меня не вставал вопрос, куда пойти учиться, – я с девяти лет знал, что буду художником. И жизнь текла как-то спокойно, уверенно. Я оказался вовлеченным в искусство довольно рано. Сначала были выставки в школе, где я учился, потом – выставки в Манеже и ЦДХ. Я закончил художественную школу, затем Суриковский институт, потом была стажировка в США, дипломная работа... И параллельно с этим – персональные выставки в России и за рубежом: в Японии, США.

В раннем детстве я лишился отца, воспитывала меня мама. Поначалу она не очень поддерживала мое стремление стать художником, зная, как это нелегко. Теперь я ее прекрасно понимаю. Родителям, которые сомневаются, посвящать ли ребенка искусству, я всегда советую прочитать роман Эмиля Золя «Творчество». Роман наводит на размышления о сложности этого пути. Моя мама очень боялась, что я не выдержу, сломаюсь. А потом, видя мое упорство и огромное желание, стала меня поддерживать. И сейчас она – мой самый близкий и лучший советчик.

– Я знаю, что в начале 1990-х Вам предлагали остаться жить и работать в США. Почему Вы не согласились?

– Я родился в России, я русский человек и не смог бы прожить вдали от своей Родины. Выставки за рубежом – да, хорошо, слава Богу. Но остаться в чужой стране – мне кажется, это нелегко, это значит испортить себе жизнь. Почитайте воспоминания о России наших эмигрантов – Бунина, Шмелева: такая глубокая грусть о потерянной Родине! Нет, это очень непросто – жить на чужбине.

Беседовала Елена КОРОВИНА

В. Нестеренко. Алена. 1992

– Но Вы все же вступили в Американскую лигу профессиональных художников...

– Будучи в Америке, я познакомился с учеником Репина Михаилом Александровичем Вербовым. Ему было на тот момент 96 лет. Мы общались с Михаилом Александровичем три года – он не дожил год до своего 100-летия. Он был почетным членом Американской

лиги художников, и как-то раз, когда в США проходила моя выставка (я на ту пору был студентом), ее посетили художники лиги. Это была моя проверка на прочность, меня оценили и приняли.

Искусство – это как заразная болезнь. Многие не заражаются. Многие из тех, кто заразился, – рано или поздно излечиваются. И лишь немногие заражаются на всю жизнь.

– А Вы сами никогда не сомневались в правильности своего выбора?

– Наоборот, укреплялся. Меня многое не устраивает в современной жизни, в стране, в культуре, искусстве. И я не собираюсь пассивно ждать, когда этот негатив черным крылом коснется моих детей, я хочу с этим бороться. Мое оружие – это кисть и палитра. И это не так мало значит. В Севастополе в 2005 году проходила акция к 150-летию обороны Севастополя. У Энгельса можно найти только отрицательные отзывы об обороне этого славного города, о Российской империи и армии. Советская историография подхватила этот отзыв, в школах про Севастополь забыли, и в итоге оказалось: мы ничего не знаем про эту битву, где погибло более миллиона человек. Вы представляете, как это сейчас важно и актуально – донести до нашего народа, до нашего сознания величие и мощь России. К этому событию я и написал картину «Отстоим Севастополь» (холст 300 x 515 см. – Ред.). Для меня это звучит как «Отстоим Москву, отстоим Россию!» Во время выставки в Севастопольском художественном музее я видел фрагмент этой картины, помещенный на рекламных билбордах, в аэропорту и на вокзалах Симферополя и Севастополя, на трассах Южного берега Крыма. Люди приняли картину с душой, уловили настроение и поддержали.

– Сейчас в России, наверное, не так много истинных ценителей искусства...

художники. А в Европе с этим сложнее. Я знаю не понаслышке: спроси рядового европейца, кто такой Магритт, Ренуар, Брейгель, – ответа не дождешься.

– Вам бы хотелось, чтобы Ваши дети тоже посвятили жизнь искусству? Вы их видите художниками?

– Дети у меня пока совсем маленькие. Я не знаю, какой путь они выберут. Но если выберут путь служения Отечеству на ниве искусства – я им буду только содействовать. Если не захотят – я постараюсь привить им любовь к искусству в любом случае.

– Что думает об этом Ваша жена?

– Жена Оля всегда рядом, всегда во всем меня поддерживает. Она – мой главный помощник.

В. Нестеренко. Триумф российского флота. 1994

Меня волнует вопрос «Кто есть герой нашего времени?» Когда-то это были Онегин и Печорин, а кто сейчас?

– Нет-нет, я считаю, в России люди очень любят и понимают искусство. Зачастую по-своему, неумело, коряво – но сильно любят! Я однажды даже видел налку во всю грудь с репродукцией картины Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа». Это что такое? Любовь к искусству в такой своеобразной форме. Спросите у любого русского человека на улице, кто такой Айвазовский, Суриков, Репин, – вам все ответят, все их знают, ну хотя бы знают тот факт, что они – русские

– Меня всегда интересовал вопрос: почему так мало женщин-художниц?

– Потому что это очень сложный путь, повторяюсь. Так мало художниц не потому, что у женщин нет таланта и способностей, а потому, что сама жизнь женщины направлена на другое. Ей особенно тяжело отказаться от всего и жить ради искусства. Это тот случай, когда профессия становится образом жизни. Не каждая художница может такое выдержать и остаться верной своему пути до конца жизни.

– Что Вам ближе – пейзажи, портреты, евангельские сюжеты?

– Не могу сказать, что мне что-то ближе. Господь дал мне возможность все видеть, все изображать, даже

что-то абстрактное. Все картины – плод вдохновения. Особенно мне нравится изображать то, что немножко выходит за грань живописи. Как, например, показать тяжесть мокрого снега на ветках, шорох падающей листвы? Когда это удастся перенести на холст – это настоящий успех. Так же, как в портрете главное – показать душу человека, и вопросы сходства отойдут на второй план. Все может быть интересным – и пейзаж, и портрет.

Я очень люблю в своей работе разнообразие. Есть художники, которые всю жизнь пишут натюрморты. И все. Мне кажется это немного скучным. Или все время – обнаженная натура. Одна выставка, вторая, третья – и везде обнаженные. Красиво, конечно, но хочется и одетого человека на картине, наконец, увидеть. Пусть все будет

разные. И не хотелось бы, чтобы для большинства героев были участники какого-нибудь «Дома-2». Мне говорят: «Да, знаете, сейчас молодежь так воспитывают, у них другие ценности». Так мы же их и воспитываем! Мы! На нас и вся ответственность, и все от нас зависит!

Не так много людей, которые искренне могут радоваться успехам молодых соратников. Это умение – признак действительно талантливого, знаменитого человека.

– А кто для Вас – герой нашего времени?

– Можно посмотреть на мои картины-портреты и получить ответ. Это как не известные широкому кругу люди – просто мои знакомые, так и довольно знаменитые личности. Например, великая русская певица Ирина Архипова или знаменитый актер Василий Лановой. Они все для меня – герои моего времени. Я пытаюсь узнать их изнутри, ведь чтобы написать портрет, недостаточно просто иметь талант, надо подружиться с человеком, почувствовать его душу, иначе ничего не получится.

– Вы встречались со многими знаменитыми людьми – на Ваш взгляд, слава их не портит? Как уберечься от звездной болезни?

– Пройти срединным путем, как-то удержаться. Ведь можно попасть в ловушку славы – и оказаться не художником или артистом, а чиновником, председателем какого-нибудь фонда. Это как цепная реакция. И творческое начало будет убито. А можно иметь всегда душу ребенка, как у Ланового, – он всегда простой, открытый, несмотря на всенародную известность. Наверное, мне повезло: в кругу моих знакомых нет людей, испорченных славой.

– Так чем же знаменитости отличаются от простых смертных, на Ваш взгляд?

– Сложно ответить. С одной стороны, они просты в общении, они такие же, как и все, а с другой – чувствуется, что они несколько иные. Они заряжены на творчество, у них молодая душа. Вернемся к тому же Вербову, ученику Репина, – его знал весь Нью-Йорк, а он мне, студенту, просто говорил: «Я сделал новую работу, пойдем посмотрим, что скажешь». Простота – вот чем отличаются по-настоящему великие, знаменитые люди. Среди художников не так много людей, которые искренне могут радоваться успехам молодых соратников. Это умение – тоже, на мой взгляд, признак действительно талантливого, знаменитого человека. Слава не должна портить. Она должна быть стимулом – выше, дальше, глубже. Ведь можно просто достичь успеха и остановиться на достигнутом. И все. Получится застой и постепенное угасание творчества.

разное, главное – чтобы в любой картине был ты, твой стиль. Разнообразь творчество, не изменяя себе. Но многообразие интересов не должно быть сопряжено с желанием подстроиться на потребу времени: сладенько, гламурненько, иначе не оценят.

Я расписывал много храмов: Храм Христа Спасителя, Успенский собор в Дмитрове, Успенский храм в Домнино – родовом имении Романовых, расписывал Тронный зал Иерусалимского Патриарха в Иерусалиме. Мне интересно писать картины на историческую тематику, пейзажи, портреты. Но, особенно в портретном жанре, меня волнует вопрос «Кто есть герой нашего времени?» Когда-то это были Онегин и Печорин, а кто сейчас? Разумеется, для всех людей и героев

В. Нестеренко. Наедине с собой. 1995

Чтобы написать портрет, надо подружиться с человеком, почувствовать его душу, иначе ничего не получится.

— Если человек мечтает о славе — это хорошо или плохо?

— Конечно, хорошо, ведь эта мечта является главным стимулом. Об этом мечтали многие великие русские люди: Суворов и Ушаков, Брюллов и Репин — и получили ее вполне заслуженно. И они через свою славу вознесли Россию. Еще важно определиться, о какой славе ты мечтаешь и зачем. Я пытаюсь заряжать

своим творчеством только на добро. И в наше время получить такую славу при всем своем профессионализме и таланте сложнее, чем славу скандалиста. Есть такой художник-авангардист Олег Кулик, который на выставках выскакивает на четвереньках голым и кусает ноги посетителей. Известны его коровы с видео под хвостом, бюст Толстого в курином помете и с живыми курами вокруг... Кулик — довольно прославленный персонаж. Так что и такая слава бывает. Заниматься сохранением традиций русского искусства труднее, намного проще привлечь внимание вот так, эпатажем.

— Кто для Вас — пример для подражания в Вашем творчестве?

— Не буду называть современных художников, хотя оговорюсь сразу — такие есть. Я старался учиться у всех великих живописцев — это Куинджи, Иванов, Нестеров, Васнецов, Микеланджело, Ван Дейк...

— Вы чувствуете себя знаменитым?

— Мое творчество знают многие люди... Но знаменитым я называть себя не хочу. Однажды по телевидению я увидел репродукцию своей картины «Триумф российского флота», которая находится в Москве в музее Вооруженных сил. Сюжет был про Владикавказ. Кто сделал, что она туда попала в передачу? Я в Северной Осетии не бывал ни разу. Приятно? Конечно, приятно. Можно, конечно, начать говорить о нарушении авторских прав, но об этом ли речь, когда происходит такое признание тебя как художника?

— Почувствовали ли Вы на себе, что значит искушение славой?

— У меня такое бывает нечасто. Да, на выставках, когда я окружен прессой, телевидением, когда ко мне подходят за автографом, это, конечно, очень приятно. Но это еще и огромное чувство ответственности. Еще я всегда опасаюсь кого-то обидеть. Подошел ко мне человек с кусочком пригласительного билета, просит автограф, просит сфотографироваться, а я в это время занят — интервью или просто беседа с гостем... Отказать нельзя: человек специально пришел, может, добирался долго, может, с работы отпросился — я не имею права его обидеть, попросить подождать. Приходится все успевать.

— Не страшно было браться за роспись Храма Христа Спасителя? С какими сложностями столкнулись?

— Сложностей было очень много. Груз ответственности просто колоссальный. Несколько лет я отдал работе в этом храме. В храме четыре мои росписи, четыре Богородичные иконы, Плащаница для главного престола, пять картин на евангельские сюжеты в трапезной Патриарха и десять видов монастырей в аванзале зала Церковных Соборов. Росписи и картины я делал в одиночку, без помощников, — это было невероятно сложно: в XIX веке храм расписывали десять лет, а мы расписали за семь с половиной месяцев. Как мы смогли это сделать? Не знаю, чудом.

Храм Христа Спасителя расписывали те художники, кто этого искренне желал, те, кто хотел оставить свой след, кто хотел приобщиться к этому величайшему, фантастическому событию. И это была огромная честь для всех нас. В свое время Александр Иванов мечтал расписать храм — его, Иванова, не допустили! А мне посчастливилось поработать в храме, восстанавливать две росписи Семирадского, две росписи Сорокина — прославленных мастеров XIX века! Это был незабываемый диалог со знаменитыми художниками того времени. Когда я столкнулся с храмовой живописью, я для себя открыл столько новых путей, столько ощущений — целый мир, который обогатил мою жизнь, мою палитру. Так что мы этой работы в Храме Христа Спасителя никогда не забудем.

— У Вас было множество выставок. Была ли среди них особенная для Вас? И почему?

— Наверное, в Большом Манеже, в феврале 2004 года. Когда я готовил эту выставку, я старался не проезжать мимо Манежа — этот длинный ряд колонн действовал на меня удручающе. Мне казалось, что у меня ничего не получится. Но выставка состоялась, да еще какая!

— А у Вас есть любимая картина — из Ваших работ?

— Есть. Еще не написанная.

— А из написанных?

— «Наедине с собой». Можете посмотреть на моем сайте. На ней изображен герой нашего времени, моего времени, — обычный монах, обычный человек, но живущий жизнью необычной, непонятной для нас. Пока есть такие люди в России — Россия будет жить. Или картина «Непокоренный». Я пытался сказать что-то новое о войне, и это, как мне кажется, удалось.

— А что для Вас самое страшное в Вашей работе?

— Больше всего я боюсь не оправдать надежды людей. Страшнее всего услышать: «Плохие у тебя картины. Мы к тебе пришли, а ты какую-то ерунду выставил». Слава Богу, у меня такого не было, но все очень непредсказуемо в мире искусства. Можно всю жизнь проработать, писать картины, а потом, в конце жизни, тебе скажут: «Все это устарело, ничего интересного». Вспомним Александра Иванова, написавшего «Явление Христа народу». Брюллов повезло чуть больше — он успел умереть, прежде чем его стали забывать, а Иванов при жизни узнал, что значит быть отверженным. Рембрант был забыт на 200 лет! Айвазовского как при жизни заклеивали, так и после смерти. И сколько таких примеров! Тяжело быть талантливым и знаменитым. Слава славой, а часто от нее бессонница и тяжесть на душе. Так что неизвестно, что и как сложится. Как можно упиваться славой, когда, может, завтра скажут, что вообще зря ты на свет родился?

Советуем посетить

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

Вы всерьез считаете, что Петр I был безбожником и презирал Древнюю Русь? Так приезжайте и посмотрите на монастырь, основанный им в честь Живоначальной Троицы, куда царь на своих плечах перенес ковчег с мощами древнерусского князя. С тех пор 295-летняя

история обители полна славных и трагических страниц. Санкт-Петербургская духовная академия воспитала тысячи церковных и государственных деятелей. А в 1917 году, поправ все толки о «естественной смерти официально-придворной» Церкви, лавра дала России первых новомучеников и исповедников.

ЧТО ПОСМОТРЕТЬ

Свято-Троицкий собор (1790), а в нем — мощи святого благоверного князя Александра Невского и чудотворную икону Божией Матери «Скоропослушница», перед которой любили молиться императрица Александра Федоровна и ее старшая сестра Елизавета. Один из первых петербургских архитектурных ансамблей XVIII столетия, который начинал строить Доменико Трезини, а закончил Иван Старов. И, конечно, могилы Суворова, Карамзина, Достоевского и еще сотен великих и славных людей России.

КАК ДОБРАТЬСЯ

Санкт-Петербург. Станция метро «Площадь Александра Невского». Можно пройти 15 минут пешком вниз по Невскому проспекту прямо от Московского вокзала. Ранняя служба начинается в 6 утра.

ПОДРОБНЕЕ...

<http://www.lavra.spb.ru/>
<http://www.gmgs.spb.ru/>
<http://www.patriarchia.ru/db/text/142801.html>

Иван Лопатин

ФОТО АРСЕНИЯ ЖУРОВА

ФОТО АНДРЕЯ ГОЛУНОВА

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

То ли самый великий, то ли самый жалкий,
какой-то с придурью пират

Ксения ЕЛИСЕЕВА
Александр ВАСИЛЬЕВ
Федор МАКСИМОВ

— Все-таки Джонни Депп самый великий актер, — помолчав, сказала Диана. Возражений ни от кого не последовало. Мы сидели на кухне и разговаривали о кино. В преддверии премьеры третьей серии предметом обсуждения стал фильм «Пираты Карибского моря». Мы делали самые разные прогнозы, чем же закончится эта эпопея. Должен ли сойти с дистанции невнятный Орландо Блум, и не лучше ли предпочесть столь неразборчивой в симпатиях Кире Найтли настоящего пирата — Воробья? Кто-то заявил, что из надежных источников уже совершенно точно известно, что Блум должен умереть в третьей части. Решили, что это в принципе не важно, ибо образ кузнеца-салаги однозначно бесцветен и бессодержателен. Как, впрочем, и все остальные персонажи — вялые и неубедительные. Главное, чтоб Депп оставался жив, здоров, чтоб обманул всех негодяев, посмеялся над всеми ханжами и доставил нам удовольствие увидеть его в счастливом финале. Ведь, по правде говоря, — фильм-то плохой. И, похоже, что сам Депп это знает, но...

Вспоминается Николай Васильевич Гоголь со своими гениальными лирическими отступлениями в «Мертвых душах». Помните, как он, оплакивая плюшкинское мшелоимство, говорит: «Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымите потом!..» Ну и так далее. Все читали, все «проходили». Иному кажется, что он так молод душой, а поди попробуй, сидя за одним столом с этим человеком, — повесь себе на нос ложку, как в детстве! Глаза на лоб — неприлично.... Недаром Депп начал свою карьеру в группе с говорящим названием «The Kids» — детки, малышня. И детскость, несмотря на все его «взрослые» завихрения, сохранилась в нем, похоже, навсегда.

«Конечно, само понятие вечного детства очень красиво. Я думаю, что такое возможно. Я знал многих людей, которые уже в зрелом возрасте были похожи на детей, имели энергию детей, детское любопытство и обаяние. Думаю, что каждый из нас способен на это. Очень важно сохранять в себе на протяжении всей жизни детские черты».

Как часто читаешь в рецензиях: «Фильм держится на одном Деппе». Так было и в «Пиратах», и в «Однажды в Мексике», и еще в массе других не сильно удачных картин. Что находит такой актер, как Джонни Депп, в, прямо скажем, провальных фильмах, что видит в слабых сценариях, которые ему приносят? Возможность «поиграть»? По-детски так, без особых претензий на

все что угодно? Взять и накрутить на себя кучу фенечек, раскрасить лицо странным макияжем, вставить золотые зубы, поиграть так, как хотелось в детстве, да еще, чтоб этим восхитились миллионы зрителей. И пусть создателей фильма вдохновил какой-то дурацкий аттракцион Диснейленда – Депп создал из мыльного пузыря, из попсового героя блокбастера образ настоящего пирата. Настоящего – не значит, что именно такие рассекали когда-то в XVII веке воды Карибского моря и убивали всех подряд ради наживы. Настоящего – значит такого, которому верят, причем и дети и взрослые.

«Меня вовсе не волнует, как я выгляжу, если так нужно для моего героя. А вне экрана лучше уродство, чем красота. Уродство дольше сохраняется. Ведь, в конце концов, всех нас ждет могила. Кому вы нужны, если у вас ничего нет, кроме внешности?»

Даже Орландо Блум в восторге: «Это невероятно: когда актер берет и лепит из ничего характер своего героя, и ты понимаешь, что никто никогда уже так не сыграет. Это Джонни Депп! Он – смелый и талантливый актер, способный даже в «фильме от Уолта Диснея» играть очень необычно и на грани между приличием и скандалом. Я думаю, именно за это его и любят зрители и коллеги!» Конечно, как можно не любить ребенка, который веселит скучных взрослых своими необычными выходками и буйной фантазией, которой у большинства дефицит. вспомните «Волшебную страну», эту историю про дядю-ребенка, играющего с мальчишками в пиратов, «Чарли и шоколадная фабрика», да даже «Шоколад» – сцена поедания червя на глазах у изумленной маленькой Анук! Отношения героев Деппа с детьми просто поразительные – они говорят на одном языке.

Депп – мужчина семейный, скоро, говорят, станет многодетным отцом. Когда мама Ванесса вынуждена работать далеко от дома, папа с удовольствием «работает» за двоих. С Лили-Роуз играет в куклы, с Джеком скачет наперегонки на деревянных лошадках. А вечером из чулана извлекает палатку, и все ночью спят в саду.

«Я тридцать пять лет прожил, будто в тумане. Не мог осознать, кто я на самом деле и чего хочу. Встреча с Ванессой все изменила. Наркотики – это не выход. От реальности надо бежать иначе, например читать, рисовать или писать. Я страдал от одиночества и сам загонял себя в могилу: пил, ел всякую гадость, спал мало, дымил как паровоз. Когда родные пытались меня остановить, я не понимал, думал, это все глупости. Но слова их как-то засели у меня в голове. Если б я продолжал в том же духе, точно бы ноги протянул».

Газетчики любят обсудить чудесное превращение оболтуса Деппа в настоящего семьянина. Но и сам актер, нимало не стеснясь, признает, что мир для него с недавнего времени перевернулся. «В тот момент, когда я услышал первый крик моей новорожденной дочери, я испытал настоящее потрясение. Меня как будто схватили за уши и вытянули из густого тумана, в котором я блуждал всю мою предшествующую жизнь. Это было похоже на озарение», – эти слова Деппа в 1999 году цитировали все газеты, рассказывавшие о том, что вчерашний скандалист Депп – теперь отец очаровательной малышки Лили-Роуз Мелоди. Затем в 2002 году родился Джек Джон Кристофер. Теперь эти двое – его главные зрители.

И «Волшебная страна», и «Чарли», и «Пираты» стали своеобразным приношением актера своим пока еще совсем маленьким детям.

TASSPHOTO.COM

«Я уж точно не смог бы посадить их перед экраном и включить «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», – со смехом говорит Депп. – Но я хотел бы сделать что-то для них. Когда вы становитесь отцом, вы начинаете по-иному мыслить. Вы все время думаете о своих детях, играете с ними, и это состояние побуждает вас играть внутри себя».

Лили-Роуз и Джек уже, наверное, знают, чем закончилась третья серия «Пиратов». А мы в ожидании российской премьеры болтали о кино, сидя

вечером на кухне. Поговорили и про то, какой Депп разноплановый актер, и как он чудесно перевоплощается для каждой роли, и какой он красавец, и какой молодчина... – удивительно много можно сказать о Джонни Деппе, сидя на кухне в Пушкино. А в далекой Франции в деревне План-де-ла-Тур тоже, наверное, вечер. Козы, французские старики-фермеры... Дети бегают. И большая часть этой замечательной публики даже не подозревает, что их сосед-американец – известный актер. Депп подтверждает – так и есть: «В южной провинции в основном интересуются своим французским кино. Звезды для них – Депардьё, Габен. И если кто-нибудь из местных детей говорит мне, что я похож на Джонни Деппа, я с ними не спорю».

P. S. Вот и прошла премьера третьей части «Пиратов». Смеялись от души – все шутки смешные, ни одной скабрешной, плоской, неудачной. Все самоотверженно предают друг друга ради общего дела, стреляют без разбору во что попало, орут «Огонь!» все по очереди, прежде чем выпалить наконец-то по противнику. И среди всего этого прекрасного безобразия снова выделяется все та же фигура – то ли самого великого, то ли самого жалкого, не страшного, не кровожадного, какого-то с придуриью пирата Джека Воробья.

Мы-то его любим, и мы надеемся

Все, что написано выше, – чистая правда. Но есть и другая. Куда деть «Сонную лошину», «Открытое окно» и, конечно же, «Девятые врата» – триллеры с очень мрачной подкладкой, в которых снимался Джонни Депп? О его харизме, знаменитом депповском обаянии никто не спорит. Но в этих картинах обаяние Деппа делает обаятельным само зло. Особенно постарался знаменитый Роман Полански. То, что у этого режиссера особые отношения с князем тьмы, – не вызывает сомнения, и все его картины – это не просто поставленные на поток «ужастики», а фильмы посвященного.

О том, что Депп изменился после встречи с Ванессой Парадиз, не писал только ленивый. Мимоходом в

«В последнее время, уже став отцом, я стал иначе относиться и к выбору фильмов. Теперь я постоянно думаю о том, что дети наблюдают за мной и будут повторять все то, что я делаю. Это сознание ответственности за свои поступки в то же время придает силы. Я теперь многое делаю так, чтобы дети гордились своим отцом».

Она тоже не ангел, но... результат налицо: мы все увидели другого Деппа.

любой биографии Деппа говорится, что эта встреча произошла на съемках «Девятых врат». А теперь соберем все вместе.

Перед нами просто сюжет «Бойцовского клуба». Главный герой Джек встречает возможность своего спасения — Марлу — в тот момент, когда дьявол, казалось бы, полностью завладел его личностью. Приблизительно то же самое и происходило с Деппом в 1999 году. Ему 36, за плечами — сверхбуйная молодость, он

признан кинокритиками как самый талантливый актер своего поколения, его талант срочно призван на самый главный проект киноиндустрии рубежа веков «Достойно, по-антихристиански встретить миллениум» — впервые открыто на арену представить долго томившуюся в подполье половую религию. И вот в момент, когда, казалось, все предыдущие «деяния» Деппа вели его к закономерному финалу — в лапы к «понятно кому», и... появилась Ванесса. Она тоже не ангел, но... результат налицо: мы все увидели другого Деппа.

Пути Господни неисповедимы. Эту фразу мы повторяем часто, но реальная жизнь не дает ей стать кондовым штампом. Именно поэтому Джонни Деппу и его супруге предстоит еще много испытаний в их жизни. «Князь» не любит, когда, казалось бы, его стопроцентные клиенты ускользают от него, и сделает все, чтобы у Джонни был «заслуженный» финал. НО... мы-то его любим, и мы надеемся... ведь выбрался Джек Воробей из пасти Кракена.

Мне не нравятся предатели

Признаюсь, я прочитал то, что написано выше и решил посмотреть «Пиратов». «Девятые врата» и «Волшебную страну» я смотрел раньше, и с ними все ясно. Но после такой лестной рецензии... К тому же я люблю детское кино, да еще с «лучшим в мире пиратом». Итак, я купил диск со всеми тремя сериями и уселся перед экраном в ожидании трех приятных вечеров. Но чем дольше я смотрел, тем

большее разочарование испытывал. И — главное — не от игры актеров, не от Джонни Деппа, мастерство действительно «не пропешь». И не от сюжета, меня ведь предупредили. Главное разочарование и даже отторжение вызывают цели всех (!!!) героев и способы, которыми они пытаются их достичь. Говоря словами одной рецензии: «Очень сложно вспомнить, кто, кого и сколько раз предавал». И, честно говоря, мне от этого противно. Мне не нравятся предатели. Даже если они очень обаятельны, даже если их играют великие актеры. И ладно бы, если бы с ними в результате происходило какое-то изменение. Типа был нехороший, потом начал что-то понимать, стараться жить по-другому. Что-то получилось, что-то нет и т. п. Таков, например, пират Синдбад в одноименном мультфильме, который из безнравственного и беспринципного разбойника превращается в героя, отдающего жизнь за друга и через это побеждающего зло. Здесь же никто не меняется. Как все гонялись за золотом, так и гоняются. Как все были подлецами, так и остаются. И ничего. Все довольны. Помните, как в старой песне:

Иной клянется страстью пылкой,
Но коли выпито, коль выпито вино,
Вся страсть его на дне бутылки
Давным-давно, давным-давно, давным-давно!

Иной усищи крутит яро,
Бутылкам всем, бутылкам всем глядится в дно!
Но сам — лишь копия гусара
Давным-давно, давным-давно, давным-давно!

Так и все герои «Пиратов» — лишь копии пиратов. И волшебный компас Джека Воробья, указывающий туда, где находится главное желание его обладателя, в последних кадрах фильма очень честно показывает на закатившуюся под лавку бутылку с ромом.

Так что, по-моему, зло, которое Джонни Депп сделал таким обаятельным вместе с Романом Полански, нигде не делось. Оно просто перестроилось, расширило аудиторию, прихватив в свои сети и детей, навешало на себя фенечек, перестало казаться кровавым, а стало милым с придури пиратом, поселившимся на обложках детских тетрадей и учебников.

Статью можно обсудить на форуме
<http://naslednik-magazine.ru/forum>

Как все гонялись за золотом, так и гоняются. Как все были подлецами, так и остаются. И ничего. Все довольны.

ПОДПИСКА!

Православный молодежный журнал

«НАСЛЕДНИК»

Периодичность: издание – 6 раз в год.
Объем – 80-96 страниц

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ

в стоимость подписки включена
доставка журналов бандеролью,
подписка возможна с любого номера

1 экз. (руб.)	полгода (руб.)	год (руб.)
85	255	510

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ

НА ПОЧТЕ

Вы можете оформить подписку в почтовых отделениях через Объединенный каталог ПРЕССА РОССИИ «Подписка – 2007», Индекс: издания – 48487.
(см. Православный молодежный журнал «Наследник»)

ЧЕРЕЗ БАНК

Точно заполните и оплатите квитанцию

Информацию о других видах подписки Вы можете получить
по телефону редакции или по телефонам официального
распространителя журнала «Наследник» ООО «Феникс – М»

Приехать в редакцию можно по адресу: Москва, Крестьянская пл., д. 10,
Новоспасенский м-рь, редакция
(ст. м. «Пролетарская» или «Крестьянская застава»),
с 11:00 до 18:00 – ежедневно, кроме выходных и праздничных дней.

По всем вопросам обращаться в редакцию, тел. 676-69-21, email: naslednik-subscribe@yandex.ru

Официальный
распространитель
журнала «Наследник»
ООО «Феникс-М»

115487, г. Москва,
ул. Садовники, д. 3
www.interpochta.org

Харламова Екатерина
тел. 225-53-55 доб. 703
HarlamovaEG@interpochta.ru

Саутина Виктория
тел. 225-53-55 доб. 522
SautinaVV@interpochta.ru

Журнал можно приобрести
в монастырях и храмах, крупных
православных магазинах, в точках
продажи Компании «Кардос»
г. Москвы, а также в городах:
Санкт-Петербурге, Екатеринбурге,
Магадане, Калининграде,
Одессе, Риге

ОПЛАТА ЧЕРЕЗ БАНК

1. Заполните
квитанцию
о подписке.
Просим обратить
внимание на
точность заполнения
адресных данных
и контактного
телефона.

2. Вырежьте
квитанцию
и оплатите
свой заказ.

3. Отправьте копию
квитанции по адресу:
115172, Москва,
Крестьянская пл.,
д. 10,
Новоспасенский м-рь,
Редакция журнала
«Наследник»
(можно сообщить
по тел./факсу
(495) 676-69-21).

4. Вниманию
юридических лиц!
При перечислении
денежных средств
плательщиком
поручениями
обязательно выпол-
ните условия, указан-
ные в п. 3.

Издательство	Расчетный счет АНО Редакция журнала «Наследник» (получатель платежа) Р/с 40703810590000000254 в КБ «Русский Банк Развития» ЗАО г. Москва (наименование банка) Корреспондентский счет 30101810500000000297 Идентификационный номер БИК 044585297 ИНН 7705665159 КПП 770501001 ОКATO 45886580000			
	Ф. И. О. Адрес (с индексом), тел. плательщика (с кодом)			
Кассир	Вид платежа	Кол-во экз.	Дате	Сумма, в т.ч. НДС
	Подписка №1 ☐ №2 ☐ №3 ☐ на журнал №4 ☐ №5 ☐ №6 ☐ «Наследник» 900_			
Квитанция	Платежный			
	Расчетный счет АНО Редакция журнала «Наследник» (получатель платежа) Р/с 40703810590000000254 в КБ «Русский Банк Развития» ЗАО г. Москва (наименование банка) Корреспондентский счет 30101810500000000297 Идентификационный номер БИК 044585297 ИНН 7705665159 КПП 770501001 ОКATO 45886580000			
	Ф. И. О. Адрес (с индексом), тел. плательщика (с кодом)			
	Вид платежа	Кол-во экз.	Дате	Сумма, в т.ч. НДС
	Подписка №1 ☐ №2 ☐ №3 ☐ на журнал №4 ☐ №5 ☐ №6 ☐ «Наследник» 900_			

В редакции можно приобрести
номера журнала по темам:
свобода, простота, надежда, честь, радость

Темы
следующих
номеров:
**вера
власть
талант
справедливость
сила**

Авиашоу группы высшего пилотажа «Русские витязи». PhotoXPress